

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

РОССИЯ

В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Том 28. Выпуск 3

Санкт-Петербург
2025

Россия в глобальном мире
Редакционная коллегия журнала

Лбова Л.В. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **главный редактор**;

Погодин С.Н. – д. ист. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Санкт-Петербург, Россия) – **ответственный редактор**;

Баранов Н.А. – д. полит. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Бахтуридзе З.З. – д. полит. н., профессор (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Гафаров М. – д. юр. н., профессор (Бакинский Государственный Университет, г. Баку, Азербайджан);

Дай Юнхун – д.э.н., профессор (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Калашикова Н.П. – д. полит. н., профессор (Евразийский Национальный Университет имени Л.Н. Гумилева, г. Астана, Казахстан);

Кефели И.Ф. – д. филос. н., профессор (Северо-западный институт управления (филиал Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия);

Кожирова С.Б. – д. полит. н. (Институт востоковедения Министерства науки и образования РКБ г. Алматы, Казахстан);

Ли Цзинчен – к. полит. н., (Шэньчжэньский университет, г. Шэньчжэнь, Китай);

Михайленко В.И. – д.ист.н., профессор (Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия);

Русакович А.В. – д. ист. н., профессор (Белорусский государственный университет; г. Минск, Республика Беларусь);

Сидорчук И.В. – д. ист. н., доцент (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; г. Санкт-Петербург, Россия);

Табарев А.В. – д. ист. н., доцент (Институт археологии и этнографии Сибирского Отделения Российской Академии Наук; г. Новосибирск, Россия).

Ежеквартальный рецензируемый научный журнал, в котором представлены публикации, соответствующие отраслевым направлениям и научным специальностям (*по номенклатуре специальностей ВАК*):

5.5. Политология (5.5.1. История и теория политики, 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики, 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования).

5.6. Исторические науки (5.6.1. Отечественная история, 5.6.2. Всеобщая история).

Рубрики ГРНТИ: 03 История. Исторические науки, 11 Политика и политические науки, 23 Комплексное изучение отдельных стран и регионов.

Рубрики OECD 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

Цели журнала - создание и развитие постоянно действующей платформы для публикации актуальных материалов по вопросам развития международных отношений и социальных вызовов XXI века; развитие методологии и методики современного научного гуманитарного знания в области политологии, отечественного и зарубежного регионоведения; научный обмен между научными школами и направлениями. Журнал публикует научные статьи, обзоры, рецензии, информацию о научных мероприятиях. Издание адресовано преподавателям и студентам вузов, ученым, аспирантам и соискателям, а также заинтересованным в обсуждении современных идей и практик в области международных отношений, регионоведения, истории науки и политологии.

Редакционная политика журнала базируется на современных юридических требованиях в отношении авторского права, поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированных Комитетом по этике научных публикаций (COPE), строится с учетом Декларации Сараево по целостности и видимости научных публикаций и Декларации «Этические принципы научных публикаций», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (АНРИ). В состав Редколлегии входят ведущие отечественные и зарубежные ученые. Публикация научных статей для всех авторов бесплатна. Статьи публикуются на русском и английском языках.

ИНДЕКСАЦИЯ: сведения о публикациях Журнала представлены в базе данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ), размещенной на платформе Научной электронной библиотеки <http://www.elibrary.ru>, на научной платформе Open Access «КиберЛенинка», а также в Российской государственной библиотеке (РГБ). С 2024 г. входит в Перечень ВАК Минобрнауки РФ.

ISSN 2304-9472; ISSNе 2949-3501

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77 - 84167 от 09.11.2022.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29

Тел. редакции: 8(812)606-62-42; e-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru; сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2025

The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation

**PETER THE GREAT SAINT PETERSBURG
POLYTECHNIC UNIVERSITY**

RUSSIA

IN THE GLOBAL WORLD

Volume 28. Issue 3

Saint Petersburg
2025

Russia in the Global World

Editorial Board:

Lyudmila V. Lbova – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Editor in Chief**;

Sergey N. Pogodin – Doctor of History Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University; Saint Petersburg, Russia*) – **Associate Editor**;

Nikolay A. Baranov – Doctor of Political Sciences, Professor (*North-West Institute of Management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia)*);

Zeynab Z. Bakhturidze – Doctor of Political Sciences, Professor (*Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Midhad Qafarov – Doctor of Law, Professor (*Baku State University, Baku, Azerbaijan*);

Yonghong Dai – Doctor of Economics, Professor (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Natalya P. Kalashnikova – Doctor of Political Sciences, Professor (*L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan*);

Igor F. Kefeli – Doctor of Philosophy, Professor (*North-West Institute of management (branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration), Saint Petersburg, Russia*);

Svetlana B. Kozhirova - Doctor of Political Sciences, (*Institute of Oriental Studies of the Ministry of Science and Education of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan*);

Li Jingcheng – PhD of Political Science, (*Shenzhen University, Shenzhen, China*);

Valerij I. Mihajlenko – Doctor of History Sciences, Professor (*Ural Federal University; Ekaterinburg, Russia*);

Andrej V. Rusakovich – Doctor of History Sciences, Professor (*Belarusian State University, Minsk, Belarus*);

Ilya V. Sidorchuk – Doctor of History Sciences (*Peter the Great Saint-Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia*);

Andrej V. Tabarev – Doctor of History Sciences (*Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia*)

“*Russia in the Global World*” is a quarterly peer –reviewed publication that presents the research papers corresponding to the following scientific specialties (according to the nomenclature of the Higher Attestation Commission):

5.5. Political Science (5.5.1 History and Theory of Politics, 5.5.3 Public Administration and Industry Politics, 5.5.4 International Relations, Global and Regional Studies).

5.6. Historical Sciences (5.6.1. National Russian History, 5.6.2. Global History).

CSCSTI Headings: 03 History. Historical Sciences, 11 Politics and Political Sciences, 23 Comprehensive Studies of Special Countries and Regions.

OECD Headings: 05.00.00 Social Sciences, 06.00.00 Humanities.

ASJC Scopus Political Science and International Relations, Sociology and Political Science, Cultural Studies.

The Mission of the Journal. Keeping the traditions of the best Russian publications, the journal is open to the publication of the relevant materials on the development of international relations and social challenges of the 21st century; evolution of methodology and methods of modern scientific humanitarian knowledge in the field of political science, elaboration of domestic and foreign regional studies; scientific exchange between scientific schools and directions, specialists and young researchers. The publication accepts and publishes the scientific articles, reviews, information about scientific events. The publication is addressed to university teachers and students, scientists, graduate students and applicants, as well as those interested in discussing modern ideas and doing the research in the field of International Relations, Regional Studies, the History of Science and Political Science.

The Editorial Policy of the Journal is based on the modern legal requirements for copyright. The Editorial Policy underpins the Code of Ethics for Scientific Publications formulated by the Committee on the Ethics of Scientific Publications (COPE), is grounded on the Sarajevo Declaration on the Integrity and Visibility of Scientific Publications and the Declaration “Ethical Principles of Scientific Publications”, adopted Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The Editorial Board consists of a group of prominent national and foreign scientists.

The publication of scientific articles for all authors is free. The articles are published in Russian and English.

INDEXING: the information about the publications of the Journal is presented in the database "Russian Science Citation Index" (RSCI), hosted on the platform of the Scientific Electronic Library <http://www.elibrary.ru>, on the scientific platform Open Access "CyberLeninka" and the Russian State Library (RSL). Since 2024. it has been included in the list High Certification Commission, Ministry of Education and Science of the Russian Federation.

ISSN 2304-9472; ISSN e 2949-3501

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Founder and publisher: Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University

Editorial address: Polytekhnikeskaya, 29, St. Petersburg, 195251, Russia
Editorial e-mail: russiaglobal@spbstu.ru; URL: <https://russiaglobal.spbstu.ru>

© Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	7
Мир и цифровая трансформация	
Тема номера: Цифровое государство в глобальной перспективе	
<i>Барандова Т.Л.</i> Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта)	9
<i>Королева Л.А., Фань Иян.</i> Мировой опыт повышения продовольственной безопасности на основе интеграции технологий Blockchain и IoT	32
<i>Шубина В.А., Сытник А.Н.</i> Национальные ИИ-порталы как инструменты киберсилы: соединение технологий и политики	49
<i>Рысакова П.И.</i> Цифровизация судебной системы в КНР: между регионализацией и централизацией	67
Международные отношения	
<i>Дзюба Е.В., Ван Хуэй.</i> Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в центральноазиатском регионе	79
<i>Ли Ючуан.</i> Управление искусственным интеллектом в Европе под внешним давлением: последствия для сотрудничества с Китаем	99
Евразийская интеграция	
<i>Туана М., Туана Е.Н., Гюнеш Б.</i> Распространение турецкого языка в России: современное состояние	115
<i>Лбова Л.В., Решетнёва У.Н.</i> Международные рейтинги технических университетов России и Китая 2025 года в контексте модернизации высшей школы	134
Общество и политика	
<i>Павлова О.К., Цзин Линьпань.</i> Адаптация русских эмигрантов в Харбине в 1917–1939 гг. (историко-политологический анализ)	155
<i>Ручкин Н.Д.</i> Новая «Большая» коалиция: внутривнутриполитические вызовы в современной Германии	168
История науки и техники	
<i>Кефели И.Ф., Кораблев В.В.</i> Кафедра физической электроники СПбПУ: становление и развитие Ленинградской-Петербургской научной школы	182
Обзоры, конференции, рецензии	
<i>Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г.</i> Цифровое государство в глобальной перспективе: новые возможности и тенденции изучения	199

CONTENTS

Editor's word	8
The World and Digital Transformation	
Special Theme Section: Digital State in Global Perspective	
<i>Barandova, T.L.</i> Digital Transformation in BRICS+ Countries: Alliances and Cross-State Coordinative Structures (Review of the Foreign States Experience)	9
<i>Koroleva, L.A., Fan Iyan.</i> Global Experience in Improving Food Security Through the Integration of Blockchain and IoT Technologies in Food Supply Chain Management	32
<i>Shubina, V.A., Sytnik, A.N.</i> National AI Portals as Cyber Power Instruments: Bridging Technology and Politics	49
<i>Rysakova, P.I.</i> Digitalization of PRC's Judicial System: Between Regionalization and Centralization	67
International Relations	
<i>Dziuba, E.V., Wang Hui.</i> Interaction between Russia and China in the SCO: Ensuring Security in Central Asian Countries	79
<i>Li Yuchuan.</i> Europe's Artificial Intelligence Governance under External Pressure: Implications for Cooperation with China	99
Eurasian Integration	
<i>Tuana, M., Tuana, E.N., Gunesh, B.</i> The Spread of the Turkish Language in Russia: Current State	115
<i>Lbova, L.V., Reshetneva, U.N.</i> International Ranking of Chinese and Russian Universities in the Context of Modernization of Higher Education in 2025	134
Society and Politics	
<i>Pavlova, O.K., Jing Lingpan.</i> Adaptation of Russian Emigrants in Harbin in 1917–1939 (Historical and Political Analysis)	155
<i>Ruchkin, N.D.</i> New «Grand» Coalition: Inner Challenges of Modern German Politics	168
History of Science and Technology	
<i>Kefeli, I.F., Korablev, V.V.</i> The Department of Physical Electronics, SPbPU: Formation and Development of the Leningrad-Petersburg's Research School in Physical Electronics	182
Reviews. Conferences	
<i>Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Filatova, O.G.</i> Digital State in a Global Perspective: New Opportunities and Trends of Research (Review of the Symposium, St. Petersburg, June 23–25, 2025)	199

EDN: [UDKXFG](#)

СЛОВО РЕДАКТОРА

Концепции цифровизации открывают новые горизонты для развития стран, улучшая качество жизни и повышая эффективность управления. Цифровизация представляет собой новый этап в развитии современного общества, где государственные функции и услуги могут быть предоставлены с использованием современных технологий. Это явление охватывает широкий спектр, включая управление, взаимодействие с обществом и предоставление государственных услуг, создавая новые возможности для участия граждан в процессе принятия решений, формирование новых логистических решений и моделей экономики.

В разделе «Мир и цифровая трансформация» новых выпусков №3 и 4 нашего издания тема номера «Цифровое государство в глобальной перспективе» представлена как коллекция материалов научного симпозиума (23–25.06.2025, г. Санкт-Петербург) (см. статью в Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г.). В статьях Барандовой Т.Л., Королевой Л.А, Сытник А.Н., Рысаковой П.И. и др. проанализированы как общие тенденции и тренды, возможности создания глобального цифрового пространства, которое охватывает практически все страны, так и опыт конкретных разработок. Новая реальность способствует обмену информацией и взаимодействию между государствами, что открывает новые возможности для сотрудничества и развития.

Технологическое развитие в сфере IT создает новые бизнес-модели и условия для перехода к цифровой модели управления, включает в себя использование больших данных, искусственного интеллекта и облачных технологий, что позволяет оптимизировать процессы и повышать эффективность в различных отраслях экономики и управления.

Несмотря на новые возможности, цифровизация несет в себе определенные риски и вызовы в области кибербезопасности, цифровой дипломатии, компьютерной грамотности и др., что становится важными приоритетами для любого государства.

Разрыв в доступе к цифровым технологиям между различными социальными группами и регионами может привести к усилению цифрового неравенства и социальной напряженности. Поэтому важны аспекты, связанные с использованием технологий, такими как искусственный интеллект, которые требуют разработки этических норм и принципов для обеспечения справедливости и прозрачности в цифровом обществе.

Главный редактор
профессор, доктор исторических наук
Лбова Людмила Валентиновна

EDN: [UDKXFG](#)

EDITOR'S WORD

Digitalization offers countries a new frontier for growth, enhancing quality of life and governance efficiency. It marks a transformative phase in modern society, enabling government services through cutting-edge technology. This shift spans governance, citizen interaction, and public service delivery, fostering greater citizen involvement, innovative logistics, and novel economic models.

In the section "World and Digital Transformation" of the new issues No. 3 and 4 of our publication, the theme of the issue "Digital State in Global Perspective" is presented as a collection of materials from a scientific symposium (23–25.06.2025, St. Petersburg) (see: Bolgov R.V., Chugunov A.V., Filatova O.G. in the issue). General tendencies and trends, the possibilities of creating a global digital space that covers almost all countries, as well as the experience of specific developments are analyzed in the publications of Barandova T.L., Koroleva L.A., Sytnik A.N., Rysakova P.I. and others. The new reality facilitates the exchange of information and interaction between states, which opens up new opportunities for cooperation and development.

Technological progress in the IT sector spawns new business models and paves the way for digital transformation. This shift incorporates big data, artificial intelligence, and cloud computing, streamlining processes and boosting efficiency across various sectors.

However, digitalization also presents challenges. Cybersecurity threats, digital diplomacy considerations, and the need for widespread computer literacy are becoming critical priorities for nations. The digital divide between social groups and regions can exacerbate inequalities and social unrest.

Moreover, ethical issues arise with the use of AI, necessitating the development of norms and principles to ensure fairness and transparency in a digitized world.

Editor-in-chief
Doctor of Historical Sciences, Full Professor,
L.V. Lbova

МИР И ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ THE WORLD AND DIGITAL TRANSFORMATION

Тема номера: Цифровое государство в глобальной перспективе
Special Theme Section: Digital State in Global Perspective

научная статья / research article

УДК: 327.7

EDN: [XSMYRI](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.1

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта)

Барандова Татьяна Леонидовна

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ;
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
 tbarandova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Анализируются актуальное состояние структур координации и взаимодействия между акторами в государствах-участниках БРИКС+, участвующих в процессах цифровой трансформации. Представлены промежуточные результаты эмпирического коллективного исследования, в рамках которого проводилось изучение реализации программ по цифровизации государственного управления и внедрению технологий искусственного интеллекта (ИИ), а также ориентированных на развитие и координацию межгосударственного взаимодействия в процессах цифровой трансформации на Латино-Американском, Африканском и Азиатском континентах, а также в Ближневосточном регионе. Рассмотрен интеграционный потенциал имеющихся «государств-платформ», а также альянсы и совместные инициативы, реализуемые в рамках межконтинентального образования БРИКС+. Хронологические рамки сбора данных охватывают период с мая 2024 года до января 2025 года. Цель исследования: определить, как процессы цифровой трансформации осуществляют институциональное оформление, а также выявить актуальное состояние межгосударственных альянсов, влияющих на их координацию.

Методы и материалы. Исследование основано на систематизации первичных данных, собранных методом сплошного обзора (скрининга) интернет-порталов и государственных платформ, находящихся в открытом доступе, предоставляющих отчетные и аналитические сведения о применении технологий ИИ и иной официальной документации по вопросам

цифровизации в государственном управлении по каждой стране-члену БРИКС, позиционированной в рамках своего географического макрорегиона. К собранным данным относятся международные и государственные программы, законодательные акты, доступные по результатам проведенного веб-контент анализа, которые характеризуют сетевые координационные структуры, возникшие для осуществления ими международных взаимодействий в данном объединении.

Результаты. Исследования показывают, что процессы цифровой трансформации и включения технологий ИИ в государственное управление происходят в макрорегионах мира неравномерно; уровни технического развития, социально-экономические и культурные различия влияют и на перспективы более симметричного перехода к формированию новой мировой системы. Предпринимаемые странами усилия по выстраиванию альянсов для возможной координации и интеграции на разных уровнях, и, в частности, на межгосударственном в рамках координационных структур государств-членов БРИКС+, демонстрируют стремление к поддержке внедрения цифрового управления и развитие ИИ, готовность к взаимодействию по сглаживанию имеющихся отставаний. Рассмотрены имеющиеся цифровые инфраструктуры и потенциалы лидерства. Обозначены сферы перспектив многостороннего и билатерального сотрудничества как в рамках региональных альянсов, так и трансконтинентального взаимодействия в формате БРИКС+.

Обсуждение и заключение. Процессы цифровой трансформации и включения продуктов ИИ в государства-платформы и интернет-площадки для функционального политического управления, демонстрируют высокий потенциал институционализации межгосударственных отношений по вопросам реализации совместных инициатив, программ и проектов, координирующих процессы цифровой трансформации в государственном управлении и повышении цифровой вовлеченности граждан в политическую жизнь. Координирующие эти направления надгосударственные структуры имеются в каждом макрорегионе, где присутствуют государства-члены БРИКС+, играющие значительную роль в организации сетевых взаимодействий по развитию как цифровой инфраструктуры, так и обеспечению кибербезопасности, подготовке кадров и повышению цифровой грамотности населения.

Ключевые слова: цифровые международные отношения; цифровая трансформация; БРИКС+; межгосударственные координирующие структуры; цифровое управление; искусственный интеллект

Для цитирования: Барандова Т.Л. Цифровая трансформация в странах БРИКС+: альянсы и межгосударственные структуры координации (обзор зарубежного опыта) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 9–31. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.1.

© Барандова Т.Л., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Digital Transformation in BRICS+ Countries: Alliances and Cross-State Coordinative Structures (Review of the Foreign States Experience)

Tatiana L. Barandova

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration;
Saint-Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
 tbarandova@yandex.ru

Abstract

Introduction. The current state of coordination and interaction structures between the BRICS+ members involved in digital transformation processes are analyzed. The interim results of an empirical collective study are presented, which examined the implemented programs for the

digitalization of public administration and the introduction of artificial intelligence (AI) technologies in government activities, also those focused on the development and coordination of cross-state cooperation in digital transformation processes on the Latin American, African and Asian continents, as well as in the Middle East region. The integration potential of the existing "platform-states" is considered, as well as alliances and common initiatives implemented within the framework of the BRICS cross-continental formation. The chronological data collection frame covers the period from May 2024 to January 2025. The purpose of the study is to determine how the processes of digital transformation are institutionalized, as well as to identify the current situation in alliances that might influence their coordination efforts.

Methods and materials. The study is based on the systematization of primary data collected by a continuous review (screening) of Internet portals and government platforms that are publicly available, providing reporting and analytical information on the use of AI technologies and other official documentation on digitalization in public administration for each BRICS+ member country, positioned within its geographical macroregion. The collected data includes international and state programs, legislative acts available and based on the results of the web content analysis, which characterize the network coordination structures that have emerged to carry out international interactions in this association.

Results. The results of The study shows that the processes of digital transformation and the inclusion of AI technologies in public administration and governments activities occur unevenly in the macro-regions of the world, the levels of technological development, socio-economic and cultural differences affect the prospects for a more symmetrical transition to the formation of a new global system, but the efforts of countries to build alliances for possible coordination and integration at different levels at all, and, in particular, at the cross-state level within the framework of coordination structures for BRICS+ member states. They demonstrate their commitment to support the implementation of digital governance and the development of AI, and their willingness to work together in order to smooth out existing gaps. The available digital infrastructures and leadership potentials are considered, areas of prospects for multi-lateral and bilateral cooperation both within the framework of regional alliances and transcontinental cooperation in the BRICS+ format are outlined.

Discussion and Conclusions. The processes of digital transformation and inclusion of AI products in states, platforms and Internet sites for functional political governance demonstrate a high potential for institutionalizing interstate relations on the implementation of joint initiatives, common programs and projects that coordinate the processes of digital transformation in public administration and increase digital involvement of citizens in political life. There are supranational structures coordinating these areas in every macroregion where the BRICS+ members are present, which play a significant role in organizing network interactions for the development of both digital infrastructure and cybersecurity, training and improving digital literacy of the population.

Keywords: digital international relations; digital transformation; BRICS; inter-departmental coordinating structures; digital governance; artificial intelligence

For citation: Barandova, T.L. Digital Transformation in BRICS+ Countries: Alliances and Cross-State Coordinative Structures (Review of the Foreign States Experience). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 9–31. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.1.

© Barandova, T.L., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Актуальное состояние структур координации и взаимодействия между акторами в государствах БРИКС и БРИКС+, участвующих в процессах цифровой трансформации, анализируется автором на эмпирическом материале, собранном из первичных источников, для изучения интеграционного потенциала как имеющих «государств-платформ», так и складывающихся альянсов, реализующихся совместных инициатив, обозначенных на межгосударственном уровне в рамках этого межконтинентального образования. Хронологические рамки сбора данных

охватывают период с мая 2024 года до января 2025 года. Цель исследования – выявить и дать характеристику процессам цифровой трансформации в институциональном оформлении и деятельности межгосударственных альянсов, влияющих на координацию программ государств-членов БРИКС+ по цифровизации государственного управления с внедрением технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ), ориентированных на развитие межгосударственного взаимодействия на Латиноамериканском, Африканском и Азиатском континентах, а также в Ближневосточном регионе.

По итогам XV саммита БРИКС (Йоханнесбург, ЮАР), с 1 января 2024 года в состав межгосударственного образования, имеющего неформальный сетевой характер взаимодействия между государствами-основателями (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР), вошли новые страны-участницы – Иран, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Египет, Эфиопия;¹ приглашена Саудовская Аравия. Разнородность состава стран по уровню как социально-экономического, так и научно-технологического развития вызывает исследовательский интерес к тому, как между ними складывается многовекторное взаимодействие в сегменте управления и координации процессов цифровой трансформации.

В силу «сетевой» специфики самого объединения, опирающегося на гибкие механизмы практического характера совместной работы (саммиты, рабочие группы, советы по тематическим направлениям, форумные встречи на разных площадках и т.п.), аналитический интерес представляет и его активность в «дополненной реальности», т.е. в формате цифровых платформенных решений. Предоставление населению государственных услуг, осуществляемых в сферах, которые затрагивают внедрение технических решений и использование ИИ внутри и вовне стран-участниц, обозначено в качестве приоритетов и в национальных стратегических документах по процессу цифровой трансформации, и в межгосударственных инициативах, продекларированных в рамках их тематических встреч и/или в планах рабочих групп. Потенциал интегративной кооперации по обмену опытом и созданию альянсов для совместных проектов в «корневых» для стран БРИКС направлениях (сотрудничество в сфере социального обеспечения с основания в 2009 году и до обеспечения технологической устойчивости и кибербезопасности на современном этапе) нужно рассматривать в совокупности, поскольку очерчиваются способы реализации как собственных экономических и технологических амбиций стран, так и их альянсов внутри Платформы БРИКС+, предоставляющей более широкие возможности и для многостороннего, и для двустороннего форматов кооперации и объединения усилий. Прежде всего, устойчивости к нежелательному институциональному влиянию извне, в особенности для присоединившихся стран, не являвшихся явными мировыми лидерами в разработке и внедрении датацентричных форм государственного управления, цифровых управленческих решений, поддержанных цифровыми технологиями воздействия на социум. Публикаций, обобщающих современное состояние государств-платформ и роль координационных структур во всех макрорегионах присутствия членов БРИКС+, нам не встречалось.

¹ Индонезия присоединилась позже – весной 2025 года, поэтому не включена в подробный обзор.

Методология, методы и материалы исследования

В настоящий момент аккумуляция знаний ещё происходит, и наблюдается, на наш взгляд, недостаточная концептуализация институционализирующих процессов в цифровых международных отношениях. Ни одна из теоретических моделей не позволяет в достаточной степени отразить все нерешенные проблемы их динамичного развития в глобальных регионах, поэтому теоретический дизайн исследования был сосредоточен на научном дискурсе о переходе к многополярному миру [1] с фокусом на асимметричность мировой политической системы и концепт «асинхронной многополярности» [2], на модели изучения сетевых аспектов многосторонней дипломатии [3; 4] и цифровой дипломатии [5; 6; 7], и на подходах к анализу цифровизации государственного управления [8; 9; 10], управляемости и политических сетей в условиях четвертой промышленной революции [11; 12]. Изучение контекстуальных процессов цифровой трансформации по континентальным направлениям опиралось на работы зарубежных и российских исследователей [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26]. Анализ всех страновых кейсов осуществлен не столько с позиций политической компаративистики, сколько практического (прикладного) систематизированного изложения существующих региональных альянсов, в которые входят страны как ядра, так и БРИКС+, что способствует углублению аналитического изучения происходящих процессов, в качестве базового шага в направлении теоретического осмысления их позиционирования. Исследование основано на первичных данных, собранных методом сплошного обзора (скрининга) с сайтов, интернет-порталов и государственных платформ, находящихся в открытом доступе. Эти платформы предоставляют отчетные и аналитические сведения о применении технологий ИИ и иную официальную документацию по вопросам цифровизации в государственном управлении в глобальном масштабе. Проведена их систематизация и классификация, в том числе по каждой стране-члену БРИКС (позиционирование в рамках своего географического макрорегиона). Проанализированы международные и государственные программы, рамочные законодательные акты по результатам проведенного веб-контент – анализа, характеризующие сетевые координационные структуры, возникшие для осуществления международных взаимодействий.

Логическая схема изложения собранных данных для раскрытия кейсов ориентирована на последующее сравнение. На настоящий момент она включает основные блоки:

- а) характеристика контекста геополитического состояния в макрорегионе;
- б) выявленные уровни и процессы цифровых трансформаций (включая действующие платформенные продукты по странам);
- в) надгосударственные структуры и межгосударственные альянсы, работающие с развитием цифровой инфраструктуры и ИИ (с фокусом на актуальную ситуацию в конкретных кейсах государств-членов БРИКС в данном анклав);
- г) прогноз тенденций дальнейшего развития координирующих структур и совместных проектов.

Результаты

Полученные результаты исследования показывают, что процессы цифровой трансформации происходят в регионах мира неравномерно, но и демонстрируют

предпринимаемые усилия по их выравниванию и интегрированию стран в рамках выстраивания альянсов на разных уровнях. Это касается не только экономических, но и политических сетевых взаимодействий, и, в частности, межгосударственных в рамках координационных структур государств-членов БРИКС+.

Институты государственного управления в глобальном процессе изменений социально-экономических отношений, которые повлекло за собой распространение интернет-платформ, виртуальных ИИ и нейросетевых сервисов, вошли с «отставанием» по сравнению с коммерческими акторами. Наблюдается «межрегиональная» неровность и законодательного оформления, и реализации политических курсов цифровизации, осуществляемой целенаправленно в разных комбинациях надгосударственных и негосударственных акторов по реинжинирингу процессов предоставления услуг государственного сектора населению в формате электронного управления (e-governance), и транзита к цифровому управлению (d-governance) как ориентирам для широкоформатной цифровой трансформации, т.е. внедрению технологий для ускорения бизнес-процессов в предоставлении государственных услуг. Предполагаемая цель прилагаемых усилий всех участников объединения по координации процессов цифровой трансформации – позитивные изменения жизнедеятельности в результате создания общей экосистемы, позволяющей осуществлять политическое и гражданское участие в глобальном управлении всех заинтересованных акторов. Достигается она ими с существенными отличиями ввиду различия не только «цифровых пробелов» (digital gaps) в глобальном масштабе, разницы уровней технического развития государств-членов БРИКС+, но и тех «проблемных зон» в направлениях международной политики, которые призваны разрешать их правительства. Рассмотрим их достижения и инициативы по выравниванию потенциалов и развитию координации взаимодействий в рамках БРИКС+ по макрорегиональным направлениям².

Латинская Америка:

Бразилия – надгосударственные акторы и их сети

Цифровая трансформация в странах Латинской Америки даёт поле для анализа с учётом разнообразия экономических, политических и социальных условий в макрорегионе. Одним из ключевых аспектов интеграционных взаимодействий является координация и регулирование на надгосударственном уровне использования продуктов ИИ и трендов нейросетевого экономического развития. В настоящее время ещё отсутствуют координационные структуры, способные объединить усилия правительств всех стран региона в вопросах цифровой трансформации, однако имеются международные региональные организации, стремящиеся занять это место, поскольку активно занимаются вопросами развития цифровой экономики. В числе ключевых организаций для осуществления потенциала координации процесса цифровой трансформации выделяются:

- Организация американских государств (OAS /ОАГ), которая активно работает над продвижением цифровой интеграции, проводит форумы, конференции и предоставляет платформу для обмена опытом между странами-участниками по

² Библиотека / Наши публикации. 2011–2025 // Национальный Комитет по исследованию БРИКС (НКИ БРИКС), Россия: [сайт]: URL: <https://www.nkibrics.ru/pages/publications> (дата обращения: 20.02.2025).

вопросам информационных и коммуникационных технологий.

- Экономическая комиссия для Латинской Америки и Карибского бассейна (ECLAC/ЭКЛАК) занимается исследованиями и разработкой рекомендаций по цифровой трансформации в регионе, публикует отчеты и предлагает стратегии для улучшения цифровой инфраструктуры и устранения цифрового неравенства.

- Межамериканский банк развития (IDB/МБР) финансирует проекты, направленные на развитие цифровой инфраструктуры и улучшение цифровых услуг во всей Латинской Америке, предоставляя техническую поддержку и консультируя правительства по вопросам цифровой экономики.

- Альянс Тихоокеанского региона (АТР/Pacific Alliance, включает Чили, Колумбию, Мексику и Перу) активно работает над интеграцией цифровых рынков и развитием региональной цифровой экономики, проводя совместные инициативы по улучшению ИКТ-инфраструктуры и обмену лучшими практиками.

- Mercado Común del Sur (МЕРКОСУР/Mercosur, включает Аргентину, Бразилию, Парагвай и Уругвай) уделяет внимание развитию электронной коммерции и устранению барьеров для предоставления цифровых услуг между странами-участниками.

- Организация иберо-американских государств (ОЕИ/ОИАГ) фокусируется на образовательных инициативах и цифровой грамотности, проводит проекты и программы, направленные на развитие навыков в области использования ИКТ и интеграцию цифровых технологий в образовательные системы стран региона.

- Латиноамериканская и карибская интернет-адресная регистрационная организация (LACNIC/ЛАКИАРО), региональная организация, управляющая интернет-ресурсами в Латинской Америке и Карибском бассейне, играет ключевую роль в развитии интернета в регионе.

Все перечисленные международные структуры играют важную роль в координации усилий стран Латинской Америки по вопросам цифровизации, что способствует общему развитию и укреплению позиций макрорегиона на глобальном цифровом рынке. Однако координация и регулирование использования ИИ и нейросетевого развития остаются недостаточно успешными, что создает вызовы для создания единой цифровой политики. Стоит отметить, что некоторые страны демонстрируют значительные успехи в интеграции цифровых технологий в различные сферы. Так, например, Чили инвестирует в цифровую инфраструктуру и образование, создавая условия для широкого применения технологий. Анализ степени развития акторов государственного управления в цифровой среде показывает, что страны региона существенно различаются в своих подходах.

Бразилия, единственная страна на континенте, являющаяся членом БРИКС, выглядит перспективно: активно развивает цифровую экономику и интегрирует ИИ в различные управленческие сектора. В частности, страна является единственной в мире, проводящей выборы полностью с помощью электронного голосования. Интернет-проникновение составляет около 75% от населения, и ИКТ-инфраструктура развита в городах, но наблюдаются значительные региональные различия. Правительственные услуги масштабно предоставляются по интернету, а также страна представляет собой крупнейший рынок электронной коммерции в регионе.

Влияние внешних акторов через цифровые технологии выражается в основном в виде экономических и технических инвестиций. Например, США инвестируют в цифровую инфраструктуру, предоставляя технологическую поддержку. Китай увеличивает влияние через инициативу «Пояс и путь», включая цифровые проекты, в том числе опосредованные сетевым сотрудничеством в рамках объединения БРИКС+, играя значимую роль в международных альянсах.

Внутри самого макрорегиона действует инициативная международная Программа «Цифровая Латинская Америка» (Digital Latin America), направленная на развитие цифровой экономики внутри и каналов сотрудничества с Европой и Азией. Бразильские технологические компании, такие как TOTVS, достигли весомого успеха и оказывают влияние на развитие технологий, в том числе и за пределами континента. Бразилия использует цифровые технологии в избирательном процессе, а в государственном управлении старается повысить его управляемость, эффективность, прозрачность, поскольку цифровые инструменты и большие данные позволяют Бразилии лучше распределять социальные выплаты, направляя их тем социальным группам, которые в них наиболее нуждаются³. Кроме того, цифровые технологии помогают обеспечить соблюдение условий, предусмотренных некоторыми социальными программами, например, цифровизуя посещение школы или медицинские осмотры. Бразилия располагает и передовой банковской системой, что способствует развитию электронных платежей и финансовых технологий, важных, в том числе и для избирательного процесса. Страна имеет разветвленную инновационную систему, в которой наука генерирует знания в приоритетных направлениях, как сельское хозяйство, здравоохранение, нефтегазовая промышленность и авиация, развиваются кластеры НИОКР.

Важным для рецепции опыта распространения на страны БРИКС+ направлением в сегменте социальной политики является SUS (Sistema Único Saúde). Это общедоступная система здравоохранения Бразилии, которая предоставляет широкий спектр медицинских услуг от первой помощи до сложных операций. Она включает электронные услуги, позволяющие гражданам записаться на прием к врачам и получать доступ к своей медицинской информации через интернет. Однако разрыв между городскими и сельскими районами очень значителен: в столичных городах сосредоточены основные экономические активности, а в сельских районах северо-восточной части страны наблюдается высокий уровень бедности и недостаток базовых услуг. Поэтому можно констатировать, что диджитализация базовых услуг углубила неравенство в образовании, трудоустройстве и доступе к информации, создала новые линии разделения между теми, кто имеет доступ к интернету и современным технологиям, и теми, кто не имеет или не умеет ими пользоваться. Увеличение цифровой активности, в том числе среди неграмотного населения, привело к росту угроз кибербезопасности и необходимости защиты личных данных, что требует от правительств и частного сектора специальных мер и законодательства.

Первые шаги были предприняты в 1999 г.: создание «Рабочей группы по киберпреступности», платформы для обмена опытом и разработки рекомендаций по

³ Сервисы государственного управления осуществляются с использованием платформенного продукта: Gov.br (<https://www.gov.br/pt-br>), представляющего единый портал государственных услуг, объединяющий доступ к различным государственным политикам и программам.

противодействию цифровым угрозам. Системный подход оформился лишь в 2004 г., когда Генеральная Ассамблея ОАГ приняла «Межамериканскую стратегию кибербезопасности» (Резолюция AG/RES, 2004). Международный союз электросвязи (IEU/МСЭ) выступает ключевым глобальным форумом для достижения консенсуса по вопросам, определяющим будущее информационно-коммуникационных технологий. Наиболее значимым шагом стал запуск Глобальной повестки дня кибербезопасности, предлагающей рамочную структуру для международного сотрудничества. С 2007 г. Комитет по борьбе с терроризмом (СІСТЕ)⁴ реализует масштабную программу наращивания потенциала, включающую «киберучения, тренинги и круглые столы», что способствует укреплению потенциала специалистов в регионе. Перспектива лидерства Бразилии в процессе цифровой трансформации, напрямую связана с тем, как система региональной кибербезопасности в Латинской Америке интегрируется в систему практического применения международных стандартов, в частности, отраженных в Будапештской конвенции и Протоколах к ней⁵. Важны и процессы адаптации к уникальной многоуровневой политической, юридической и культурной структуре региона, где цифровая трансформация сталкивается с множеством вызовов, связанных с отсутствием киберустойчивой координации на надгосударственном уровне и разнообразием условий в регионе. Взаимодействие с партнёрами из БРИКС расширяет её положительные перспективы.

Азиатский макрорегион:

Китай и Индия – векторы и сетевые потенциалы

Азиатский регион, включающий членов БРИКС+ Китай и Индию, находится на переднем крае процессов цифровой трансформации, отличаясь значительными достижениями в разработке и использовании технологий ИИ и нейронных сетей. Территория представляет собой уникальное пространство, поскольку, несмотря на различные уровни экономического развития и политической стабильности, государства и бизнес-акторы несколько десятилетий вовлечены в процессы цифровизации, конкурируют между собой, стремясь укрепить позиции на мировой арене. На фоне глобальных изменений, связанных с развитием технологий, возникает необходимость в координации усилий на надгосударственном уровне.

Вопросы регулирования и использования продуктов ИИ и цифровизации международных отношений требуют эффективного взаимодействия на уровне отдельных государств и в рамках международных организаций. Координационные структуры, способные обеспечить такое взаимодействие, определяют, какие страны могут стать лидерами в этом процессе. Появляются новые политические акторы и коммерческие игроки, активно действующие в цифровой среде.

Координационные структуры надгосударственного уровня играют важную роль в процессе цифровой трансформации, несмотря на то, что интеграционные процессы в Азии имеют более слабый характер, чем в Латинской Америке. Одной из ключевых организаций является Ассоциация государств Юго-Восточной Азии

⁴ Security Council – Counter-Terrorism Committee (CTC) // The United Nations: [сайт]. URL: <https://www.un.org/securitycouncil/ctc/tags/%C2%A0cicte> (дата обращения: 03.03.2025).

⁵ The Convention on Cybercrime (Budapest Convention, ETS No. 185) and its Protocols // Council of Europe Portal. Cybercrime: [сайт]. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 25.03.2025).

(ASEAN/АСЕАН), которая активно работает над созданием Единого цифрового рынка, направленного на стимулирование инноваций, улучшение цифровой инфраструктуры и гармонизацию правовых норм в области информационных технологий и кибербезопасности. Одним из значимых шагов стало принятие Плана действий по цифровому развитию АСЕАН на 2021–2025 годы, который предполагает создание платформ для обмена опытом и знаниями между странами-членами, что способствует укреплению координации и взаимодействия в цифровой сфере. Важную роль в координации усилий играет Азиатский банк развития (ADB/АБР), предоставляя финансовую и техническую помощь странам региона для реализации проектов в области информационных технологий, улучшения цифровой инфраструктуры и внедрения инновационных решений. АБР поддерживает инициативы, направленные на развитие ИИ и нейросетевых технологий, что способствует использованию этих инструментов в государственном управлении.

В каждой стране региона наблюдаются свои особенности и этапы развития цифровых акторов, которые включают государственные учреждения, политические партии, коммерческие и общественные организации.

Из стран-членов БРИКС в данном макрорегионе Китайская Народная Республика (КНР) является ведущим игроком в сфере координации процессов цифровой трансформации, активно продвигая инициативы через проект «Цифровой шелковый путь» (Digital Silk Road). Он направлен на создание сетей передачи данных и укрепление сотрудничества в области кибербезопасности между странами региона и шире, поскольку в рамках инициативы предоставляется техническая помощь и инвестиции в глобальном масштабе. Страна обладает структурами для широкомасштабного осуществления цифровой дипломатии, использования больших данных и технологий ИИ для анализа международной повестки и прогнозирования развития мировых процессов.

Китайские компании активно инвестируют в создание телекоммуникационной инфраструктуры, развитие электронной коммерции и внедрение новых технологий, что способствует развитию цифровой экономики в регионе и формированию новых центров влияния в мире. Принимая активное участие в работе международных организаций, таких как ОБСЕ, ШОС и других, КНР оказывает влияние на становление и использование цифровых инструментов во внешнеполитическом взаимодействии государств, в продвижении модели «цифрового суверенитета» и создании благоприятных для себя правил. В 2021 году в Китае вступили в силу «Закон о безопасности данных» и «Закон о защите личной информации», не только укрепив внутренние правила по управлению данными, но и расширив их экстерриториальное действие. Согласно новым законам, иностранные компании, обрабатывающие данные китайских граждан, обязаны следовать требованиям внутреннего законодательства, даже не имея своих представительств на территории КНР.

«Международная стратегия сотрудничества в киберпространстве» МИД Китая и Государственной канцелярии по делам киберпространства увидела свет в 2017 году, декларируя ориентир на создание и закрепление в международной практике принципа невмешательства во внутренние кибердела государств. В марте 2021 года были представлены долгосрочные цели на 2035 год и 14-й пятилетний план КНР, в котором обозначен курс на ускорение цифрового развития и построение «цифрового Китая»,

усиление применения ключевых цифровых технологий в отраслях производства чипов и операционных систем, разработке процессоров и облачных вычислений, ускорение цифровой индустриализации в области ИИ и блокчейна в перспективе развития обслуживания больших данных. Подчеркнём, что именно Председатель КНР Си Цзиньпин призвал создать общую структуру управления ИИ на 15-м саммите БРИКС в Йоханнесбурге, отметив, что это новая область, которая может принести риски странам, входящим в саммит, и необходимо создать единый подход к использованию и контролю технологий. Тогда был официально учрежден Исследовательский комитет для совместного изучения достижений стран в вопросах внедрения ИИ в сегменты государственного управления и шире.

Китай поддерживает цифровое управление и на внутривластном уровне, осуществляемое посредством интеграции ряда платформенных институтов: Государственный Совет КНР⁶, Министерство иностранных дел КНР⁷, Национальное статистическое бюро⁸, Министерство Торговли⁹.

Республика Индия активно развивает акторов государственного управления, действующих в цифровой среде. Концепция «государства-платформы» реализуется более демократическим образом и с привлечением бизнес – и некоммерческих акторов через инициативу «Digital India», предполагая широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий в государственное управление, включая электронное правительство, цифровые услуги и инфраструктуру, позволяющую повысить эффективность и подотчетность государственных институтов, вовлечь граждан в политические процессы. Важным направлением является использование цифровых технологий в электоральных процессах, внедрение электронных избирательных систем и баз данных избирателей, а политические партии активно используют социальные сети и мобильные приложения для агитации и взаимодействия с избирателями. Среди ключевых «игроков» в цифровом пространстве Индии можно выделить:

- Министерство электроники и информационных технологий, Национальный орган по информационным технологиям и Уникальный идентификационный орган Индии, отвечающие за цифровую трансформацию (государственные органы);
- крупные ИТ-компании, такие как Tata Consultancy Services, Infosys и Wipro, участвуют в реализации государственных цифровых инициатив, создавая пул ИТ-специалистов, которые могут стать двигателями развития ИИ;
- общественные организации и НКО используют цифровые технологии для вовлечения граждан в политические процессы и решения социальных проблем.

В Индии электронные выборы национального и регионального уровней проводятся при помощи голосовых машин (Electronic Voting Machines, EVM) компаний Bharat Electronics Limited (BEL) и Electronics Corporation of India Limited

⁶ The State Council of the People's Republic of China: [сайт]. URL: <https://english.www.gov.cn/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁷ Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: [сайт]. URL: <https://www.mfa.gov.cn/eng/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁸ National Bureau of Statistics of China: [сайт]. URL: <https://www.stats.gov.cn/english/> (дата обращения: 28.03.2025).

⁹ Ministry of Commerce of the People's Republic of China: [сайт]. URL: <https://english.mofcom.gov.cn/> (дата обращения: 28.03.2025).

(ECIL). Существует интернет-портал Election Commission of India, где избиратели могут получить информацию о выборах.

В перспективе можно ожидать усиления роли крупных ИТ-компаний и государственных органов, которые будут определять направление цифровой трансформации. Однако цифровизация выборов может привести к изменению баланса сил в партийно-парламентских и управленческих практиках Индии. Государственная поддержка проявляется в социальной политике, так как государство вкладывает средства в развитие учебных программ, ведёт разработку национальной стратегии ИИ, создаёт специальные центры НИОКР в университетах и исследовательских институтах для подготовки специалистов в этой области, стимулирует применение ИИ в сферах здравоохранения, сельского хозяйства и образования для улучшения качества жизни населения.

Индия запустила программу «Искусственный интеллект для всех», которая направлена на поощрение разработки ИИ и его применения в различных сферах, включая образование, здравоохранение и сельское хозяйство. Наиболее развитые элементы государства-платформы Индии: Национальный портал¹⁰, Министерство внешних связей¹¹, Министерство туризма Правительства¹², Сайт Премьер-министра¹³.

Индия развивает и цифровую дипломатию, используя онлайн-платформы для укрепления связей с другими странами и продвижения политических и экономических интересов. Она осуществляет создание платформ для обмена информацией и сотрудничества с другими странами в сфере технологий, в том числе в рамках БРИКС+. Билатеральное сотрудничество двух членов БРИКС значимо для анализа: Китай активно развивает билатеральные соглашения по ИИ с Индией, Японией, Южной Кореей и Сингапуром. В 2019 г. Китай и Индия подписали Соглашение о сотрудничестве в сфере ИИ, включающее обмен информацией, совместные исследования и разработку стандартов.

Следует отметить, что в макрорегионе Восточной Азии на основе развития ИИ возникают новые альянсы и сетевые архитектуры, в том числе в рамках ещё одной организации – Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС). Выходящие за рамки традиционных отношений экономической связки «доминион-колония» включают новые образования. Например, Альянс цифрового сотрудничества (DCA) – межправительственная организация, в которую входят Китай, Япония, Южная Корея и страны ASEAN. Его работа направлена на продвижение сотрудничества и обмена в области цифровой экономики, помогая снизить зависимость от отдельных доминирующих мировых и региональных держав и создать более сбалансированную цифровую экосистему.

Особый интерес вызывает концепция «Восток встречается с Западом», под влиянием которой страны Восточной Азии развивают стратегические партнерства с западными странами (США и ЕС) в области технологий и инноваций, направляя усилия на сдерживание и сбалансирование влияния Китая, на содействие развитию инклюзивной глобальной цифровой архитектуры.

¹⁰ Nation Portal of India: [сайт]. URL: <https://www.india.gov.in/> (дата обращения: 30.03.2025).

¹¹ Ministry of External Affairs: [сайт]. URL: <https://www.mea.gov.in> (дата обращения: 30.03.2025).

¹² Ministry of Tourism: [сайт]. URL: <https://tourism.gov.in/> (дата обращения: 30.03.2025).

¹³ Prime Minister India: [сайт]. URL: <https://www.pmindia.gov.in/en/> (дата обращения: 30.03.2025).

Российская Федерация.

В рамках данного обзора не планируется подробный анализ цифрового управления в России, но хотелось бы отметить, что с ориентацией на международное сотрудничество в рамках БРИКС+ (и других форматов) активно развиваются и многосторонняя дипломатия Российской Федерации, и цифровая индустрия, и государственные структуры. Например, НФЦ отражается на платформе «Госуслуги», которая напрямую связана с системой здравоохранения, налоговой службой, службой МВД и ЗАГС. Культурная среда государства дополнена платформой «Госуслуги. Культура», которая напрямую взаимодействует с банком ВТБ и культурно-образовательными организациями. Сервис является электоральной онлайн-платформой, а уровень политического управления представлен сайтами: Президент Российской Федерации¹⁴, Правительство Российской Федерации¹⁵, Государственная Дума¹⁶, Совет Федерации¹⁷, Министерство иностранных дел Российской Федерации¹⁸, Федеральная налоговая служба¹⁹, Портал государственных услуг Российской Федерации²⁰.

Африканский анклав:

ЮАР, Эфиопия и Египет – ориентиры и перспективы

В Африке создание структур надгосударственного уровня для координации процессов цифровой трансформации, регулирования и использования продуктов ИИ и нейросетевого развития находится на начальном этапе. Однако в контексте международных отношений, африканские страны проявляют интерес к их развитию и внедрению²¹. В рамках модели БРИКС+ Южная Африка уделяет первостепенное внимание использованию потенциала четвертой промышленной революции для стимулирования экономических преобразований, что подразумевает применение ИИ-технологий для индустриализации, повышения эффективности и стимулирования экономического роста. Сосредоточившись на четвертой промышленной революции, ЮАР является «цифровым флагманом» и намерена войти в число мировых лидеров технологического прогресса в альянсе внутри БРИКС+.

В международной сети ключевыми участниками для Африки в целом являются внешние игроки, то есть государства, в т.ч. и не входящие в БРИКС:

- 1) Китай (КНР): активно инвестирует в инфраструктуру и передачу технологий. Его коммерческие акторы под патронажем правительства, например Huawei, напрямую сотрудничают с правительствами африканских стран в разработке решений на основе ИИ для различных секторов, таких как здравоохранение и сельское хозяйство;
- 2) Соединенные Штаты Америки (США): через инициативы и партнерства

¹⁴ Президент Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁵ Правительство Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://government.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁶ Государственная Дума: [сайт]. URL: <http://duma.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁷ Совет Федерации: [сайт]. URL: <http://council.gov.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁸ Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: <http://mid.ru> (дата обращения: 03.04.2025).

¹⁹ Федеральная налоговая служба: [сайт]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/rn77/> (дата обращения: 03.04.2025).

²⁰ Портал государственных услуг: [сайт]. URL: <https://www.gosuslugi.ru/> (дата обращения: 03.04.2025).

²¹ South Africa's role in BRICS: how the republic influences the future of the group. 18.10.2024 // TV BRICS: [сайт]. URL: <https://tvbrics.com/en/news/south-africa-s-role-in-brics-how-the-republic-influences-the-future-of-the-group> (дата обращения: 06.03.2025).

частного сектора, например компании Google и Microsoft, которые запустили программы, направленные на развитие талантов в области ИИ и цифровых инноваций в Африке;

3) Европейский союз (ЕС): оказывает поддержку цифровым инициативам посредством финансирования программ по наращиванию потенциала, создав Европейские центры цифровых инноваций, предлагающие экспертные знания и ресурсы для поддержки проектов в области ИИ и цифровой трансформации;

4) Индия: участвует в цифровой трансформации с помощью Панафриканского проекта электронной сети, целью которого является предоставление услуг дистанционного образования и телемедицины с использованием цифровых технологий;

5) Африканский союз (АС): играет решающую роль в координации усилий по продвижению цифровой трансформации на всем континенте с помощью инициативы «Стратегия цифровой трансформации Комиссии Африканского союза», стремясь использовать ИИ и цифровые технологии для стимулирования экономического развития и повышения уровня жизни в Африке в целом.

Государства-участники БРИКС+ вносят вклад в формирование цифрового ландшафта континента посредством различных инициатив, партнерств и инвестиций, направленных на использование ИИ и реализацию цифровых преобразований в интересах социально-экономического развития. Тем не менее, вопросы их регулирования требуют специализированных подходов и международного сотрудничества, включая участие частного сектора, научного сообщества и гражданского общества.

Потенциальными странами-лидерами, которые могут сыграть значительную роль в цифровой трансформации и развитии ИИ на континентальном уровне, являются Южная Африка (ЮАР) – страна с развитой инфраструктурой в области информационных технологий и цифровой трансформации, и Эфиопия, стремительно развивающаяся страна, внедряющая цифровые технологии и решения на основе ИИ в практики политического и государственного управления.

Обе страны демонстрируют активное внедрение технологий ИИ в сферах здравоохранения, образования и сельского хозяйства, и обладают научно-исследовательским потенциалом для развития в этой области. Перераспределение влияния стран на глобальном уровне в контексте развития ИИ будет зависеть от множества факторов, включая и инвестиции в научные исследования, развитие инфраструктуры, квалификацию рабочей силы и создание благоприятного регуляторного и нормативного окружения, обмена опытом в поддержке африканских стран в их стремлении использовать возможности ИИ для достижения устойчивого развития и интеграции в глобальную цифровую экономику.

Программа действий в области цифровизации и развития ИИ существует в Египте в виде «Национальной стратегии в области развития ИИ» (NAIS), где изложен план действий для первого этапа на период до 2030 г., который определяет отрасли экономики для стратегического внедрения технологий ИИ (пока упоминаются образование, банковская сфера и прочие финансовые услуги, нефтегазовая отрасль, цепочки поставок). Предусматривается внедрение ИИ в Египте с 2028 по 2030 годы, при этом указано, что особое внимание будет уделяться укреплению ключевых

исследовательских возможностей и их преобразованию в устойчивые решения. Правительство планирует завершить кампанию по повышению осведомленности в области технологий, подготавливая специалистов по обработке и анализу данных, исследователей в области компьютерного обучения.

В последние годы Африка демонстрирует значительный прогресс в сегментах цифровой трансформации, которая охватывает все аспекты общественной жизни, включая государственное управление и внутреннюю политику. Но развитие акторов в цифровой среде существенно различается между странами континента. Важно рассматривать базовую коммуникационную инфраструктуру, доступ к интернету, уровень цифровой грамотности, государственную политику и регулирование, а также активность цифровых акторов.

Южно-Африканская Республика демонстрирует высокие уровни проникновения интернета и развитую цифровую инфраструктуру. Значительная часть населения имеет доступ к интернету, что позволяет акторам использовать цифровые платформы для управления. Сильная оппозиция и активное гражданское общество делают страну лидером в использовании цифровых платформ для политической деятельности. Цифровизация будет играть все большую роль в политических и управленческих практиках, однако уровень и скорость этих трансформаций будут значительно различаться в зависимости от конкретной страны и ее условий.

В Эфиопии правительство продвигает цифровизацию государственных услуг и создаёт благоприятные условия для развития государственных органов, оппозиционных партий, НПО, активистов и бизнес-сектора.

Бывшие доминионы, такие как Великобритания, Франция и Португалия, продолжают оказывать влияние через инвестиции и техническую поддержку: финансовые вливания, совместные проекты, гуманитарная передача технологий и образовательные программы. Платформы для электронного правительства, разработанные и поддерживаемые бывшими доминионами, способствуют государственной управляемости и предоставлению государственных услуг. Они включают системы электронного документооборота, базы данных и онлайн-сервисы для граждан и бизнеса. Бывшие доминионы инвестируют в образовательные программы, направленные на повышение уровня цифровой грамотности и подготовку кадров в ИТ-сфере. Такие инициативы включают создание учебных центров, онлайн-курсов и обмен опытом. Великобритания и Франция поддерживают финтех-стартапы в Африке, предоставляя технологии и капитал для развития мобильных платежей и банковских услуг, что способствует финансовой инклюзии и экономическому росту в макрорегионе.

Сложение новых международных альянсов и политических сетевых архитектур, включающих кросс-континентальные и глобальные партнерства, стимулируется членами БРИКС: Китаем через инициативу «Один пояс, один путь», Индией посредством инициативы «Панафриканский проект электронной сети». Эти два направления – влияние бывших доминионов и новые альянсы – взаимодополняют друг друга. Китай реализует проекты Huawei, направленные на создание доступных цифровых платформ обучения и телемедицины, которые должны быть удобны для граждан, бизнеса и государственных органов. Индия «патронирует» образовательные

и медицинские платформы, созданные в рамках проекта, обеспечивающие доступ к важным услугам.

Сравнительное изучение цифровой трансформации в Африке через эти альянсы и сети показывает, что каждый вносит уникальный вклад в развитие континента, обеспечивая разнообразные возможности для граждан, бизнеса и государственных органов. Альянсы помогают укрепить технические возможности, повысить безопасность данных, улучшить функциональность и доступность платформ, содействуют участию граждан в процессе цифрового управления.

Для выявления акторов в международной «анклавной» сети по аспектам внедрения ИИ и цифровой трансформации обратим внимание на следующие компании и организации²²:

- Google Africa является одним из крупнейших игроков в области ИИ и цифровой трансформации, активно развивает свои проекты и инновации; Microsoft Africa имеет значительное присутствие и активно продвигает свои технологии и продукты в области цифровой трансформации и искусственного интеллекта.

- IBM Africa известен технологиями ИИ и цифровой трансформации, работает с клиентами на континенте, помогая им решать сложные задачи с помощью своих технологий.

- African AI Accelerator является организацией, которая поддерживает стартапы и предпринимателей в области ИИ, предоставляя финансирование, обучение и мониторинг для развития проектов.

- Africa Tech Ventures – венчурный фонд, специализирующийся на финансировании технологических стартапов в Африке, инвестирует в проекты по внедрению ИИ и цифровой трансформации.

Южно-Африканская Республика является лидером в области цифровой трансформации в регионе к югу от Сахары, особенно в области государственных систем, вовлечения граждан и вспомогательных средств. На веб-сайте Государственного агентства информационных технологий (SITA) представлена Стратегия цифровой трансформации страны на 2020–2025 годы, которая, помимо оптимизации операций, направлена на укрепление четырех ключевых элементов: вовлечение граждан, расширение прав и возможностей сотрудников, преобразование услуг и создание общих платформ. Сайт GovTech, разработанный SITA, предоставляет платформу для обмена знаниями, решениями и идеями. В 2020 году запущен портал электронного правительства с онлайн-сервисами для граждан, предприятий и государственных структур, а ещё в 2001 году, в сотрудничестве с организациями гражданского общества и частным сектором, был создан Центр инноваций в сфере государственных услуг для развития навыков использования цифровых технологий и поощрения инноваций.

Африканские страны развивают участие в межгосударственном объединении БРИКС+, и наиболее тесное сотрудничество в сфере IT-технологий и цифровизации осуществляют с ними Россия и Китай. На Форуме сотрудничества Китай-Африка (FOCAC) сектор ИКТ был выдвинут как один из приоритетных для финансирования

²² Top 10 Best Media Companies in South Africa 2024 – Ranking // Digital Marketing Deal: [сайт]. URL: <https://digitalmarketingdeal.com/blog/media-companies-in-south-africa/> (датаобращения: 28.03.2025).

проектов по созданию подводных кабельных систем и центров обработки больших данных. На африканском рынке широко представлены ZhongxingTelecom (ZTE), имеющие преимущество предоставления услуг по низким ценам, разработки индивидуальных подходов для бедных африканских стран. Основные продукты, которые поставляются в Африку, включают в себя системы коммутации, интеллектуальные сети, сети передачи данных, источники питания и т.д.

Ближневосточные тенденции в БРИКС+:

ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран

На Ближнем Востоке существует множество политических, социальных и культурных трендов и тенденций, влияющих на координацию процессов цифровой трансформации, использования продуктов ИИ и нейросетевого развития. Надгосударственных координационных структур, специализирующихся на регулировании и использовании продуктов ИИ, пока нет, однако некоторые страны развивают свои технологические отрасли и цифровое управление. В контексте цифровизации международных отношений ОАЭ, Саудовская Аравия и Иран проявляют интерес к инновациям, развивают дипломатические отношения в этой области, и следует подчеркнуть, что на уровне макрорегиона существует множество объединений и структур межгосударственного и национального уровня, которые интенсифицируют работу в данном сегменте. Среди них можно выделить следующие:

- Artificial Intelligence Officer, UAE;
- Arab Fact-Checkers Network (AFCN);
- Arab Federation for Digital Economy (AFDE);
- Middle East Institute (MEI);
- Gulf Cooperation Council (GCC);
- Arab ICT organization (AICTO);
- Arab Regional Centre for World Heritage (ARCWH);
- Innovation and Entrepreneurship Alliance for Digital Development, как часть International Telecommunication Union (ITU);
- Digital Arabia Network (DAN);
- Regional Centre for Information and Communication Technology (RCICT).

Все они занимаются вопросами внедрения ИИ в политическую и социальную жизнь государств, вопросами экономики, образования и координации взаимодействий. Данные структуры фактически не оказывают давления на государственную политику, выполняя сугубо координационную функцию поддержания диалога государств, так как все страны в ареале заинтересованы в развитии процессов цифровизации и интеграции ИИ в практику государственного управления, реализацию социальной политики. Возможности сильно различаются между странами, поскольку они имеют разные культурные ценности и внешнее влияние от различающихся по типу внедрения цифровых механизмов государств на международной арене.

Лидерами являются ОАЭ (большое влияние оказывают США, чьё экономическое развитие поддерживает цифровое развитие этой страны); Саудовская Аравия (большое влияние оказывает Россия, чей экономический потенциал поддерживает международные экономические договоры и оказывает поддержку цифровой интеграции); Иран (его борьба с технологически развитым противником в регионе –

Израилем – стимулирует и ускоряет развитие цифровизации, использование передовых технологий как средства борьбы и защиты своих интересов). Все три государства являются членами БРИКС+.

Саудовская Аравия активно развивает цифровую инфраструктуру, реализуя программу «Видение Саудовской Аравии 2030» (Vision 2030). Внедряются электронные услуги для граждан и бизнеса. В стране отсутствуют выборы, но цифровизация влечет улучшение взаимодействия граждан с королевским правительством. Развивается сектор IT-услуг, привлекая международные компании и стартапы (совместно с Intel начата программа создания первого центра разработки). Можно ожидать, что страна скоро будет сильным игроком из-за значительных инвестиций и поддержки цифрового управления, так как Саудовская Аравия использует цифровые технологии для модернизации государства. «Видение Саудовской Аравии» – план, включающий значительные инвестиции в цифровую инфраструктуру и ИИ, программу по уменьшению нефтезависимости, диверсификации экономики и развитию государственного здравоохранения, образования, инфраструктуры, рекреационной сферы и туризма. Россия поддерживает развитие цифровых технологий в стране.

Объединенные Арабские Эмираты – один из лидеров в области цифровизации, где реализуется Стратегия по развитию ИИ (UAE National Strategy for Artificial Intelligence – 2031). Политическая конкуренция отсутствует, хотя активно используются электронные бюрократические платформы, развивается IT-индустрия, привлекаются иностранные инвестиции. Благодаря инновациям и поддержке IT-инициатив, Эмираты, развивающие цифровые технологии в управлении, и проект «Smart Dubai», направленный на создание «умного города» с активным использованием блокчейна, становятся региональным лидером. В них создан «Artificial intelligence office», диспетчер ИИ для операционной системы Microsoft Windows и платформы x64, идёт активное внедрение ИИ в различных секторах, от здравоохранения до городской инфраструктуры.

Иран, длительное время находившийся под международными санкциями, несколько отстаёт в процессах цифровизации государственного сектора. Трансформация идет медленнее из-за ограничений политической конкуренции, так как цифровые технологии используются для контроля над населением и улучшения состояния экономики. Однако развиваются внутренние IT-компании, которые ограничены в международных связях (кроме России и, частично, Китая на текущий момент). Соответственно, в рамках БРИКС+Иран пока останется реципиентом, ограниченным внешними факторами и внутренними барьерами; его режим не сулит быстрого улучшения отношений с развитыми странами, которые не будут предоставлять Ирану «прорывных» инновационных цифровых технологий. Тем не менее, Иран развивает собственные технологии ИИ: сложные отношения с Израилем подстёгивают внутреннее развитие передовых технологий. Правительство активно использует цифровые технологии для электоральной инженерии и контроля над медиа, социальными сетями и мониторинга онлайн-активности. Однако растёт число онлайн-платформ для политической активности, что создает парадокс: с одной стороны, жесткий контроль, с другой – развитие цифровой оппозиции. В Иране, как и в Саудовской Аравии, деятельность общественных организаций и НКО строго контролируется, но в ОАЭ они

имеют больше свободы для использования цифровых платформ, что создает большую разницу в развитии этих стран в технологической сфере.

Кроме БРИКС+, страны Персидского залива (GCC – Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар, Бахрейн, Кувейт и Оман) развивают сотрудничество в сфере цифровой трансформации и кибербезопасности в макрорегионе. В рамках этой инициативы реализуются проекты по развитию цифровой инфраструктуры, облачных технологий и интеграции цифровых решений в государственное управление, где планируется развитие государств-платформ в регионе из имеющихся в настоящий момент их правительственных сайтов. Например, в ОАЭ²³, в Саудовской Аравии и в Иране.

Координационные структуры играют важную роль в обмене опытом, способствуя общему развитию макрорегиона в области цифровизации. Возможные трансформации в управленческих практиках будут зависеть от способности государств и частных игроков адаптироваться к мировой цифровой среде, инвестировать в новые технологии и обеспечивать доступность интернета. На Ближнем Востоке складываются новые альянсы и сетевые архитектуры, которые формируются в ответ на геополитические условия, экономические интересы и региональные конфликты.

Заключение

Изученные кейсы показывают, что процессы цифровой трансформации и включения технологий ИИ в государственное управление происходят в макрорегионах мира неравномерно. Уровни технического развития, социально-экономические и культурные различия влияют и на перспективы более симметричного перехода к формированию новой мировой системы. Однако предпринимаемые усилия стран по выстраиванию альянсов для возможной координации и интеграции на разных уровнях, и, в частности, на межгосударственном, в рамках координационных структур государств-членов БРИКС+, демонстрируют стремление к поддержке внедрения цифрового управления и развитию ИИ, готовность к взаимодействию по сглаживанию имеющихся отставаний.

Рассмотрены имеющиеся цифровые инфраструктуры и потенциалы лидерства, обозначены сферы перспектив многостороннего и билатерального сотрудничества как в рамках региональных альянсов, так и трансконтинентального взаимодействия в формате БРИКС+. Государства-платформы и интернет-площадки для функционального политического управления демонстрируют высокий потенциал институционализации межгосударственных отношений по вопросам реализации совместных инициатив, программ и проектов, координирующих процессы цифровой трансформации в государственном управлении и повышении цифровой вовлеченности граждан в политическую жизнь. Координирующие эти направления надгосударственные структуры имеются в каждом макрорегионе, где присутствуют государства-члены БРИКС+, играющие значительную роль в организации сетевых взаимодействий по развитию как цифровой инфраструктуры, так и обеспечения кибербезопасности, подготовке кадров и повышению цифровой грамотности населения.

²³ UAE PASS. The first national digital identity for citizens residents and visitors in UAE: [сайт]. URL: <https://uaepass.ae/> (дата обращения: 10.04.2025).

Благодарности. Автор выражает искреннюю признательность и благодарность выпускникам кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС 2024 г. за первичный сбор базы данных государственных, медийных, общественно-политических и коммерческих платформ всех стран-членов ООН и пилотажное картирование их по макрорегионам мира. На основании этих списков проводится исследовательская, аналитическая и образовательная работа по тематическим направлениям цифровизации надгосударственных сетей и альянсов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лебедева М.М. Новый мировой порядок: параметры и возможные контуры // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 24–35. <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>. EDN: **DNORYR**.
2. Тимофеев И.Н. Асинхронная многополярность: управляющие параметры и векторы развития. 31.05.2023 // Российский совет по международным делам (РСМД): [эл. доступ]. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asinkhronnaya-mnogopolyarnost-upravlyayushchie-parametry-i-vektory-razvitiya/?sphrase_id=106666852 (дата обращения 29.06.2025).
3. Торопыгин А.В. Современные теоретические и практические подходы к многосторонности в международных отношениях: кейс ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17. № 2 (44). С. 169–180. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-169-180>. EDN: **YBRAGP**.
4. Кунина И.А. Сетевой аспект многосторонней дипломатии // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 9. С. 392–409. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>. EDN: **TXHWNH**.
5. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2020. № 4 (1). С. 27–44. EDN: **CWDQZV**.
6. Цветкова Н.А. Цифровая неопределенность и фрагментация социальных сетей: вызовы и возможности для дипломатии. 10:21–28:55. 14.04.2022 // Международная научно-практическая конференция «Цифровые международные отношения 2022»: [сайт]. URL: <https://digital2022.mgimo.ru/#section-prg> (дата обращения: 31.05.2025).
7. Цветкова Н.А., Сытник А.Н., Гришанина Т.А. Цифровая дипломатия и *digital international relations*: вызовы и новые возможности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2022. Т. 15. № 2. С. 174–196. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>. EDN: **QFKEIQ**.
8. Родина Л.А. Теория цифровой трансформации управления: эволюция научных взглядов // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. №5 (2). С. 315–320. <https://doi.org/10.17513/vaael.3481>. EDN: **KOYFSW**.
9. Демидов А.Ю., Лукашов А.И. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления // Государственная служба. 2021. Т. 23. № 1 (129). С. 28–34. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34>. EDN: **TNWRQC**.
10. Дмитриева Н.Е., Санина А.Г., Стырин Е.М. и др. Цифровая трансформация в государственном управлении: коллективная монография / под ред. Е. М. Стырина, Н. Е. Дмитриевой. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. [эл. доступ]. URL: <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/828422767.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
11. Сморгун Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. 2021. № 3. С. 13–36. <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>. EDN: **KHMUCH**.
12. Балаян А.А., Волкова А.В., Игнатьева О.А., Каплуненко А.М. и др. Политическая онтология цифровизации и государственная управляемость : коллективная монография / Под ред. Л. В. Сморгунова. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2022. 351 с. EDN: **YKHPQW**.
13. Беликова К.М. Направления и перспективы развития и применения искусственного интеллекта в военной сфере в ЮАР // Право и политика. 2021. № 9. С. 1–23. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.9.36076>. EDN: **XCFFGJ**.
14. Школяр Н.А. Цифровая трансформация Латинской Америки. 21.03.2022 // Российский совет по международным делам (РСМД): [эл. доступ]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and->

comments/analytics/tsifrovaya-transformatsiya-latinskoj-ameriki/ (дата обращения: 31.05.2025).

15. Ревина С.Ю., Чаварри Гальвес Д.П. Перспективы развития цифровой экономики в странах Латинской Америки // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 2. С. 849–868. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112086>. EDN: **EVKETI**.
16. Неверов К.А. Проблемы цифровизации гражданского участия в развивающихся странах: «Правительство как платформа» в странах Латинской Америки // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2021. Т. 17. № 4. С. 360–370. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.403>. EDN: **SBWLLA**.
17. Лазанюк И.В., Абу Захр Диас М.Х., Эбердыева М.М. Перспективы экономики цифровых платформ в странах Латинской Америки // Вопросы инновационной экономики. 2024. Т. 14. № 1. С. 55–72. <https://doi.org/10.18334/vinec.14.1.120232>. EDN: **VKVLPH**.
18. Абрамов В.И., Маланичева Н.В., Стрельникова И.А. Анализ программ цифровой экономики зарубежных стран на примере Аргентины, Бразилии, Индии и Мексики // Управление. 2023. Т. 11. № 2. С. 45–55. <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-45-55>. EDN: **PNNEOY**.
19. Ли Хунсинь. Трехмерный обзор зарубежной помощи Китая странам Центральной Азии в перспективе «Одного пояса и одного пути»: историческое развитие, современная обстановка и ценностное измерение // Экономическое развитие России. 2024. Т. 31. № 10. С. 16–20. EDN: **SGIBQG**.
20. Лу Сюаньтун. Достижения и проблемы сотрудничества в области информационной безопасности в рамках ШОС // Теории и проблемы политических исследований. 2023. Т. 12. № 1А. С. 169–178. EDN: **HOBJJC**.
21. Цзя Шаосюе. Обзор законодательства и практики КНР в области развития современного цифрового права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2024. Т. 28. № 3. С. 528–345. EDN: **HGDKPF**.
22. Тайе Д. Эфиопия и БРИКС: региональное и глобальное измерение. 13.03.2024 // Международный дискуссионный клуб «Валдай»: [сайт]. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/efiopiya-i-briks/> (дата обращения: 31.05.2025).
23. Герасимов В.И., Коданева С.И. Обзор научно-технологического и инновационного сотрудничества стран БРИКС: тенденции, перспективы и вызовы // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5. № 1. С. 204–229. <https://doi.org/10.19181/sntp.2023.5.1.12>. EDN: **SPBDJZ**.
24. Цзяо Юньян, Ван Ао. Российско-иранские отношения в контексте развития политического процесса взаимодействия стран «глобального Юга» // Социально-гуманитарные знания. 2024. № 10. С. 235–238. EDN: **PGGJOD**.
25. Медушевский Н.А. Анализ российской модели стратегического взаимодействия со странами Африки // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 5А. С. 95–106. EDN: **UNDBBO**.
26. Bernal-Meza R. America Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoria de las Relaciones Internacionales. Buenos Aires: Nuevohacer, 2005. 395 p.

REFERENCES

1. Lebedeva M.M. New World Order: Parameters and Possible Contours. *Polis. Political Studies*. 2020. No. 4. P. 24–35. (In Russian). <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.03>. EDN: **DNORYR**.
2. Timofeev I.N. Asynchronous Multipolarity: Governing Parameters and Directions of Development. 31.05.2023. *The Russian International Affairs Council (RIAC)*. Available at https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asinkhronnaya-mnogopolyarnost-upravlyayushchie-parametry-i-vektory-razvitiya/?sphrase_id=106666852 (accessed: 29.06.2025). (In Russian).
3. Toropygin A.V. Modern Theoretical and Practical Approaches to Multilateralism in International Relations: the EAEU Case. *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2023. Vol. 17. No. 2 (44). P. 169–180. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-02-169-180>. EDN: **YBRAGP**.
4. Kunina I.A. Network Aspect of Multilateral Diplomacy. *Scientific dialogue*. 2022. Vol. 11. No. 9. P. 392–409. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>. EDN: **TXHWNH**.
5. Tsvetkova N.A., Kuznetsov N.M. The Phenomenon of Big Data Diplomacy in World Politics. *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*. 2020. No. 4 (1). P. 27–44. (In Russian). EDN: **CWDQZV**.
6. Tsvetkova N.A. Cifrovaja neopredelennost i fragmentacija socialnyh setej: vyzovy i vozmozhnosti dlja diplomatii [Digital Uncertainty and Fragmentation of Social Networks:

- Challenges and Opportunities for Diplomacy]. 10:21–28:55. 14.04.2022. *Mezhdunarodnaja nauchno-prakticheskaja konferencija «Cifrovye mezhdunarodnye otnoshenija 2022» [International Scientific and Practical Conference “Digital International Relations 2022”]*. Available at <https://digital2022.mgimo.ru/#section-prg>. (accessed: 31.05.2025). (In Russian).
7. Tsvetkova N.A., Sytnik A.N., Grishanina T.A. Digital Diplomacy and *Digital International Relations: Challenges and New Advantages*. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*. 2022. Vol. 15. Iss. 2. P. 174–196. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu06.2022.204>. EDN: QFKEIQ.
 8. Rodina L.A. Theory of Management Digital Transformation: Scientific Views Evolution. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 5 (2). P. 315–320. (In Russian). <https://doi.org/10.17513/vaael.3481>. EDN: KOYFSW.
 9. Demidov A.Yu., Lukashov A.I., Selected Approaches to Digital Transformation of Public Administration. *Public Administration*. 2021. Vol. 23. No. 1 (129). P. 28–34. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34>. EDN: TNWRQC.
 10. Dmitrieva N.E., Sanina A.G., Styrin E.M. et al. Cifrovaja transformacija v gosudarstvennom upravlenii [Digital Transformation in Public Administration]. kollektivnaja monografija [Collective Monograph]. Edited by E. M. Styrina, N. E. Dmitrieva. Moscow: the Publishing House of the Higher School of Economics. 2023. Available at <https://www.hse.ru/mirror/pubs/share/828422767.pdf> (accessed: 10.03.2025). (In Russian).
 11. Smorgunov L.V. Digitalization and Network Effectiveness of Public Governability. *Political Science*. 2021. No. 3. P. 13–36. (In Russian). <https://doi.org/10.31249/poln/2021.03.01>. EDN: KHMUCH.
 12. Balayan A.A., Volkova A.V., Ignatjeva O.A., Kaplunenko A.M. et al. Politicheskaja ontologija cifrovizacii i gosudarstvennaja upravljaemost [Political Ontology of Digitalization and State Governance]. kollektivnaja monografija [Collective Monograph]. Edited by L. V. Smorgunov. Moscow: Publishing house "Aspect Press", 2022. 351 p. (In Russian). EDN: YKHPQW.
 13. Belikova K.M. Trends and Prospects for the Development and Implementation of Artificial Intelligence in the Military Sphere in South Africa. *Law and Politics*. 2021. No. 9. P. 1–23. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2021.9.36076>. EDN: XCFFGJ.
 14. Shkolyar N. Digital Transformation of Latin America. 21.03.2022. *The Russian International Affairs Council (RIAC)* Available at <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tsifrovaya-transformatsiya-latinskoy-ameriki/> (accessed: 31.05.2025). (In Russian).
 15. Revinova S.Y., Chavarri Galves, D.P. Prospects for the Development of the Digital Economy in Latin America. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2021. Vol. 11. No. 2. P. 849–868. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.112086>. EDN: EVKETI.
 16. Neverov K.A. Issues of Digitalization of Civic Participation in Developing Countries: “Government as a Platform” in Latin America. *Political Expertise: POLITEX*. 2021. Vol. 17. No. 4. P. 360–370. (In Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.403>. EDN: SBWLLA.
 17. Lazanyuk I.V., Abu Zakhr Dias M., Eeberdyeva M.M. Prospects for the Economy of Digital Platforms in Latin America. *Russian Journal of Innovation Economics*. 2024. Vol. 14. No. 1. P. 55–72. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.14.1.120232>. EDN: VKVLPH.
 18. Abramov V.I., Malanicheva N.V., Strelnikova I.A. Analysis of Foreign Countries’ Digital Economy Programs (Argentina, Brazil, India and Mexico). *Management*. Vol. 11. No. 2. P. 45–55. (In Russian). <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2023-11-2-45-55>. EDN: PNNEOY.
 19. Li Hongxin. A Three-Dimensional Review of China's Foreign Aid to Central Asian Countries in the Prospects of "One Belt, One Road": Historical Development, Current Situation, and Value Dimension. *Economic development of Russia*. 2024. Vol. 31. No. 10. P. 16–20. (In Russian). EDN: SGIBQG.
 20. Lu Xuantong. Achievements and Challenges of Cooperation in the Field of Information Security within the SCO Framework. *Theories and Problems of Political Studies*. 2023. Vol. 12. No. 1A. P. 169–178. (In Russian). EDN: HOBPJC.
 21. Jia Shaoxue Overview of PRC Law and Practice in the Development of Modern Digital Law. *RUDN Journal of Law*. 2024. Vol. 28. No. 3. P. 528–545. (In Russian). EDN: HGDKPF.
 22. Taye D. Efiopiya i BRIKS: regionalnoe i globalnoe izmerenie [Ethiopia and BRICS: Regional and Global Dimensions]. 13.03.2024. *Valdai Discussion Club*. Available at <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/efiopiya-i-briks/> (accessed: 31.05.2025). (In Russian).

23. Gerasimov V.I., Kodaneva S.I. Scientific, Technological and Innovative Cooperation of the BRICS Countries: Trends, Prospects and Challenges. *Science Management: Theory and Practice*. 2023. Vol. 5. No. 1. P. 204–229. (In Russian). <https://doi.org/10.19181/smt.2023.5.1.12>. EDN: SPBDJZ.
24. Jiao Yunyang, Wang Ao. Russian- Iranian Relations in the Context of the Development of the Political Process of Interaction between the Countries of the “Global South”. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2024. No. 10. P. 235–238. (In Russian). EDN: PGGJOD.
25. Medushevskii N.A. Analysis of the Russian Model of Strategic Cooperation with African Countries. *Theories and Problems of Political Studies*. 2020. Vol. 9. No. 5A. P. 95–106. (In Russian). EDN: UNDBBO.
26. Bernal-Meza R. America Latina en el Mundo. El Pensamiento Latinoamericano y la Teoria de las Relaciones Internacionales [Latin America in the World: Latin American Thought and the Theory of International Relations]. Buenos Aires: Nuevohacer, 2005. 395 p. (In Spanish).

Сведения об авторах / Information about authors

Барандова Татьяна Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры международных отношений, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: tbarandova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8843-3916

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Barandova Tatiana L. – PhD in Sociology, Associate Professor at the Department of International Relations, North-west Institute of Management Russian Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor at the Department of Political Management Saint-Petersburg State University.

E-mail: tbarandova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8843-3916

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025.

Одобрена после рецензирования 01.08.2025.

Принята 01.08.2025.

Received 30.07.2025.

Approved after reviewing 01.08.2025.

Accepted 01.08.2025.

научная статья / research article

УДК: 351.773.1+004.75

EDN: SYGYIR

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.2

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Мировой опыт повышения продовольственной безопасности на основе интеграции технологий Blockchain и IoT

Королева Лада Александровна

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I
Санкт-Петербург, Россия
 klada69@mail.ru

Фань Иян

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
iyanfan@yandex.ru

Аннотация

Введение. Контроль цепочек поставок продовольственной продукции в масштабе как внутренней, так и международной логистики является одним из важнейших инструментов повышения продовольственной безопасности. Цель исследования – анализ мирового опыта создания систем прослеживаемости цепочек поставок пищевой продукции в контексте продовольственной безопасности и оценка перспективы развития систем в условиях развития цифровых технологий.

Материалы и методы. Используются публикации научных изданий, материалы нормативно-правовой литературы в сфере контроля качества и безопасности продовольственной продукции и сырья для его производства. Применялись методы сравнительного анализа, контент-анализа, case-study.

Результаты. Проведен сравнительный анализ развития правовых рамок внедрения блокчейн-технологий в области мониторинга цепочек продовольственной продукции. Выявлены тенденции: включение вопросов автоматизации, применения блокчейна и средств интернета вещей в стандарты менеджмента качества, обязательность выполнения требований стандартов. Изучен опыт практической реализации проектов создания систем на основе блокчейна в отдельных отраслях продовольственного производства (поставки свежих продуктов компании Walmart, поставки фруктов и овощей на территории Евросоюза, цепочки поставок кофе и какао, чая и др.). Дана оценка реализации концепции прослеживаемости в России: российские системы контроля создаются в соответствии с требованиями международных и национальных стандартов по управлению качеством и безопасностью пищевой продукции, охватывают отдельные категории продуктов. Прослеживаемость во внутренней логистике и в поставках между странами ЕАЭС реализуется за счет применения маркировки, электронной документации, электронных пломб, GPS. В работе обсуждается проблема международного сотрудничества в создании регулирования поставок на глобальном уровне.

Обсуждение. Ключевые нововведения в национальных нормативных документах можно считать основой для реализации концепции прослеживаемости, поскольку участие в цепочках поставок теперь требует от компаний не только выполнения требований стандартов безопасности и качества продукции, раскрытия соответствующей информации, но и обязанности интегрироваться в цепочки поставок, внедряя технологии.

Заключение. Реализация систем на основе блокчейна представлена пилотными проектами в рамках отдельных категорий пищевой продукции, но можно ожидать распространения практики применения блокчейна, так как рынок IT-решений в этой области растет. Реализация идеи международного сотрудничества по созданию систем на глобальном уровне с широким охватом участников сталкивается с проблемами политического, экономического и технологического характера. Тем не менее, в перспективе можно ожидать дальнейшее расширение применения блокчейна и интернета вещей и перехода на уровень международных цепочек поставок с более широкой географией.

Ключевые слова: продовольственная безопасность; цепочки поставок пищевой продукции; полная прослеживаемость; пилотные проекты; блокчейн и интернет вещей; IBM Food Trust

Для цитирования: Королева Л.А. Фань Иян. Мировой опыт повышения продовольственной безопасности на основе интеграции технологий Blockchain и IoT // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 32–48. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.2.

© Королева Л.А., Фань Иян, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Global Experience in Improving Food Security through the Integration of Blockchain and IoT Technologies in Food Supply Chain Management

Lada A. Koroleva

Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia
 klada69@mail.ru

Iyan Fan

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
iyanfan@yandex.ru

Abstract

Introduction. Control of food supply chains in both domestic and international logistics is one of the most important tools for improving food security. The purpose of the study is to analyze the world experience of creating traceability systems for food supply chains in the context of food security and to assess the prospects for the development of systems in the context of digital technologies.

Materials and methods. Publications of scientific journals, materials of regulatory literature in the field of quality control and safety of food products and raw materials for their production were used. The methods of comparative analysis, content analysis, case study were used.

Results. A comparative analysis of the development of the legal framework for the introduction of blockchain technologies in the field of monitoring food chains was carried out. The following trends were identified: inclusion of automation issues, the use of blockchain and the Internet of Things in quality management standards, mandatory compliance with standard requirements. The experience of practical implementation of projects for creating blockchain-based systems in certain sectors of food production was studied (supplies of fresh products to Walmart, supplies of fruits and vegetables in the European Union, supply chains of coffee and cocoa, tea, etc.) The article assesses the implementation of the traceability concept in Russia: Russian control systems are created in accordance with the requirements of international and national standards for quality management and food safety, and cover individual product categories. Traceability in internal

logistics and in deliveries between the EAEU countries is implemented through the use of labeling, electronic documentation, electronic seals, and GPS.

Discussion. Key innovations in national regulatory documents can be considered the basis for implementing the traceability concept, since participation in supply chains now requires companies not only to comply with product safety and quality standards and disclose relevant information, but also to be obliged to integrate into supply chains by implementing technologies.

Conclusion. The implementation of blockchain-based systems is represented by pilot projects within individual categories of food products, but one can expect the spread of blockchain practice, as the IT solutions market in this area is growing. The implementation of the idea of international cooperation to create systems at the global level with a wide range of participants faces political, economic, and technological problems. However, in the future, we can expect further expansion of the use of blockchain and the Internet of Things and the transition to the level of international supply chains with a wider geography.

Keywords: food security; food supply chains; full traceability; pilot projects; blockchain and the Internet of Things; IBM Food Trust

For citation: Koroleva, L.A., Fan Iyan. Global Experience in Improving Food Security Through the Integration of Blockchain and IoT Technologies in Food Supply Chain Management. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 32–48. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.2.

© Koroleva, L.A., Fan Iyan, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что контроль и отслеживание движения продовольственной продукции в цепочках поставок на основе механизмов блокчейна с применением технологии интернета вещей (IoT – Internet of Things) выступает одним из важнейших инструментов повышения продовольственной безопасности.

По мере развития теории продовольственной безопасности исследователями ставились новые акценты на каких-то аспектах продовольственной безопасности, поэтому сохраняются разные подходы к трактовке понятия. Исследование подходов нашло отражение в ряде работ [1; 2; 3; 4; 5].

На ранних этапах формирования содержания этого термина характерен акцент на национальную продовольственную независимость и самообеспеченность, что отразилось на методиках оценки продовольственной безопасности [6]. Другое направление составили оценка запасов продовольствия и контроль мировых цен. После Всемирного саммита по проблемам продовольствия 1996 г. новым акцентом в проблематике стала бедность в рамках перехода к рассмотрению уровня всемирной продовольственной безопасности. Далее в центре внимания оказались физическая и экономическая доступность продовольствия. Позднее свою актуальность приобрели такие характеристики, как качество и безопасность сырья и пищевой продукции [1, с. 125].

Изменения в содержании и методологии проблемы продовольственной безопасности не только оказывались созвучны повесткам экономических научных исследований, но также генерировались переносом фокуса рассмотрения на разные уровни: глобальный уровень, национальный, региональный, уровень домохозяйств. По нашему мнению, сейчас особый интерес представляет реализация решения этой проблемы на глобальном уровне, что предполагает более сложные механизмы

взаимодействия и более широкий круг участников: юрисдикции (государства), институты международного сотрудничества, бизнес.

В определении продовольственной безопасности, принятом на Всемирном Саммите по проблемам продовольствия (1996 г.)¹, смысловой доминантой выступает «доступность к достаточному количеству безопасной и питательной пищи». Безопасность пищевых продуктов является одной из неотъемлемых задач в обеспечении продовольственной безопасности. Проблемы продовольственной безопасности усиливаются по мере роста населения планеты на фоне ограниченности земельных ресурсов, загрязнения окружающей среды и изменений климата [7]. В этих условиях, с учетом факторов и рисков безопасности в самих процессах логистики, повышается значение совершенствования институциональных и технологических инструментов контроля производства пищевой продукции и управления логистическими поставками.

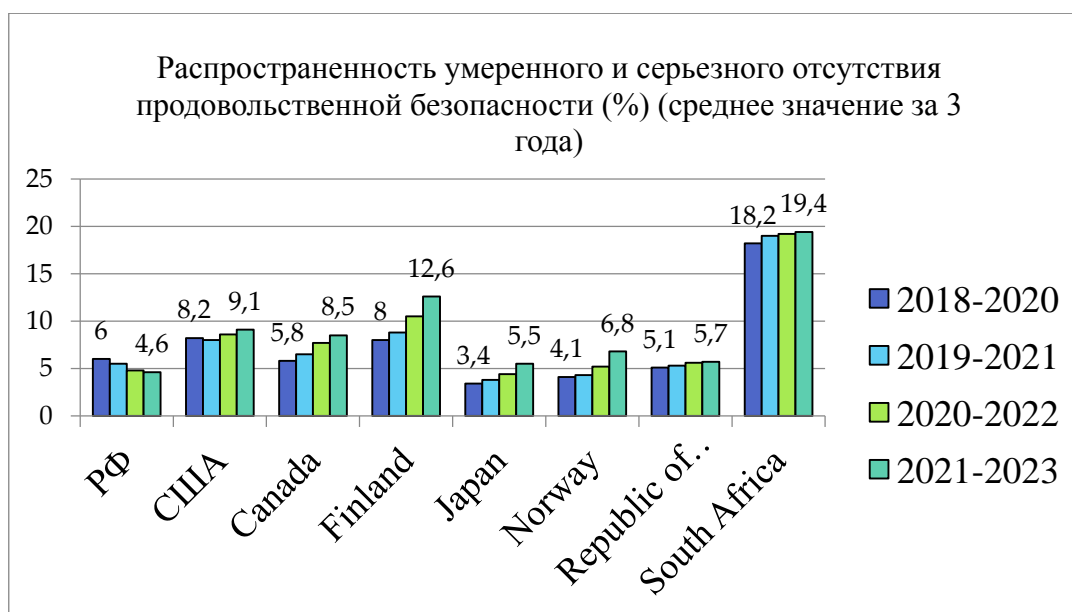

Рис.1. Динамика показателей отсутствия продовольственной безопасности
Fig.1. Dynamics of food insecurity indicators

На рисунке 1 представлены показатели масштабов воздействия отсутствия продовольственной безопасности (график построен по данным Продовольственной и сельскохозяйственной Организации Объединённых Наций (FAO)².

По данным FAO и Всемирной организации здравоохранения, ежегодно в мире около 600 миллионов человек заболевают из-за употребления зараженной пищи, что составляет почти 1/10 населения планеты, в результате употребления плохой пищи умерли 420 000 человек. При производстве и транспортировке теряется 13 % продовольствия, в розничной торговле – 30 %. По данным международной группы компаний Control Union Certification (43 страны), ежегодно с рынка удаляется

¹ Rome Declaration on World Food Security // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO): [сайт]. URL: <https://www.fao.org/4/W3613E/W3613E00.htm> (дата обращения: 03.04.2025).

² The State of Food Security and Nutrition in the World 2023 // Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO): [сайт]. URL: <https://openknowledge.fao.org/items/445c9d27-b396-4126-96c9-50b335364d01> (дата обращения: 06.04.2025).

приблизительно 200 единиц пищевой продукции, признанных опасными для покупателей.

В 2022 г. общее количество пищи, которое пришлось выбросить, составило более 1 миллиарда порций в день, в то же время 783 миллиона человек вынуждены были голодать, а треть человечества столкнулось с дефицитом продовольствия. Объем пищевых отходов (включая несъедобные порции) составил 1,05 миллиард тонн, что эквивалентно 132 кг на душу населения, или почти пятой части всех продуктов питания, доступных потребителям³.

Цепочка поставок продуктов питания состоит из поставок сырья, производства и переработки, складирования и распределения, а также розничной торговли. Во всех звеньях цепочки поставок существуют риски потери качества продуктов или сельскохозяйственного сырья. До внедрения комплексных систем прослеживаемости, информация по всей цепочке поставок обрабатывалась без единого централизованного контроля и совместного доступа, что оставляло открытыми пути к подделке данных и задержки информации [8]. Поэтому стал актуален поиск механизмов полного надзора в управлении цепочкой поставок.

Понятие «Прослеживаемость пищевой продукции и продовольственного сырья» в регламенте Таможенного регламента таможенного союза Евразийского экономического союза (ЕАЭС) 021/2011, гл.1. ст.4. означает прозрачность информации и отражение в документах изготовителя, места изготовления и последующих собственников в цепочке движения пищевой продукции и сырья⁴.

В российском стандарте ГОСТ Р ИСО 22005-2009 под системой прослеживаемости понимается комплекс технических средств и управленческих мероприятий, позволяющий определять время производства, качество, местоположение продукта или его компонентов.

Сейчас в России, как и в некоторых зарубежных странах, введена обязательность соблюдения требования принципа прослеживаемости, как необходимость предоставления компаниями информации по всей цепочке поставки⁵. Тот факт, что Россия является участником системы прослеживаемости ЕАЭС, дает дополнительный стимул к разработке путей достижения безопасности продовольственной продукции за счет технологий отслеживания и стандартизации.

Методы и материалы

В исследовании оценивается состояние проблемы создания систем прослеживаемости на национальном уровне и на уровне международного сотрудничества. Используются публикации научных изданий и материалов конференций.

³ Food Waste Index Report 2024. Think Eat Save: Tracking Progress to Halve Global Food Waste // United Nations Environment Programme: [сайт]. URL: <https://wedocs.unep.org/20.500.11822/45230> (дата обращения: 09.04.2025).

⁴ Соглашение от 29.05.2019 «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза» // Альта-Софт: Таможенный портал для декларантов и участников ВЭД: [сайт]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/19bn0037/> (дата обращения: 10.04.2025).

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 01.07.2021 № 1108 «Об утверждении Положения о национальной системе прослеживаемости товаров» // ГАРАНТ.РУ. Информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401353382/> (дата обращения: 12.04.2025).

Для оценки перспективы распространения в мире систем прослеживаемости с применением блокчейна были изучены научные статьи зарубежных и российских авторов, в которых исследуются технологические аспекты блокчейна в пилотных проектах его применения в целях контроля и мониторинга поставок пищевой продукции, а также использовался сравнительный анализ развития стандартов и нормативных документов в предметной области.

Проведено сравнение национальных зарубежных нормативных документов США и Китая как стран-лидеров по размеру рынка пищевой продукции в сфере сертификации, безопасности и прослеживаемости. На основе изучения законодательных документов Европейского союза и Евразийского экономического союза анализировались возможности интеграции между странами в создании систем прослеживаемости трансграничных поставок.

Метод case-study позволил выявить принципы механизма блокчейна, выделить преимущества и ограничения использования блокчейн-технологий для целей создания систем прослеживаемости на его основе.

Сравнение российских и международных стандартов качества и безопасности сырья и пищевых продуктов позволило определить состояние процессов стандартизации в России и соответствия российских стандартов международным стандартам.

Результаты

Сравнение международных и российских стандартов в области систем прослеживаемости и качества пищевой продукции и компонентов

Первым международным стандартом, который ввел системный подход к прослеживаемости и определил четкие критерии выполнения ее принципов стал ISO 22000:2005. Последующие версии уточняли и усиливали требования к компаниям [9].

Российский стандарт ГОСТ Р ИСО 22005-2009⁶ идентичен международному стандарту ISO 22005:2007, в котором были определены принципы и требования по документированию компаниями истории своих продуктов в цепочке поставок. Согласно стандарту, организация сама определяет, какие документы требуются ей для достижения целей системы прослеживаемости. Но определено, что информация, записанная тем или иным способом, должна включать описание этапов в цепочке и обязанностей по менеджменту данных о прослеживаемости, в том числе информацию о работе по верификации прослеживаемости и аудитам, документы о мероприятиях менеджмента несоответствия, связанные с установленной системой прослеживаемости.

Международный стандарт ISO 22000:2018 Food safety management закрепляет обязательную сертификацию менеджмента безопасности пищевой продукции. Разработанный с учетом этого стандарта российский стандарт ГОСТ Р ИСО 22000-2019 отличается в основном терминологией и вопросами модернизации систем

⁶ Национальный стандарт РФ ГОСТ Р ИСО 22005-2009 «Прослеживаемость в цепочке производства кормов и пищевых продуктов. Общие принципы и основные требования к проектированию и внедрению системы» (утв. И введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 13 ноября 2009 г. № 502-ст) // ГАРАНТ. Информационно-правовой портал: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/71861218/> (дата обращения: 12.04.2025).

менеджмента. Международный стандарт FSSC (Food Safety System Certification) 22000, версия 6 представляет собой схему аудита и сертификации системы менеджмента безопасности пищевых продуктов, в основу которого положены принципы системы идентификации и управления рисками Hazard Analysis and Critical Control Points (НАССР). Эта система внедрена в большинстве стран. В России с 1 ноября 2024 г. внедрение системы НАССР является обязательным требованием для предприятий пищевой промышленности и общественного питания. Это закреплено последним российским стандартом ГОСТ Р 51705.1-2024.

К нововведениям стандарта ГОСТ Р 51705.1-2024 можно отнести возможность применения при использовании автоматизированных систем мониторинга и дополнительное включение видов бизнеса: хранения, транспортировки и продажи.

Формирование нормативно-правового инструментария для реализации концепции полной прослеживаемости с применением блокчейна

Развитие систем прослеживаемости должно быть согласовано со стандартами и поддерживаться на законодательном уровне.

К 2025 г. в зарубежных и российских стандартах появились указания по разработке автоматизированных систем для мониторинга цепочек поставок. Эти стандарты также включают принципы НАССР, при этом они уже ориентированы не только, на общепит и производство, но и транспортировку, хранение и продажу пищевой продукции⁷.

В таблицах 1 и 2 представлен сравнительный анализ правовых рамок внедрения блокчейн-технологий для развития зарубежных систем прослеживаемости. Выбор регионов обусловлен размером этих региональных рынков и системой внутренних межрегиональных экономических связей. США и Китай являются странами-лидерами по количеству видов продукции в экспорте агротехнического сектора, характеризуются большим внутренним рынком и широкой региональной структурой. ЕАЭС и ЕС представляют собой институциональные структуры как основы для создания наднациональных систем прослеживаемости.

Таблица 1 / Table 1

**Сравнительный анализ правовой базы внедрения блокчейн-технологий в системах прослеживаемости цепочек поставок продуктов питания в США и Китае/
Comparative Analysis of the Legal Framework for the Implementation of Blockchain Technologies in Food Supply Chain Traceability Systems in the US and China**

США
<i>Закон FSMA-204⁸:</i> Становится обязательной регистрация и обмена данными по всей цепочке, (в основном продукты высокого риска (сырые овощи, сыр, морепродукты и т. д.). <i>Правило прослеживаемости пищевых продуктов (FTR)</i> (с 2020 г. по настоящее время):

⁷ Новые стандарты для пищевой отрасли за май 2025 года. 02.06.2025 // Эксперт Гарант: [сайт]. URL: <https://reg.garantx.ru/standardization/novye-standarty-dlya-pishhevoj-otrasli-za-maj-2025-goda/> (дата обращения 02.07.2025).

⁸ FSMA Final Rule on Requirements for Additional Traceability Records for Certain Foods // U.S. Food & Drug Administration: [сайт]. URL: <https://www.fda.gov/food/food-safety-modernization-act-fsma/fsma-final-rule-requirements-additional-traceability-records-certain-foods> (дата обращения 02.07.2025).

<p>Необходимо подавать информацию об экспортируемых грузах через автоматизированную экспортную систему (AES). Вместо экспортной декларации грузоотправителя (SED – электронная экспортная информация (EEI)).</p> <p><i>Финальное Правило Прослеживаемости пищевых продуктов (FFTR) (вступит в силу 20.01.2026 года):</i></p> <p>Требует от компаний создания системы отслеживания продукции (PTS), загрузки данных на единую платформу FDA через блокчейн или электронную таблицу, а также поддержки стандартизации данных в формате EPCIS.</p>
Китай
<p><i>«Закон о безопасности пищевых продуктов»⁹ (01.06.2009 года, в редакции 2015 г.):</i></p> <p>Все виды продуктов питания будут подвергаться контролю и проверке на безопасность. <i>Руководство по созданию платформ управления мониторинга продукции» (пересмотрено в 2018 г.):</i></p> <p>Предлагается использовать блокчейн и другие технологии для создания межотраслевой и совместной системы контроля и мониторинга в области питания и фармацевтики.</p> <p><i>«Правила реализации Закона о безопасности пищевых продуктов» (пересмотрены 2020 г.):</i></p> <p>Усилены требования к мониторингу рисков и установлению стандартов для правовой основы использования технологии блокчейн.</p> <p><i>«Меры по расследованию и рассмотрению нарушений безопасности пищевых продуктов в Интернете» (пересмотрены в 2025 г.):</i></p> <p>В блокчейн-сети операторы пищевых продуктов в Интернете должны раскрывать информацию о лицензировании производства и эксплуатации. Использование блокчейна является добровольным и должно рассматриваться компаниями как один из возможных вариантов улучшения системы контроля безопасности пищевых продуктов</p>

Таблица 2 / Table 2

**Сравнительный анализ правовой базы внедрения блокчейн-технологий
 в международных системах прослеживаемости ЕС и ЕАЭС/
 Comparative Analysis of the Legal Framework for the Implementation of Blockchain
 Technologies in the International Traceability Systems of the EU and the EAEU**

ЕС	
Общий закон о пищевых продуктах (ЕС 178/2002) ¹⁰ .	Компании обязаны регистрировать ключевые данные и обмениваться ими для обеспечения быстрого отзыва некачественной продукции.
2024 г. – введена Директива по корпоративной отчетности в области устойчивого развития (CSRD).	Все компании (включая компании третьих стран, работающие в ЕС) обязаны раскрывать информацию о цепочке поставок, включая данные о безопасности и прослеживаемости продуктов.

⁹ Чжунхуа жэньминь гунхэго шипинь аньцюань фа (чжуси лин ди эршии хао) 中华人民共和国食品安全法(主席令第二十一号) [Закон Китайской Народной Республики о безопасности пищевых продуктов (Указ Президента № 21)]. 25.04.2015 // Чжунхуа жэньминь гунхэго чжунян жэньминь чжэнфу мэньху ванчжань 中华人民共和国中央人民政府门户网站 [Портал Центрального народного правительства Китайской Народной Республики]. [сайт]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/2015-04/25/content_2853643.htm (дата обращения: 10.05.2025).

¹⁰ Regulation (EC) No 178/2002 of the European Parliament and of the Council of 28 January 2002 // EUR-Lex. Access to European Union law: [сайт]. URL: <http://data.europa.eu/eli/reg/2002/178/2024-07-01> (дата обращения: 05.05.2025).

В перспективе – с 2026 г. введение Цифрового паспорта продукции DPP.	Товары должны будут сопровождаться информацией об источнике сырья, углеродном следе, и отслеживаться системе «полной» прослеживаемости на основе применения блокчейна и др. технологий.
ЕАЭС	
Соглашение от 29.05.2019 «О механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза» (вступило в силу в 2021г.).	Создание единой системы прослеживаемости товаров, ввозимых на территорию государств ЕАЭС из третьих стран, а также перемещаемых между странами ЕАЭС, в том числе в целях исключения различных схем уклонения от уплаты таможенных и налоговых платежей. Предполагается создание обмена информацией о товарах, пересекаемых границы между участниками ЕАЭС (внешний сегмент) и формирование национальных систем прослеживаемости для импортных товаров (внутренний сегмент).
С 2020 г. транзит «санкционных» грузов из Европы через Беларусь и Россию в Китай через осуществляется с применением цифровых пломб.	Это препятствует практике ввоза из Беларуси запрещенных европейских продуктов, в том числе под видом транзитной продукции из Европы в КНР.
В апреле 2023 года вступило в силу Соглашение о применении в ЕАЭС навигационных пломб: С января 2024 года пломбы применяются в отношении табачных изделий, алкоголя, и санкционной продукции, куда входят также и продукты питания ¹¹ .	Цифровая навигационная пломба с помощью специального мобильного приложения дает возможность дистанционно осуществлять онлайн-контроль за транспортировкой товаров и движением транспортных средств, а также ускоряет время нахождения товара в пути и прохождение контроля на таможне, таможня контролирует информацию, поступающую в систему посредством GPS. Национальные операторы обслуживают пломбы (в России – «Центр развития цифровых платформ» (ЦРЦП), в Казахстане – «Институт космической техники и технологий» ¹² .

Российский опыт применения технологий в достижении целей создания национальной системы прослеживаемости

Последние изменения в российской национальной системе прослеживаемости товаров связаны принятием в 2021 г. Соглашения ЕАЭС о механизме прослеживаемости товаров¹³. Список прослеживаемых товаров размещен в сервисе

¹¹ Соглашение от 19 апреля 2022 года о применении в Евразийском экономическом союзе навигационных пломб для отслеживания перевозок // Альта-Софт: Таможенный портал для декларантов и участников ВЭД: [сайт]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/22bn0065/> (дата обращения: 18.04.2025).

¹² ЕАЭС год спустя во второй раз попытается запустить систему отслеживания грузов. 05.11.2024 // LOGIRUS. Логистика в России: [сайт]. URL: https://logirus.ru/news/custom_and_ved/eaes_god_spustya_vo_vtoroy_raz_poprobuat_zapustit_sistemu_otslezhivaniya_gruzov.html (дата обращения: 18.04.2025).

¹³ Соглашение о механизме прослеживаемости товаров, ввезенных на таможенную территорию Евразийского экономического союза // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. Многосторонние договоры: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_contracts/international_contracts/multilateral_contract/57239/ (дата обращения: 19.04.2025).

ФНС РФ¹⁴. Контроль качества молочной продукции в РФ реализуется посредством системы «Честный знак». В основе системы «Честный знак» положено кодирование единиц продукции, криптография, электронная форма подачи документов в налоговую и таможенную службы. Разработчики «Честного знака» пытались использовать блокчейн, но пока не удалось решить проблему большого количества одновременно протекающих процедур чтения и записей.

Для отслеживания продукции животного происхождения создана система «Меркурий», которая состоит из разных компонентов, отвечающих за различные процессы, например, процесс оформления разрешений на перевозку подконтрольных товаров, процесс регистрации лабораторных ветеринарных исследований и другие процессы.

Надзор за алкогольной продукцией реализуется в российской системе ЕГАИС, которая связана с программой учета товара в компьютерах магазинов¹⁵.

Российские системы характеризуются централизацией хранения информации, сохранением высокого уровня рисков мошенничества, технических сбоев и ошибок. В существующей системе невозможна синхронизация данных между партнёрами в режиме реального времени, что может привести к несовпадению данных у разных участников цепочки поставок.

Роль «Интернета вещей» и блокчейна в совершенствовании систем прослеживаемости

С новыми возможностями цифровых технологий объектом мониторинга становится вся цепочка: и производители, и продавцы, и покупатели, что в большей степени отвечает целям полной прослеживаемости. Одним из ключевых драйверов совершенствования систем прослеживаемости поставок пищевой продукции становится использование технологии блокчейна. Информация о каждом этапе поставки доступна всем участникам цепочки поставок в режиме реального времени, и возможность несанкционированного изменения или удаления информации исключается самими принципами образования блоков в цепи записей в блокчейне о состоянии и перемещении продукта.

Авторы исследований в области применения блокчейна для отслеживания продукции в цепочках поставок показали в своих работах [10; 11; 12; 13], как такие

¹⁴ Национальная система прослеживаемости импортных товаров // Официальный сайт Федеральной налоговой службы: [сайт] // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/spt/ (дата обращения 21.04.2025).

¹⁵ Приказ Росалкогольрегулирования от 17.12.2020 N 396 (ред. от 26.11.2024) «Об утверждении порядка и формата представления в форме электронного документа деклараций об объеме производства, оборота и (или) использования этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, об использовании производственных мощностей производителями пива и пивных напитков сидра, пуаре, медовухи, форм и порядка заполнения» // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=ЕГАИС> (дата обращения 24.04.2025); Приказ Росалкогольрегулирования от 17.12.2020 N 397 (ред. от 26.11.2024) «Об утверждении форм, порядка заполнения, форматов и сроков представления в электронном виде заявок о фиксации информации в единой государственной автоматизированной информационной системе учета объема производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции» // Информационно-справочная система «КонсультантПлюс»: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/search/?q=ЕГАИС> (дата обращения 24.04.2025).

преимущества блокчейна, позволяют решить многие проблемы сохранения качества, безопасности продуктов, защиты от подделок, повышения доверия потребителей к продуктам компаний и, как следствие, обеспечения конкурентоспособности бренда.

*Зарубежный опыт создания систем прослеживаемости
на основе блокчейна и «Интернета вещей»*

Для управления цепочками поставок сельскохозяйственной продукции созданы платформы, которые работают на основе блокчейна. Объем мирового рынка услуг блокчейна в области поставок сельскохозяйственной и пищевой продукции к 2028 г. может составить 1.4 миллиарда долл., а темп роста за десять лет составит 48.1%¹⁶.

Компания Walmart в 2016 г. создала Центр сотрудничества в области безопасности продуктов питания и инвестировала 25 млн. долларов США в исследования технологий безопасности продуктов питания¹⁷. Была разработана система IBM Food Trust в приложении Walmart для отслеживания свежих продуктов и оперативного определения источника заражения и отзыва некачественной продукции. В механизме IBM Food Trust используется технология Blockchain+IPFS. На первом этапе происходит запись всех данных о процессе (например, температура, отчет о проверке, производственная партия и т.д.) посадки, обработки, транспортировки и продажи. Данные собираются и хранятся в зашифрованном виде с помощью IoT-устройств, что исключает возможность фальсификации. Синхронизация данных по всей цепочке происходит в режиме реального времени. Данные в блокчейн-цепочку попадают автоматически через RFID-метки [13].

Смарт-контракт автоматически запускает оповещение и приостанавливает обращение проблемной партии, то есть запускает процесс отзыва, если, например, температура превышает норму, или другие показатели не соответствуют нормам. Потребители получают полную информацию о прослеживаемости, сканируя QR-код продукта.

Время поиска источника загрязнения сокращается с 7 дней до 2,2 секунды, и легко определяется, к какой ферме по выращиванию папайи в Мексике относятся партии с выявленным загрязнением [14]. Согласно отчету IBM, затраты на отзыв продукции сокращаются на 40 % [15]. Walmart стремится использовать платформу для создания экосистемы, в которой все участники цепочки поставок будут иметь доступ к информации. География участников будет включать страны, где располагаются фабрики, производящие продукцию, продаваемую в магазинах Walmart, например, Китай, Индию Вьетнам, Бангладеш и страны, где Walmart имеет свои розничные сети, например, Мексику, Бразилию, Аргентину [15]. В разработанной компанией IBM системе на блокчейн-платформе IBM и Hyperledger Fabric хранится информация о более чем 1 млн продуктовых единиц.

¹⁶ Глобальный блокчейн на рынке сельского хозяйства и поставок продовольствия – тенденции отрасли и прогноз до 2031 года // Data Bridge Market Research: [сайт]. URL: <https://www.databridgemarketresearch.com/ru/reports/global-blockchain-in-agriculture-and-food-supply-chain-market> (дата обращения: 04.05.2025).

¹⁷ Bratager S. How FDA's Traceability Lot Code Requirements Advance Food Traceability. 11.04.2023 // Food Safety Magazine: [сайт]. URL: <https://www.food-safety.com/articles/8492-how-fdas-traceability-lot-code-requirements-advance-food-traceability> (дата обращения: 04.05.2025).

Кроме Walmart участниками являются крупные производители и дистрибьюторы продуктов: Dole, Driscoll's, Golden State Foods, Kroger, McCormick and Company, McLane Company, Nestlé, Tyson Foods, Unilever [16].

В таблице 3 представлены наиболее известные платформы с использованием технологии блокчейн.

Таблица 3 / Table 3

Основные платформы с использованием технологии блокчейн
Major platforms using blockchain technology

Платформа	Применение
IBM Food Trust	Поставки свежих продуктов компании Walmart (США, Латинская Америка, Китай, Индия Вьетнам, Бангладеш)
SAP BaaS	Поставки фруктов и овощей в Европейских странах
Fair Chain	Цепочки поставок кофе (Колумбия, Перу) и какао (Кот-д'Ивуар, Гана, Нигерия). Поставки фруктов (страны Африки и Южной Америки), меда (Мексика и Аргентина), чая (страны Азии, включая Индию, Шри-Ланку и Вьетнам).
Ant Blockchain BaaS	Поставки чая Сиху Лунцзин в Китае (на данный момент основными участниками платформы являются китайские поставщики и покупатели)

Анализ нормативных документов выявил тенденцию к закреплению необходимости выполнения компаниями участия в системах прослеживаемости, используя платформы. С 2020 г. в ЕС стало обязательным использование платформы TRACES для получения документа о состоянии здоровья животных (Common Health Entry Document) для всех категорий животных и товаров, подпадающих под область распространения Регламента официального контроля (Official Control Regulation – OCR) [17]. Для американских компаний с 2026 г. вводится обязанность загружать данные на единую платформу FDA через блокчейн или электронную таблицу. Согласно последним изменениям в китайском нормативном регулировании, отраженным в пересмотре в 2025 г. «Мер по расследованию и рассмотрению нарушений безопасности пищевых продуктов в Интернете», блокчейн позиционируется как инструмент повышения эффективности контроля, закрепляется требование к операторам пищевых продуктов раскрывать информацию по продукту в блокчейн-сети.

Анализ развития концепции прослеживаемости в России позволил выделить проблемы и перспективы внедрения блокчейн-систем. Блокчейн на российском внутреннем рынке продовольственной продукции и сырья пока не используется. Во-первых, для России блокчейн все еще является областью, где пока нет достаточно развитого правового обеспечения использования этой технологии. Во-вторых, в отличие от стран Евросоюза и США обязательность участия российских компаний в системах прослеживаемости не так явно закреплена в нормативных документах. В-третьих, попытка применить технологию блокчейна предпринималась, но на данном этапе российские специалисты оказались не готовы решить технологические проблемы внедрения блокчейна.

В ЕАЭС концепция Traceability (прослеживаемости) реализуется на основе использования маркировки, цифровых пломб и GPS, обмена электронной информацией с таможенными и налоговыми службами, то есть за счет технологии «Интернета вещей» и электронного документооборота. Вовлеченность российских компаний в процессы отслеживания цепочек движения продовольственных товаров и сырья между странами ЕАЭС на основе блокчейна связана с будущим совместных проектов в этой сфере и создания правовых инструментов интеграции между странами.

Системы с применением технологии блокчейна создаются в виде пилотных проектов в рамках отдельных бизнесов, которые охватывают отдельные категории продуктов, между тем правовая база активно развивается в направлении создания рамок для дальнейшего развития систем.

Дискуссия

Очевидно, что будущее международных систем в области безопасности продуктов питания и их компонентов в основе имеет совершенствование сертификации и обеспечение производителями соответствия своей продукции международным требованиям безопасности и качества. Как показал анализ, Россия совершенствует свои системы контроля в соответствии с требованиями международных и национальных стандартов по управлению качеством и безопасностью пищевой продукции, сотрудничает со странами-членами ЕАЭС в вопросах прослеживаемости товаров, уже включив отдельные пищевые продукты в такие системы.

Сопоставление последних версий международных и российских базовых стандартов в области безопасности и прослеживаемости пищевой продукции показало, что российские стандарты согласуются с международными, и это можно рассматривать как основу готовности России к сотрудничеству в вопросах прослеживаемости.

Представляется, что российское общество заинтересовано в использовании блокчейна для обеспечения системного и полного контроля цепочек продовольственной продукции. Внедрение технологии блокчейна в системы контроля и мониторинга в управлении безопасностью поставок пищевой продукции в России сопряжено не только с технической стороной вопроса, но и правовой. Кроме того, цепочки поставок на территории ЕАЭС прослеживаются в системах посредством технологий «Интернета вещей», блокчейн пока не используется.

Несмотря на успешный практический опыт многих стран в процессах внедрения систем на основе блокчейна, нельзя не признать риски и проблемы внедрения технологии. Во-первых, в настоящее время уровень интеллектуального производства и цифровой инфраструктуры сельскохозяйственной продукции недостаточно высок, необходимы инвестиции, связанные с IoT-оборудованием, например, интеллектуальными системами орошения, датчиками, видеонаблюдением и другими средствами [18]. Во-вторых, несмотря на криптографию и практическую неизменяемость данных в блокчейн-цепочке, на практике остаются проблемы точности данных и защиты конфиденциальности.

Также следует выделить институциональные факторы, препятствующие внедрению блокчейна: различия стран в уровне государственного регулирования логистических процессов в продовольственной области, недостаточный уровень технологических знаний и высокие инвестиционные затраты, необходимость интеграции внедряемой технологии с существующими технологическими платформами [19].

Можно предположить, что международное сотрудничество в создании систем между странами Глобального Юга и Глобального Севера как юрисдикциями пока ограничено не только сложностью технологических решений на этом уровне, но и политическими отношениями, экономической конкуренцией и санкционной политикой западных стран. Кроме того, существуют препятствия интеграции глобальной системы цепочек поставок другого рода: различия в ресурсной оснащенности и уровне владения технологиями.

Спрос и заказы IT-компаниям на блокчейн-системы предъявляет бизнес, регулирующие институты в свою очередь играют роль катализаторов распространения систем прослеживаемости с использованием цифровых технологий, постепенно закрепляя стандарты и требования к бизнесу, которые на новом этапе предполагают не только маркировку и соблюдение стандартов, но и применение участниками систем прослеживаемости блокчейна и интернета вещей.

Заключение

Прозрачная, эффективная, безопасная и устойчивая структура цепочки поставок продуктов питания играет важную роль в обеспечении безопасности и качества продуктов питания, повышении эффективности поставок и содействии социальной и экологической устойчивости.

В настоящее время нет условий для глобальной интеграции стран в целях создания трансграничной прослеживаемости цепочек поставок международной продовольственной безопасности. В целом можно заключить, что мир демонстрирует примеры успешных проектов, и в будущем можно ожидать проникновения концепции прослеживаемости в продовольственные цепочки и создания отраслевых систем трансграничной прослеживаемости на правовой и технологической основе. Внедрение технологий будет опираться на развитие самой концепции прослеживаемости, на формирование нормативно-правовой основы и логики научно-технических инноваций.

Перед Россией в ближайшей перспективе стоит задача изучения возможностей применения платформенного механизма блокчейна и дальнейшего развития технологий отслеживания и совершенствования процессов контроля производства и внутренней логистики в области продовольствия, а также процессов экспорта и импорта в рамках участия в ЕАЭС.

Дальнейшие перспективы развития систем прослеживаемости, по мнению авторов, связаны с внедрением блокчейн-технологии и совершенствованием технических решений применения «Интернета вещей», а также переходом на уровень международных систем с большим географическим охватом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белугин А.Ю. Эволюция понятия «продовольственная безопасность»: история, этапы, современное понимание // Научные исследования экономического факультета. Электронный

- журнал. 2019. Т. 11. № 2 (32). С. 122–143. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2019-11-2-122-143>. EDN: DOBBDL.
2. Shakeel, A. Food Security: Theorizing the Evolution and Involution of the Concept // Arab World Geographer. 2018. Vol. 21. Iss. 1. P. 58–82.
 3. Ксенофонтов М.Ю., Ползиков Д.А., Гольденберг И.А., Ситников П.В. Методологические проблемы формирования концепции продовольственной безопасности в России // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5 (170). С. 127–136. EDN: VLSGSA.
 4. Власов В.А. Понятие и показатели продовольственной безопасности: федеральный и региональный уровни // Аграрное и земельное право. 2018. № 5 (161). С. 34–41. EDN: YBCWUX.
 5. Рыжаков Е.Д., Рида А.Н. Финансовая концепция развития системы продовольственной безопасности в контексте экономической безопасности страны // Инновационное развитие экономики. 2023. № 4 (76). С. 183–186. EDN: PTSRCA.
 6. Koroleva, L. Assessment of Food Self-Sufficiency and Food Independence Based on the Analysis of Production and Consumption Data // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2021. Vol. 666. P. 062006. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062006>.
 7. Ху Пэйсонг 胡培松, Ван Сяоцзюнь 王晓君, Се Линхун 谢玲红, Чжан Линь 张琳, Хуан Шэннань 黄圣男, Хан Синьру 韩昕儒, Ван Гоган 王国刚, Ху Сяндун 胡向东. Синь фачжань цзедуань вого нуне шиу ситун чжуаньсин чжаньлюэ гоусян яньцзю 新发展阶段我国农业食物系统转型战略构想研究 [Стратегическая концепция трансформации агропродовольственной системы Китая на новом этапе развития] // Чжунго гунчэн кэсюэ 中国工程科学 [Китайский журнал инженерных наук]. 2023. Т. 25. Вып. 4. С. 101–108. <https://doi.org/10.15302/J-SSCAE-2023.04.009>.
 8. Zulkifli, M.F., Kadir, R.A., Ahmad, M.N., King, D.W.Y., Baharon, M.B.A.M. Blockchain Technology for Traceability Monitoring in Food Supply Chain // Advances in Visual Informatics. Lecture Notes in Computer Science. 2023. Vol. 14322. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7339-2_40.
 9. Самченко О.Н., Меркучева М.А. Прослеживаемость товаров как инструмент продовольственной безопасности // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. 2016. № 3 (79). С. 101–111. <https://doi.org/10.5281/zenodo.163482>. EDN: WYYAFJ.
 10. Chiaraluce, G., Bentivoglio, D., Finco, A., Fiore, M., Contò, F., Galati, A. Exploring the Role of Blockchain Technology in Modern High-Value Food Supply Chains: Global Trends and Future Research Directions. Agricultural and Food Economics. 2024. Vol. 12. Article No. 6. <https://doi.org/10.1186/s40100-024-00301-1>.
 11. Rajput, D.V., More, P.R., Adhikari, P.A., Arya, Sh.S. Blockchain Technology in the Food Supply Chain: A Way Towards Circular Economy and Sustainability // Sustainable Food Technology. 2025. Vol. 3. Iss. 4. P. 930–946. <https://doi.org/10.1039/D5FB00065C>.
 12. Liu Kangchen, Liu Pingzeng, Gao Shuaishuai. Research on the Trusted Traceability Model of Taishan Tea Products Based on Blockchain // Applied Sciences. 2024. Vol. 14. No. 22. Article No. 10630. <https://doi.org/10.3390/app142210630>.
 13. Bhat S., Dubey, S., Jadhav, N. An overview of the Effects of Blockchain Technology in Food Chain Supply: a Case Study on Walmart // The Online Journal of Distance Education and e- Learning. 2023. Vol. 11. Iss. 2. [эл. доступ]. URL: <https://www.tojdel.net/journals/tojdel/articles/v11i02/v11i02-28.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
 14. Nema, V.S.V., Manickavasagan, A. Blockchain Implementation for Food Safety in Supply Chain: A Review // Comprehensive Reviews in Food Science and Food Safety. 2024. Vol. 23. Iss. 5. e70002. <https://doi.org/10.1111/1541-4337.70002>.
 15. Kamath, R. Food Traceability on Blockchain: Walmart’s Pork and Mango Pilots with IBM // The Journal of the British Blockchain Association. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 47–53. [https://doi.org/10.31585/jbba-1-1-\(10\)2018](https://doi.org/10.31585/jbba-1-1-(10)2018).
 16. Коржевич В.В., Боднар А.В. Обзор эффективности применения технологии блокчейн в логистике и управлении цепочками поставок // Информатика и кибернетика. 2024. № 2 (36). С. 23–28. EDN: QYWTCA.
 17. Почтовая И.Г. Прослеживаемость агропродовольственной продукции: зарубежный опыт

регулирования // *Аграрная экономика*. 2021. № 9 (316). С. 74–82. <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2021-9-74-82>. EDN: BFUIUV.

18. Min, H. Blockchain Technology for Enhancing Supply Chain Resilience // *Business Horizons*. 2019. Vol. 62. Iss. 1. P. 35–45. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.08.012>.

19. Панюкова В.В. Международный опыт применения технологии блокчейн при управлении цепями поставок // *Экономика. Налоги. Право*. 2018. Т. 11. № 4. С. 60–67. EDN: XWIEHJ.

REFERENCES

1. Belugin, A.Yu. Evolution of the Concept of Food Security: History, Stages, Modern Interpretation. *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal*. 2019. Vol. 11. No. 2 (32). P. 122–143. (In Russian). <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2019-11-2-122-143>. EDN: DOBBDL.
2. Shakeel, A. Food Security: Theorizing the Evolution and Involution of the Concept. *Arab World Geographer*. 2018. Vol. 21. Iss. 1. P. 58–82.
3. Ksenofontov, M. Yu., Polzikov, D.A., Gol'denberg, I.A., Sitnikov, P.V. Methodological Problems of the Formation of the Concept of Food Security in Russia. *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. P. 551–557. <https://doi.org/10.1134/S1075700718050088>. EDN: VBFXVI.
4. Vlasov, V.A. Concept and Indicators of Food Security: Federal and Regional Levels. *Agrarian and Land Law*. 2018. No. 5 (161). P. 454–477. (In Russian). EDN: YBCWUX.
5. Ryzhakov, E.D., Rida, A.N. Financial Concept for the Development of the Food Security System in the Context of the Country's Economic Security. *Innovative Development of Economy*. 2023. No. 4 (76). P. 183–186. (In Russian). EDN: PTSRCA.
6. Koroleva, L. Assessment of Food Self-Sufficiency and Food Independence Based on the Analysis of Production and Consumption Data. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. Vol. 666. P. 062006. <https://doi.org/10.1088/1755-1315/666/6/062006>.
7. Hu Peisong 胡培松, Wang Xiaojun 王晓君, Xie Linghong 谢玲红, Zhang Lin 张琳, Huang Shengnan 黄圣男, Han Xinru 韩昕儒, Wang Guogang 王国刚, Hu Xiangdong 胡向东. Xin fazhan jieduan woguo nongye shiwu xitong zhuanxing zhanlue gouxiang yanjiu 新发展阶段我国农业食物系统转型战略构想研究 [Transformation Strategy of China's Food System at the New Development Stage]. *Zhongguo gongcheng kexue 中国工程科学 [Chinese Journal of Engineering Science]*. 2023. Vol. 25. Iss. 4. P. 101–108. (In Chinese). <https://doi.org/10.15302/J-SSCAE-2023.04.009>.
8. Zulkifli, M.F., Kadir, R.A., Ahmad, M.N., King, D.W.Y., Baharon, M.B.A.M. Blockchain Technology for Traceability Monitoring in Food Supply Chain. *Advances in Visual Informatics. Lecture Notes in Computer Science*. 2023. Vol. 14322. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-99-7339-2_40.
9. Samchenko, O.N., Merkucheva M.A. Traceability of Goods as a Tool for Food Security. *The Bulletin of the Far Eastern Federal University. Economics and Management*. 2016. No. 3 (79). P. 101–111. (In Russian). <https://doi.org/10.5281/zenodo.163482>. EDN: WYYAFJ.
10. Chiaraluce, G., Bentivoglio, D., Finco, A., Fiore, M., Contò, F., Galati, A. Exploring the Role of Blockchain Technology in Modern High-Value Food Supply Chains: Global Trends and Future Research Directions. *Agricultural and Food Economics*. 2024. Vol. 12. Article No. 6. <https://doi.org/10.1186/s40100-024-00301-1>.
11. Rajput, D.V., More, P.R., Adhikari, P.A., Arya, Sh.S. Blockchain Technology in the Food Supply Chain: A Way Towards Circular Economy and Sustainability. *Sustainable Food Technology*. 2025. Vol. 3. Iss. 4. P. 930–946. <https://doi.org/10.1039/D5FB00065C>.
12. Liu Kangchen, Liu Pingzeng, Gao Shuaishuai. Research on the Trusted Traceability Model of Taishan Tea Products Based on Blockchain. *Applied Sciences*. 2024. Vol. 14. No. 22. Article No. 10630. <https://doi.org/10.3390/app142210630>.
13. Bhat, S., Dubey, S., Jadhav, N. An overview of the Effects of Blockchain Technology in Food Chain Supply: a Case Study on Walmart // *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*. 2023. Vol. 11. Iss. 2. Available at <https://www.tojdel.net/journals/tojdel/articles/v11i02/v11i02-28.pdf> (accessed: 21.03.2025).

14. Nema, V.S.V., Manickavasagan, A. Blockchain Implementation for Food Safety in Supply Chain: A Review. *Comprehensive Reviews in Food Science and Food Safety*. 2024. Vol. 23. Iss. 5. e70002. <https://doi.org/10.1111/1541-4337.70002>.
15. Kamath, R. Food Traceability on Blockchain: Walmart's Pork and Mango Pilots with IBM. *The Journal of the British Blockchain Association*. 2018. Vol. 1. Iss. 1. P. 47–53. [https://doi.org/10.31585/jbba-1-1-\(10\)2018](https://doi.org/10.31585/jbba-1-1-(10)2018).
16. Korzhevich, V.V., Bodnar, A.V. Review of the Effectiveness of Blockchain Technology Application in Logistics and Supply Chain Management. *Informatics & cybernetics*. 2024. No. 2 (36). P. 23–28. (In Russian). EDN: QYWTCA.
17. Pochtovaya, I. Traceability of Agri-Food Products: Foreign Experience of Regulation. *Agrarian Economics*. 2021. No. 9 (316). P. 74–82. (In Russian). <https://doi.org/10.29235/1818-9806-2021-9-74-82>. EDN: BFUIUV.
18. Min, H. Blockchain Technology for Enhancing Supply Chain Resilience. *Business Horizons*. 2019. Vol. 62. Iss. 1. P. 35–45. <https://doi.org/10.1016/j.bushor.2018.08.012>.
19. Panyukova, V.V. International Experience of Using Blockchain Technology in Supply Chain Management. *Economics, Taxes & Law*. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 60–67. (In Russian). EDN: XWIEHJ.

Сведения об авторах / Information about authors

Королева Лада Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Учет и бизнес-анализ»; Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I.

E-mail: klada69@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2847-9637

Фань Иян – магистрантка Экономического факультета; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова.

E-mail: iyanfan@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-5656-4185

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Koroleva Lada A. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Accounting and Business Analysis; Emperor Alexander I Saint Petersburg State Transport University.

E-mail: klada69@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2847-9637

Fan Iyan – Master student, Faculty of Economics; Lomonosov Moscow State University.

E-mail: iyanfan@yandex.ru

ORCID: 0009-0001-5656-4185

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.07.2025.

Одобрена после рецензирования 31.07.2025.

Принята 11.08.2025.

Received 30.07.2025.

Approved after reviewing 31.07.2025.

Accepted 11.08.2025.

научная статья / research article

УДК: 327

EDN: UCVUIJ

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.3

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Национальные ИИ-порталы как инструменты киберсилы: соединение технологий и политики

Шубина Валерия Александровна

Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация
«Координационная лаборатория» (АНО «Колаборатория»),
Санкт-Петербург, Россия
 loreinlun7@gmail.com

Сытник Анна Николаевна

Санкт-Петербургский государственный университет;
Автономная некоммерческая научно-исследовательская организация
«Координационная лаборатория» (АНО «Колаборатория»),
Санкт-Петербург, Россия
anna@sytnik.me

Аннотация

Введение. Предлагаемое исследование отвечает на вопрос: как национальные порталы по искусственному интеллекту (далее – ИИ-порталы) функционируют в качестве инструментов цифровой дипломатии и какие факторы определяют их эффективность? Авторы рассматривают ИИ-порталы через призму концепции киберсилы – способности государства использовать цифровые технологии для укрепления своих позиций в мировой политике. Целью исследования является оценка эффективности национальных Интернет-порталов на основе разработанной авторской методики с применением специальных цифровых программ для анализа данных. Основные исследовательские вопросы (задачи): определить роль ИИ-порталов в международной политике как двигателя киберсилы; разработать методику для оценки их эффективности на основе применения специальных программ; изучить сайты государств, предоставляющих информацию об ИИ, оценить эффективность их работы и особенности реализации.

Материалы и методы. Анализируя ИИ-порталы в 16 странах, авторы выявляют лучшие практики и проблемы развития, а также дают рекомендации о возможностях их оптимизации в целях укрепления позиций государств в сфере ИИ. Анализ проведен по восьми ключевым критериям: многоязычная поддержка, скорость загрузки, данные о посещаемости, объем трафика, уровень вовлеченности, внешние ссылки, наличие социальных сетей и эффективность SEO.

Результаты. Исследование выявило существенные различия в стратегиях продвижения киберсилы. Такие страны как Казахстан, Индия, Республика Корея и Саудовская Аравия, продемонстрировали высокий уровень технологической проработки и ориентацию на международную аудиторию. Наиболее успешные решения объединяют высокую

интерактивность, насыщенный контент и прикладную направленность, что способствует эффективной коммуникации между властью, населением и экспертами.

Обсуждение. Полученные результаты позволили определить ведущие страны в сфере цифровой презентации политики в области искусственного интеллекта, выявить ключевые особенности их технологических решений, а также зафиксировать эффективные практики, способствующие укреплению их позиций на международной арене.

Заключение. Исследование вносит вклад в изучение цифровых платформ как гибридных инструментов технологического и политического влияния, подчеркивая важность стратегического подхода к дизайну и развитию национальных ИИ-порталов, которое поможет акторам в сфере ИИ оптимизировать цифровые коммуникации для привлечения аудитории и укрепления международного сотрудничества.

Ключевые слова: искусственный интеллект; технологическое развитие; национальные ИИ-порталы; веб-аналитика; информационные технологии; международное влияние

Для цитирования: Шубина В.А., Сытник А.Н. Национальные ИИ-порталы как инструменты киберсилы: соединение технологий и политики // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 49–66. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.3.

© Шубина В.А., Сытник А.Н., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

National AI Portals as Cyber Power Instruments: Bridging Technology and Politics

Valeria A. Shubina

Autonomous Non-Commercial Research Organization "Coordination Laboratory"
(CEO ANO "Coordination Lab"), Saint Petersburg, Russia
 loreinlun7@gmail.com

Anna N. Sytnik

Saint Petersburg State University;
Autonomous Non-Commercial Research Organization "Coordination Laboratory"
(CEO ANO "Coordination Lab"),
Saint Petersburg, Russia
anna@sytnik.me

Abstract

Introduction. This study answers the research question: How do national artificial intelligence portals (AI portals) function as digital diplomacy tools and what factors determine their effectiveness? Authors examine AI portals through the lens of the concept of cyberpower – the ability of a state to use digital technologies to strengthen its position in global politics. The aim of the study is to evaluate the effectiveness of national AI Internet portals by developing a methodology that employs specialized digital tools for data analysis. To achieve this, the following objectives were set: to determine the role of AI portals in international politics as a driver of cyber power; to develop a methodology for assessing their effectiveness based on the application of specialized software; to examine government websites providing AI-related information, evaluate their performance, and analyze their implementation features.

Materials and methods. By analyzing AI portals in 16 countries, the authors identify best practices and development challenges, provide recommendations on how to optimize them to strengthen states' positions in the AI sphere. The analysis was conducted based on eight key criteria: multilingual support, loading speed, traffic data, traffic volume, engagement level, external links, presence of social networks, and SEO effectiveness.

Results. The study found significant differences in cyberpower promotion strategies. Countries such as Kazakhstan, India, South Korea and Saudi Arabia demonstrated a high level of technological sophistication and focus on an international audience. The most successful solutions combine high interactivity, rich content and practical focus, which facilitates effective communication between authorities, citizens and experts.

Discussion. The results obtained allowed us to identify leading countries in the field of digital presentation of AI policies, identify key features of their technological solutions, and document effective practices that help strengthen their positions in the international arena.

Conclusion. The study contributes to the exploration of digital platforms as hybrid instruments of technological and political influence, highlighting the importance of a strategic approach to the design and development of national AI portals.

Keywords: artificial intelligence; technological development; national AI portals; web analytics; information technology; international influence

For citation: Shubina, V.A., Sytnik, A.N. National AI Portals as Cyber Power Instruments: Bridging Technology and Politics. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 49–66. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.3.

© Shubina, V.A., Sytnik, A.N., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

В эпоху цифровой трансформации государственным организациям необходимо эффективно отражать свою деятельность в цифровой среде, особенно в сфере искусственного интеллекта (далее – ИИ). ИИ является не только актуальным технологическим инструментом, но и политическим ресурсом, определяющим конкурентоспособность государств на мировой арене. Несмотря на значительные усилия многих стран по созданию специализированных национальных порталов по искусственному интеллекту (далее ИИ-порталов) – цифровых платформ, аккумулирующих информацию о национальной политике, стратегиях, проектах и экосистеме в сфере ИИ – на данный момент эффективность их функционала и роль в политической сфере изучены недостаточно. ИИ-порталы имеют высокий потенциал в качестве цифровых мостов, связывающих острова науки, технологий, общественных и политических интересов в единую экосистему для достижения стратегических целей государства.

Однако возникает методологический разрыв: несмотря на растущее значение платформ, служащих инструментами продвижения национальных интересов и цифровой дипломатии, существующие подходы к оценке их эффективности остаются фрагментарными и преимущественно сосредоточены на теоретических аспектах, не отражая реальных механизмов цифрового влияния. С другой стороны, исследования сетевых ресурсов с помощью веб-аналитики зачастую направлены на экономико-маркетинговый сектор, игнорируя международно-политические аспекты. Существующие исследования в области международных отношений, как правило, либо ограничиваются анализом отдельных характеристик ИИ-порталов, либо рассматривают их исключительно в контексте информационной политики. Таким образом, сохраняется исследовательский пробел в понимании того, какие именно факторы определяют эффективность ИИ-порталов в привлечении и удержании аудитории, способствуя формированию как национальной, так и международной повестки в области управления ИИ.

Данное исследование представляет методику, с помощью которой ИИ-порталы могут быть усовершенствованы в целях усиления международного влияния страны. Мы рассматриваем ИИ-порталы как инструмент проявления киберсилы, поскольку они являются одним из ключевых механизмов проецирования влияния государств в эпоху стремительного развития ИИ. Через анализ данных мы определяем то, как национальные Интернет-порталы трансформируются в элементы киберсилы государства, способствующие укреплению его стратегических позиций в глобальной цифровой экосистеме. Проводится комплексная оценка эффективности их работы с точки зрения аналитики 16 сетевых ресурсов, включающей как технические характеристики платформ, так и пользовательские показатели вовлеченности и востребованности.

Обзор литературы

Концепция «киберсилы» Дж. Ная исходит из того, что в киберпространстве государство способно добиваться желаемых результатов с помощью электронно-сетевых ресурсов, влияя на события в других сферах [1]. Киберсила носит реляционный характер и проявляется в отношениях между акторами, а эффективность зависит от контекста, целей, домена, «веса» влияния, издержек и доступных средств. Следуя этой теории, национальные ИИ-порталы могут рассматриваться как инструмент киберсилы, через который государства проектируют свое присутствие и воздействуют на внешние аудитории в цифровой среде. Это позволяет также отнести ИИ-порталы к области исследований цифровой дипломатии: а именно, электронной дипломатии, которая включает использование сайтов для формирования общественного мнения и глобальных дискурсов [2]. Государства, обладающие технологическим лидерством, особенно в сфере ИИ, могут конвертировать этот потенциал в международное влияние – вплоть до усиления своей мягкой силы за счет демонстрации успехов в цифровых технологиях [3]. Это соответствует более широкому тренду «стратегического позиционирования» в цифровую эпоху, когда успех в сетевых и информационных доменах напрямую отражается на статусе государства на мировой арене [4].

В последние годы сформировалось несколько основных подходов к оценке киберсилы и ИИ-порталов, предложенных в работах Э. Венеблса, Й. ван Хаастера, Р. Сидлера, Л. Табански и Д. Херрика.

Э. Венеблс (2015) [5] подчеркивает, что оценка киберсилы должна включать не только технические ресурсы, но и способность акторов использовать эти ресурсы для достижения конкретных целей. Это согласуется с концепцией Дж. Ная, который указывает на необходимость ее рассмотрения через три измерения: поведение других акторов, установление повестки дня и формирование предпочтений. Авторы предлагаемой публикации рассматривают ИИ-порталы во всех трех измерениях: они влияют на поведение пользователей через удобство использования, формируют повестку дня через предоставление актуальной информации и создают предпочтения путем продвижения государственных стандартов и норм.

Й. ван Хаастер (2016) [6] предлагает системный взгляд на оценку киберсилы, основываясь на шести ключевых измерениях: контексте, масштабе, сфере действия, весе, затратах и средствах. Применительно к ИИ-порталам, этот анализ позволяет понять, почему одни показывают высокую эффективность, а другие нет. Успешные

порталы не только предоставляют информацию, но и предлагают пользователям возможность взаимодействия через социальные сети, онлайн-обсуждения и практические решения для развития технологий. Такой подход делает их полноценными платформами для диалога между государством и гражданами, что усиливает их роль как инструментов киберсилы.

Р. Сидлер (2016) [7] и Л. Табански (2016) [8] подчеркивают, что истинная мощь киберресурсов проявляется через их способность решать стратегические задачи. В частности, ИИ-порталы могут служить средством для формирования долгосрочных национальных преимуществ, таких как развитие человеческого капитала, стимулирование инноваций и укрепление экономического суверенитета. Например, израильская стратегия развития киберсилы, описанная в работе Табански, показывает, что успех не зависит исключительно от технологий, но также от гибких методов достижения целей и интеграции усилий государства, бизнеса и академического сообщества. Подобный подход позволяет адаптироваться к меняющимся условиям и эффективно использовать свои ресурсы.

Другие научные работы также подтверждают важность комплексного анализа национальных ИИ-порталов. Д. Херрик (2016) [9] описывает, как использование Интернет-платформ политическими институтами помогает анализировать международную среду, успешно интегрируя их в национальную стратегию. В частности, ИИ-порталы не только предоставляют информацию о технологических достижениях и государственных инициативах, но и выступают в качестве платформ для формирования общественного мнения, стимулирования инноваций и укрепления позиций страны на международной арене.

ИИ-порталы можно рассматривать и как инструменты для поддержки цифрового суверенитета, обеспечения конкурентоспособности и участия в глобальных процессах. В этой связи веб-аналитика позволяет выявить необходимые технические элементы и социальные процессы для укрепления киберсилы государств.

Методы и материалы исследования

Для формирования выборки ИИ-порталов был использован метод воронки. Сначала были проанализированы 193 стран-участниц ООН, более 90% которых размещают информацию об ИИ на своих официальных ресурсах и имеют специализированные порталы, посвященные цифровой среде и достижениям в этой области. Были выделены четыре основных подхода к размещению данных об ИИ: создание специализированного портала, посвященного исключительно ИИ; интеграция информации об ИИ в порталы о передовых технологиях; размещение тематической страницы на государственном сайте; использование социальных сетей и других онлайн-ресурсов. Для исследования были отобраны страны, использующие первый подход, поскольку именно он обеспечивает необходимую степень структурной, содержательной и визуальной сопоставимости, позволяя корректно проводить сравнительный анализ.

При анализе ИИ-порталов существенное значение имеет сектор, ответственный за их создание и функционирование. Было выделено четыре сектора: полностью государственный, государственно-частный, международный и государственно-академический. Исследование сконцентрировано на первом секторе, так как порталы

различных секторов имеют разницу в затратах, подходах к разработке, распределении ресурсов и уровне контроля над контентом, что могло бы исказить результаты анализа эффективности государственных стратегий в сфере ИИ. Исключения составили сайты с незначительным участием частного или академического секторов, например, «AI Singapore», который работает под эгидой правительства, но сотрудничает с корпорациями, или «AI Research Center», финансируемый правительством и связанный с научными учреждениями.

В соответствии с установленными критериями были отобраны порталы 16 стран, полностью посвященных ИИ: Выборка охватывает различные континенты – Африку, Азию, Америку и Европу, что обеспечивает географическое разнообразие.

Таблица 1 / Table 1

Список национальных ИИ-порталов
 (составлено авторами на основе открытых источников, 15.09.2024)

List of National AI Portals
 (compiled by the authors based on open sources, 09.15.2024)

Государство	Ссылка на национальный Интернет-портал
Израиль	https://aiisrael.org.il/
Индия	https://indiaai.gov.in/
Ирак	https://iraqi.ai/
Италия	https://ai4i.it/
Казахстан	https://astanahub.com/en/
Малайзия	https://ai.gov.my/
Нигерия	https://ncair.nitda.gov.ng/
Объединенные Арабские Эмираты	https://ai.gov.ae/
Российская Федерация	https://ai.gov.ru/en/
Саудовская Аравия	https://sdaia.gov.sa/en/default.aspx
Сербия	https://ai.gov.rs/
Сингапур	https://aisingapore.org/
Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии	https://ai.gov.uk/
Соединенные Штаты Америки	https://ai.gov/
Республика Корея	https://www.aihub.or.kr/
Япония	https://www.airc.aist.go.jp/

Для анализа данных национальных Интернет-порталов по ИИ были использованы различные онлайн-сервисы веб-аналитики, включая «SimilarWeb.com», «Megaindex.com», «Xtool.ru», «Bel.ru», «DebugBear.com», а также инструменты Google – «Lighthouse» и «Web.dev» («PageSpeed Insights»). Эти платформы предоставляют комплексные решения для анализа и оптимизации сайтов, улучшая их технические характеристики и позиции в поисковой выдаче. Эти инструменты позволяют осуществлять анализ структуры, привлечения аудитории, текстового контента, мониторинг позиций и выявлять технические ошибки.

В рамках данного исследования для оценки эффективности ИИ-порталов были выбраны восемь критериев, охватывающих как технические, так и содержательные аспекты функционирования цифровых платформ. Каждый из критериев имеет четкую

связь с теоретическими основами анализа киберсилы и цифровой дипломатии, позволяя глубже понимать механизмы цифрового влияния государств в эпоху ИИ.

1. Поддержка нескольких языков – напрямую служит целям цифровой дипломатии. Мультиязычность позволяет обращаться к международной аудитории, повышает открытость и прозрачность государственной политики в сфере ИИ, усиливая привлекательность страны и транслируя ее ценности за рубеж.

2. Скорость загрузки – отражает техническую оптимизацию портала, которая является индикатором зрелости цифровой инфраструктуры. Этот аспект «жесткой» киберсилы напрямую влияет на взаимодействие пользователей с платформой.

3. Данные о посещаемости – среднемесячный трафик позволяет оценить популярность портала и эффективность стратегии привлечения аудитории. Это один из ключевых показателей так называемой «мягкой» силы в цифровом измерении.

4. Объем трафика – анализ распределения по устройствам, географии и каналам привлечения позволяет выявить наиболее эффективные механизмы цифрового воздействия, демонстрируя способность государства к цифровому таргетированию на международной арене, одной из важнейших функций цифровой дипломатии.

5. Коэффициент вовлеченности – включает показатели отказов, глубины просмотра и средней продолжительности сессии. Являясь ключевым элементом оценки эффективности цифровой дипломатии, он отражает интерес пользователей к контенту и способность портала вовлекать аудиторию, создавая лояльные сообщества [10].

6. Внешние ссылки – количество и качество обратных ссылок свидетельствуют о признании и востребованности контента за пределами портала. Критерий демонстрирует, насколько успешно страна формирует повестку дня и влияет на информационные потоки в международном пространстве [11].

7. Присутствие в социальных сетях – наличие и интеграция соцсетей на портале расширяют охват аудитории и создают условия для двустороннего взаимодействия, так называемой дипломатии социальных сетей [12].

8. Поисковая оптимизация – соответствие техническим требованиям поисковых систем повышает видимость портала и удобство его использования, что усиливает влияние на поведение и предпочтения пользователей в цифровой среде.

Критерии № 1, № 2, № 6, № 7 и № 8 рассчитываются за любой временной период, когда как критерии № 3, № 4 и № 5 требуют расчет среднемесячного показателя за год или показателя за последний месяц. Важно отметить, что данные критерии универсальны и открыты пользователям для считывания специализированными сервисами, не требуя доступа разработчика. Однако сложность может возникнуть при подборе подходящих метрик и инструментов для каждого портала из-за наличия защиты сайтов или малого количества данных.

Сравнительный анализ помогает оценить удобство использования сайта, качество его разработки и общую эффективность, а также проанализировать работу государств в сфере ИИ и уровень пользовательской вовлеченности. Методика оценки порталов основывается на присвоении баллов каждому аналитическому критерию, максимальный итоговый результат равен 8 баллам. Каждый критерий измеряется индивидуально, но имеет единую шкалу оценки, которая включает три уровня: 1 балл за высокий результат (отмечается зеленым), 0,5 балла за средний (желтым) и 0 баллов за низкий или отсутствие результата (красным).

Результаты

Критерий № 1: наличие языков перевода оценивает мультиязычность порталов ИИ, их способность предоставлять доступ большей аудитории и демонтировать открытость к международному сотрудничеству. По результатам 93 % сайтов доступны на английском языке. 43 % порталов не имеют перевода на государственный язык, указывая на слабую ориентацию на внутреннюю аудиторию, еще 37 % используют двуязычную модель, а 12 % представлены более чем на двух языках. Лидерами являются порталы Казахстана и Сербии, имея адаптацию на три языка. Большинство сайтов с двуязычной моделью получили 0,5 балла. Единственный портал без перевода – Республика Корея, получивший 0 баллов, несмотря на наличие функций для иностранных пользователей.

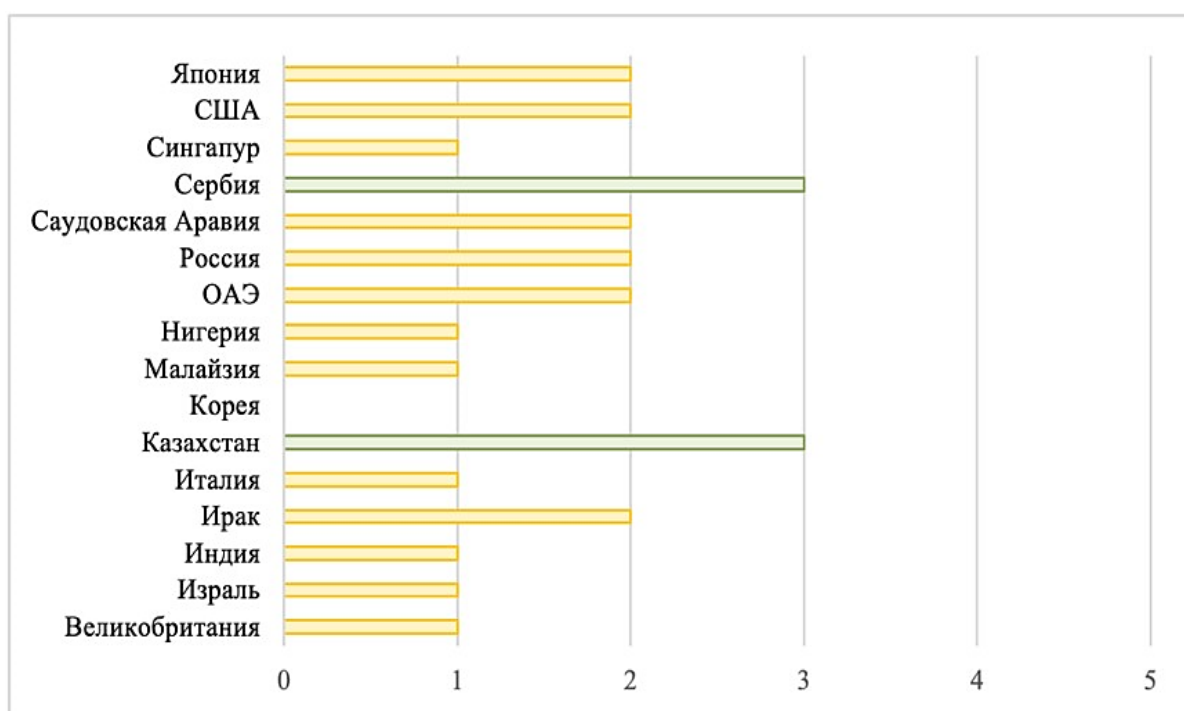

Рис. 1. Поддержка нескольких языков
(составлено авторами на основе открытых источников, 19.10.2024)

Fig. 1. Support for multiple languages
(compiled by the authors based on open sources, 19.10.2024)

Критерий № 2 оценивает скорость загрузки сайтов через пять метрик (LCP, INP, CLS, FCP, TTFB), влияющих на удобство использования и удержание аудитории. Анализ проводился для главной страницы на английском языке с использованием инструментов «PageSpeed Insights» и «DebugBear.com» одновременно, оценка производилась по трехуровневой шкале: высокий результат (от 9 очков), средний результат (от 5,5 очков), плохой результат (до 5,5 очков).

По LCP¹ высокие результаты продемонстрировали Израиль, Япония и Великобритания, за ними следуют Индия, Республика Корея, Сингапур и США. Средние значения

¹ LCP – самая большая содержательная краска, сообщает время рендеринга самого большого изображения, текстового блока или видео, видимого в области просмотра, относительно времени, когда пользователь впервые перешел на страницу.

отмечены у Италии, Казахстана, Малайзии и России, а низкие – у Ирака, Нигерии, ОАЭ, Саудовской Аравии и Сербии. В отношении INP² лидерами стали Япония и Великобритания. Большинство стран показали средние результаты, при этом плохих показателей не выявлено. Что касается CLS³, большинство сайтов достигли отличных результатов, близких к нулю. Проблемы возникли у Индии, Малайзии, Ирака, Республики Кореи и Саудовской Аравии, где наблюдались технические недочеты. По FCP⁴ лучшие позиции заняли Израиль и Республика Корея. Высокие показатели также продемонстрировали Великобритания, Индия, Малайзия, Япония, Сингапур и США. Средние значения у Италии, Ирака, Казахстана, России и Саудовской Аравии, в то время как Нигерия, ОАЭ и Сербия показали низкие результаты. Наиболее эффективные показатели TTFB⁵ принадлежат Израилю, Великобритании, Малайзии и Республике Корея. Средние результаты получили Италия, Россия и Саудовская Аравия, тогда как Казахстан, Нигерия и ОАЭ столкнулись с проблемами обработки данных.

Критерий № 3 оценивает посещаемость национальных порталов ИИ, помогая оценить уровень привлечения и интереса аудитории. Анализ проводился на основе данных за 2024 год с использованием сервисов «Similarweb.com» и «Be1.ru». Оценка велась исходя из средней посещаемости в месяц по трехуровневой шкале: высокий результат (более 60 тысяч), средний результат (10–60 тысяч), низкий результат (менее 10 тысяч).

Лидером по посещаемости стал портал Саудовской Аравии, привлекающий более 330 тысяч пользователей ежемесячно. Он имеет высокую позицию благодаря актуальной информации, современному интерфейсу, официальному статусу и масштабной государственной программе. На втором месте – портал Казахстана с аудиторией более 120 тысяч пользователей. Сайт демонстрирует высокие показатели благодаря интерактивным возможностям, широкому охвату IT-проектов, поддержке проектов и предоставлению ресурсов. Третье место занимает портал Республики Кореи с аудиторией 116 тысяч пользователей. Он имеет высокие рейтинги благодаря финансовой поддержке проектов, базе данных для обучения ИИ и библиотеке интерфейсов. Большинство пользователей порталов находятся в возрасте 25–34 лет. Максимальный процент 55+ выявлен у ОАЭ и 65+ у Индии. Разница демографических показателей минимальна в категориях 18–24 и 35–44 лет. По половому признаку самая сбалансированная аудитория отмечена у Сингапура (разница 3%, с преобладанием мужчин), малый разрыв (менее 20%) также выявлен у России, Казахстана и Малайзии. Наибольший дисбаланс зафиксирован в Республике Корея (76% мужчин).

² INP – взаимодействие со следующей отрисовкой, оценивает общую отзывчивость страницы на взаимодействие с пользователем путем наблюдения за задержкой всех действий с помощью щелчков, касаний и клавиатуры, которые происходят на протяжении всего периода посещения пользователем страницы.

³ CLS – совокупное изменение макета, показывает наибольшее количество неожиданных изменений макета страниц от первичной загрузки информации до конца жизненного цикла страницы.

⁴ FCP – первая содержательная краска, измеряет время с момента первого перехода пользователя на страницу до момента отображения какой-либо части содержимого страницы на экране.

⁵ TTFB – время до первого байта, измеряется между запросом ресурса и моментом начала поступления первого байта ответа, показывая его время установки соединения и скорости реагирования.

Таблица 2 / Table 2

Данные о посещаемости ИИ-порталов

(составлено авторами на основе сервисов SimilarWeb.com и Be1.ru, 15.01.2025)

AI Portals Traffic Data

(compiled by the authors based on SimilarWeb.com and Be1.ru services, 15.01.2025)

№	Веб-сайт	Количество посетителей	Рейтинг в мире	Рейтинг в стране
1	Великобритания	6,506 (-30.31%)	#3,366,152	#276,115
2	Израиль	356 (+20.9%)	—	—
3	Индия	107,149 (-30.4%)	#377,254	#35,527
4	Ирак	609 (+51.35%)	—	—
5	Италия	1,020 (+191.1%)	#9,943,947	#346,953
6	Казахстан	123,989 (-8.86%)	#270,931	#1,979
7	Корея	116,179 (+0.62%)	#230,908	#6,624
8	Малайзия	23,363 (-31.65%)	#735,563	#7,119
9	Нигерия	9,295 (-31.98%)	—	—
10	ОАЭ	18,840 (-54.68%)	#1,603,500	#22,642
11	Россия	50,880 (-10.2%)	#749,537	#52,463
12	Саудовская Аравия	339,292 (+1.09%)	#133,982	#1,072
13	Сербия	3,878 (+90.95%)	#4,865,948	#28,619
14	Сингапур	64,741 (-17.98%)	#559,002	#7,982
15	США	29,561 (-11.14%)	#1,119,580	#430,626
16	Япония	25,518 (+0.57%)	—	—

Критерий № 4 оценивает трафик порталов ИИ, включая географическое распределение, типы устройств и каналы привлечения. Географическое распределение помогает определить международный интерес к политике страны в сфере ИИ. Типы устройств показывают предпочтения пользователей, а каналы привлечения – эффективность продвижения. Для итогового рейтинга используется только географическое распределение трафика. Анализ проводился на основе данных за 2024 год с помощью сервисов «Similarweb.com» и «Be1.ru». Оценка географического трафика производится по трехуровневой системе: высокий результат при трафике из более чем 5 стран с притоком, средний результат при трафике из 5+ стран без учета динамики или из 2–4 стран с преобладанием притока, низкий результат при трафике из одной или двух стран с оттоком.

В большинстве случаев лидирует страна-обладатель портала, рядом с которой находится страна-сосед. Порталы Израиля, Италии и Сербии имеют преимущественно внутренний трафик, что отражается на контенте. США являются значимым источником трафика для многих сайтов, подчеркивая их интерес к глобальным разработкам в ИИ. Наилучшие результаты показали порталы Индии, Казахстана, Республики Корея, ОАЭ, России и Саудовской Аравии, демонстрирующие глобальный интерес. Хорошие показатели у Великобритании, Ирака, Сингапура, США и Японии. Низкие результаты получили Нигерия, Израиль, Италия и Сербия, чей трафик преимущественно внутренний.

Таблица 3 /Table 3

Объем географического трафика

(составлено авторами на основе сервисов SimilarWeb.com и Be1.ru, 15.01.2025)

Geographical Traffic Volume

(compiled by the authors based on SimilarWeb.com and Be1.ru services, 15.01.2025)

Веб-сайт	Количество стран	Приток/Отток
Великобритания	3	2 притока и 1 отток
Израиль	1	1 приток
Индия	5	2 притока и 3 оттока
Италия	1	1 приток
Ирак	3	1 приток, 1 отток и 1 без изменений
Италия	1	1 приток
Казахстан	5	2 притока и 3 оттока
Корея	5	2 притока, 2 оттока, 1 без изменений
Малайзия	5	2 притока и 3 оттока
Нигерия	2	1 отток и 1 без изменений
ОАЭ	5	2 притока и 3 оттока
Россия	5	3 притока и 2 оттока
Саудовская Аравия	5	2 притока и 3 оттока
Сербия	1	1 отток
Сингапур	5	1 приток и 4 оттока
США	5	5 оттоков
Япония	5	1 приток, 2 оттока и 2 без изменений

Большинство пользователей выбирают мобильные устройства для просмотра контента, что говорит о повседневном просмотре контента и важности портативной адаптации сайтов. По каналам привлечения трафика выявлена схожесть долей прямого и органического трафика. Лидеры по органическому трафику – Индия и Сербия, по прямому – Израиль и Малайзия. Максимальный рекламный трафик у Ирака и Сингапура. По социальным сетям лидируют Великобритания и Италия, по ссылочному трафику – Япония и Ирак.

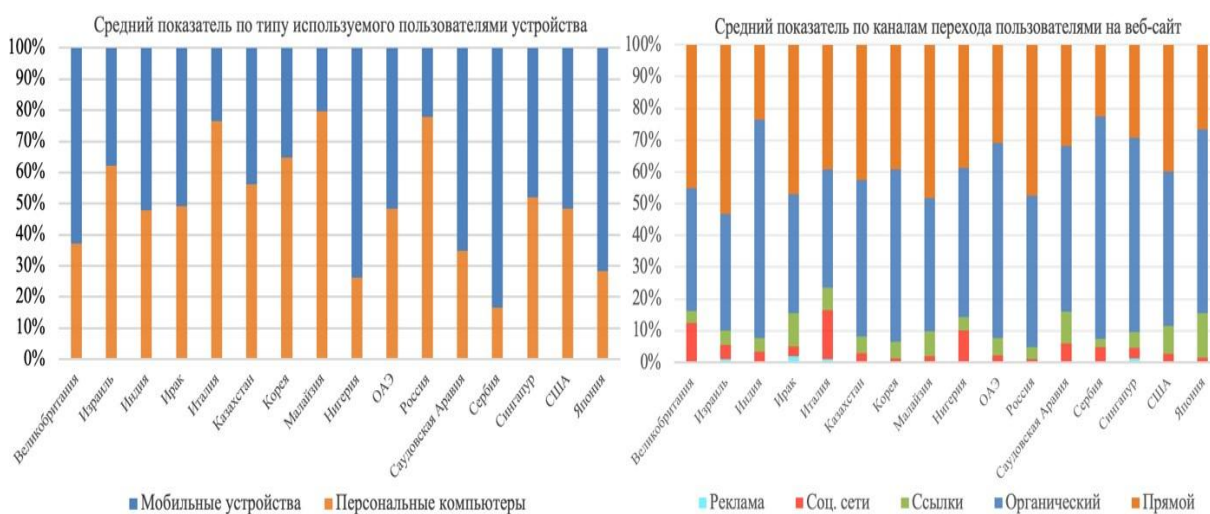

Рис.2. 2.1. Трафик по видам устройств; 2.2. Трафик по каналам перехода.
 (составлено авторами на основе сервиса SimilarWeb.com, 15.01.2025)

Fig.2. 2.1. Traffic by device types; 2.2. Traffic by transition channels.
 (compiled by the authors based on the SimilarWeb.com service, 15.01.2025)

Критерий № 5 оценивает вовлеченность пользователей через три метрики: показатель отказов, глубину просмотра страниц и длительность пребывания. Хорошие результаты данных показателей указывают на наличие качественной информации, удобство навигации и хорошую работу сайта. Данные собирались за 2024 год через сервис «Similarweb.com» по трехуровневой системе: отличный результат за отказы до 50 %, время на сайте от 2 минут и глубину просмотра от 3 страниц; средний результат за отказы до 70 %, время от 1 минуты и глубину от 2 страниц; низкий результат при отказах от 70 %, времени до 30 секунд и глубине до 2 страниц.

Результаты анализа продемонстрировали значительные различия: показатели отказов колеблются от 8,72 % (Нигерия) до 81,53 % (Сербия), длительность – от 4 секунд (Ирак) до 3 минут 29 секунд (Корея), глубина просмотра – от 1,27 страниц (Ирак) до 8,68 страниц (Корея). Порталы с функцией регистрации чаще показывают наилучшие результаты. 62% порталов (Великобритания, Израиль, Индия, Ирак, Италия, ОАЭ, Россия, Сингапур, США, Япония) получили средние баллы, чаще отставая в длительности и глубине просмотра. Наивысшие показатели у Казахстана, Республики Кореи, Малайзии, Нигерии и Саудовской Аравии благодаря уникальному контенту и функционалу. Единственный портал с 0 баллами – Сербия, из-за проблем с привлечением аудитории, загрузкой и навигацией.

Таблица 4 / Table 4

Коэффициент вовлеченности

(составлено авторами на основе сервиса SimilarWeb.com, 15.01.2025)

Engagement Rate

(compiled by the authors based on the SimilarWeb.com service, 15.01.2025)

Веб-сайт	Bounce Rate	Длительность просмотра страниц	Глубина просмотра страниц	Итог
Великобритания	42,90%	00:10 мин.	1.68 страниц	0,5
Израиль	46,28%	01:27 мин.	1.92 страниц	0,5
Индия	47,45%	01:11 мин.	2.41 страниц	0,5
Ирак	40,43%	00:04 мин.	1.27 страниц	0,5
Италия	52,88%	01:38 мин.	3.40 страниц	0,5
Казахстан	44,34%	2:44 мин.	4.75 страниц	1
Корея	33,27%	03:29 мин.	8.68 страниц	1
Малайзия	48,99%	1:48 мин.	5.68 страниц	1
Нигерия	8,72%	03:25 мин.	2.39 страниц	1
ОАЭ	54,48%	00:41 мин.	1.53 страниц	0,5
Россия	58,93%	00:52 мин.	1.92 страниц	0,5
Саудовская Аравия	42,17%	01:31 мин.	3.40 страниц	1
Сербия	81,53%	01:02 мин.	1.44 страниц	0
Сингапур	47,75%	01:26 мин.	2.45 страниц	0,5
США	49,07%	00:43 мин.	1.64 страниц	0,5
Япония	62,48%	00:22 мин.	2.01 страниц	0,5

Критерий № 6 оценивает внешние ссылки на порталы, помогая определить уровень доверия к сайту, его позиции в поисковых системах и качество партнерских связей. При анализе учитывались как их количество, так и тематическое соответствие и разнообразие. Было собрано максимальное количество ссылок с помощью

инструментов «Similarweb.com», «Xtool.ru» и «Megaindex.com». Большинство порталов продемонстрировали высокий результат по количеству внешних ссылок. Недостаточное число ссылок (менее 10) оценивалось как средний результат, а отсутствие ссылок — как плохой результат. Порталы с низкими показателями имеют меньшую авторитетность и видимость, что указывает на слабое продвижение контента. Наиболее высокие показатели получили порталы Индии (312 ссылок), Сингапура (233) и США (402). Самые низкие результаты выявлены у Израиля, Ирака и Италии. Анализ тематики выявил 12 категорий источников, среди которых преобладают новостные издания, блоги и технологические компании.

Критерий № 7 оценивал наличие популярных социальных сетей на национальных порталах, так как в современной цифровой среде интеграция социальных сетей становится ключевым фактором для расширения охвата аудитории и повышения доверия пользователей. Данные собирались одновременно, при этом порталы получали 1 балл за указание ссылок на социальные сети и 0 баллов за их отсутствие. Лидерами по количеству социальных сетей стали порталы Сингапура (8 сетей) и Казахстана (7 сетей), а также Индия, ОАЭ и Саудовская Аравия. Наиболее популярными платформами оказались X.com⁶ и LinkedIn.com⁷ (7 порталов).

Анализ выявил пробелы в цифровой стратегии некоторых стран: Израиль, Италия, Ирак, Нигерия, Сербия и США ограничивают свою представленность, не размещая ссылки на существующие аккаунты. Например, Нигерия имеет множество связанных организаций, но не предоставляет полного списка ссылок, а Израиль указывает только отдельные видео на YouTube без самой иконки сети. Страны применяют уникальные подходы: Великобритания, ОАЭ и Сингапур активны на GitHub, Республика Корея использует Naver Blog, а Сингапур задействует Reddit и Medium для открытого диалога. В регионах СНГ Telegram доминирует (Казахстан, Россия), причем Казахстан дополнительно использует TikTok для привлечения молодежи. Портал «Astana Hub» отличается специальной страницей с централизованным каталогом профилей – более 60 аккаунтов различных центров, отделений и программ.

Критерий № 8 описывает SEO, которое является ключевым инструментом для повышения видимости веб-сайтов и привлечения целевой аудитории. В контексте национальных порталов SEO способствует их эффективной цифровой доступности, увеличивая релевантность поисковых запросов и улучшая взаимодействие с пользователями. Данные собирались одновременно с помощью инструментов «Lighthouse» и «Be1.ru». Порталы получали 1 балл за выполненную метрику или ее аналогичную замену и оценивались по трехуровневой шкале: высокий результат за 9–10 очков, средний результат за 6–8 очков, низкий результат за менее 6 очков. Выделено 10 метрик, обеспечивающих соответствие требованиям поисковых систем.

Лучшие результаты показали Индия, Италия и Республика Корея, выполнив все 10 метрик. Второе место заняли Ирак, Россия, Саудовская Аравия и США. Большинство сайтов получили средний результат. Минимальные значения (6–7 баллов) у Израиля и Японии. Первая, вторая, девятая и десятая метрики выполнены всеми сайтами без

⁶ X.com – социальная сеть, доступ ограничен на территории Российской Федерации.

⁷ LinkedIn.com – социальная сеть, доступ ограничен на территории Российской Федерации.

ошибок. Четвертая метрика выявила проблему «403» на сайте Великобритании, восьмая – отсутствие описаний изображений у Ирака и Японии. Наибольшие трудности вызвала пятая метрика (описание ссылок): больше всего неправильных ссылок у ОАЭ (14 шт.), меньше всего – у Нигерии (1 шт.). А также третья метрика, показав снижение удобства использования из-за отсутствия сводок страниц у Великобритании, Израйля, Ирака, Нигерии, ОАЭ, Сербии и Японии.

Таблица 5 / Table 5

Поисковая оптимизация

(составлено авторами на основе сервисов Lighthouse и Be1.ru, 15.01.2025)

Search Engine Optimization

(compiled by the authors based on Lighthouse and Be1.ru services, 15.01.2025)

Веб-сайт	M1	M2	M3	M4	M5	M6	M7	M8	M9	M10	Итог
Великобритания	+	+	-	-	+	+	/	/	+	/	8=0,5
Израиль	+	+	-	+	-	+	+	-	+	+	7=0,5
Индия	+	+	+	+	+	+	/	+	+	/	10=1
Ирак	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+	9=1
Италия	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	10=1
Казахстан	+	+	+	+	-	-	+	+	+	/	8=0,5
Корея	+	+	+	+	+	+	/	+	+	/	10=1
Малайзия	+	+	+	+	-	+	+	-	+	/	8=0,5
Нигерия	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	8=0,5
ОАЭ	+	+	-	+	-	+	/	+	+	+	8=0,5
Россия	+	+	+	+	+	+	-	+	+	/	9=1
Саудовская Аравия	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	9=1
Сербия	+	+	-	+	+	-	+	+	+	/	8=0,5
Сингапур	+	+	+	+	-	-	/	+	+	+	8=0,5
США	+	+	+	+	-	+	+	+	+	+	9=1
Япония	+	+	-	+	-	+	-	-	+	/	6=0

Метрика №1: Страница доступна для индексации.
 Метрика №2: Документ содержит элемент <title>.
 Метрика №3: В документе есть метаописание.
 Метрика №4: Код статуса HTTP действителен.
 Метрика №5: У ссылок есть описания.
 Метрика №6: Ссылки можно просканировать.
 Метрика №7: Файл robots.txt действителен.
 Метрика №8: У элементов изображений есть атрибут [alt].
 Метрика №9: Для документа указан действительный атрибут hreflang.
 Метрика №10: Для документа указан действительный атрибут rel=canonical.

Необходимо учитывать ограничения исследования. Во-первых, в выборку вошли только государственные порталы, представленные в виде отдельных веб-сайтов. Порталы, размещенные в других форматах или функционирующие под ведомством иных секторов, не учитывались. Это могло сузить понимание того, как разные типы управления порталами влияют на их эффективность и восприятие аудиторией. Во-вторых, несмотря на тщательно продуманный отбор, ограниченное количество критериев могло не отразить всех значимых аспектов функционирования ИИ-порталов – в частности, вопросов межведомственного взаимодействия и уровня интеграции с существующими цифровыми экосистемами.

Поэтому перспективным направлением дальнейших исследований представляется расширение выборки критериев оценки и включение больших

разновидностей ИИ-порталов. Также необходимо более глубокое изучение факторов, влияющих на их долгосрочную эффективность, таких как этические стандарты, образовательные программы и степень участия гражданского общества.

Тем не менее, универсальность разработанной методики позволяет использовать ее в различных форматах: для регулярного мониторинга, для адаптации к анализу других категорий цифровых ресурсов, а также для последующей автоматизации с применением специализированных онлайн-инструментов. Такая методика будет полезна как в академической среде, так и для практических применений, например, в формировании постоянного рейтинга ИИ-порталов и совершенствовании стратегий цифровой дипломатии.

Заключение

Исследование показало, что национальные ИИ-порталы становятся неотъемлемой частью цифровой дипломатии государств и могут рассматриваться как инструменты киберсилы. Отвечая на исследовательский вопрос – как ИИ-порталы функционируют в качестве инструментов цифровой дипломатии и какие факторы определяют их эффективность, – авторы приходят к выводу, что технические характеристики порталов напрямую связаны с их способностью транслировать государственную цифровую повестку, обеспечивать вовлечение целевых аудиторий и формировать стратегические ориентиры в области ИИ как на национальном, так и на международном уровне.

Сравнительный анализ 16 порталов указал на значительное разнообразие подходов к продвижению киберсилы: от близких к техническому совершенству и международно-ориентированных ресурсов (Казахстан, Индия, Республика Корея, Саудовская Аравия) до платформ, ограниченных по функциональности и уровню взаимодействия с пользователями. Наиболее эффективные ИИ-порталы сочетают высокую степень интерактивности, информативность, доступность и практико-ориентированный подход, формируя благоприятную среду для диалога между государством, обществом и профессиональным сообществом.

Таким образом, национальные ИИ-порталы не просто отражают амбиции государства в сфере ИИ, но и выступают в качестве инструментов влияния на международной арене. Они выполняют ключевые функции цифровой дипломатии: формируют поведение внешних акторов через механизмы вовлечения аудитории, устанавливают повестку дня за счет размещения приоритетного контента и институциональных связей, а также способствуют формированию предпочтений, транслируя национальные технологические стандарты, ценности и нормы.

Предложенная методика анализа с учетом ограничений может служить основой для регулярного мониторинга, сравнительных исследований и стратегического планирования в области цифровой дипломатии и ИИ-политики. Она универсальна, легко адаптируется к различным цифровым сферам и может быть интегрирована в образовательные и экспертные программы по цифровому управлению и международным отношениям.

Подводя итог, исследование вносит вклад в формирующееся направление изучения цифровых платформ как гибридных инструментов технологического и политического влияния, подчеркивая важность стратегического подхода к дизайну и

развитию национальных ИИ-порталов в условиях усиливающейся конкуренции в киберпространстве.

Таблица 6 / Table 6

Итоговые результаты анализа по критериям
(составлено авторами на основе проведенных расчетов, 29.01.2025)
Final Results of The Analysis by Criteria
(compiled by the authors based on the calculations performed, 29.01.2025)

Веб-сайт	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8	Итог
Великобритания	0,5	1	0,5	0,5	0,5	0,5	1	0,5	5
Израиль	0,5	1	0	0	0,5	0	0	0,5	2,5
Индия	0,5	0,5	1	1	0,5	1	1	1	6,5
Ирак	0,5	0,5	0	0	0,5	0	0	1	2,5
Италия	0,5	0,5	0	0,5	0,5	1	0	1	4
Казахстан	1	0,5	1	1	1	1	1	0,5	7
Корея	0	1	1	0,5	1	1	1	1	6,5
Малайзия	0,5	0,5	0,5	1	1	0,5	1	0,5	5,5
Нигерия	0,5	0	0	0	1	1	0	0,5	3
ОАЭ	0,5	0	0,5	1	0,5	1	1	0,5	5
Россия	0,5	0,5	0,5	1	0,5	1	1	1	6
Саудовская Аравия	0,5	0	1	1	1	1	1	1	6,5
Сербия	1	0,5	0	0	0	0,5	0	0,5	2,5
Сингапур	0,5	1	1	0,5	0,5	1	1	0,5	6
США	0,5	1	0,5	0,5	0,5	1	0	1	5
Япония	0,5	1	0,5	0,5	0,5	1	1	0	5

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Nye, J. Cyber Power. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. 2010. [эл. доступ]. URL: <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Soft power diplomacy // Diplo. International Non-Profit Organisation: [сайт]. URL: <https://www.diplomacy.edu/topics/soft-power-diplomacy/> (дата обращения: 22.07.2025).
3. Cimmino, J., Michta, A.A. Leveraging Generative Artificial Intelligence to Outcompete Strategic Rivals. 14.03.2024 // Atlantic Council of United States: [сайт]. URL: <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/leveraging-generative-artificial-intelligence-to-outcompete-strategic-rivals/> (дата обращения: 22.07.2025).
4. Nugraha, T. AI-Powered Diplomacy: The New Frontier of Soft Power for Emerging Economies. 20.06.2024 // Modern Diplomacy. [эл. доступ]. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2024/06/20/ai-powered-diplomacy-the-new-frontier-of-soft-power-for-emerging-economies/#:~:text=In%20an%20increasingly%20developing%20digital,role%20in%20shaping%20global%20influence> (дата обращения: 22.07.2025).
5. Venables, A., Shaikh, S., Shuttleworth, J. The Projection and Measurement of Cyberpower // Security Journal. 2017. Vol. 30. Iss. 3. P. 1000–1011. <https://doi.org/10.1057/sj.2015.35>.
6. Naaster, J. Assessing Cyber Power // 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 7–21. [эл. доступ]. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-01-Assessing-Cyber-Power.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
7. Ragnhild, E.S. Hard Power in Cyberspace: CNA as a Political Means // 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 23–36. [эл. доступ]. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-02-Hard-Power-in-Cyberspace-CNA-as-a-Political-Means.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).
8. Tabansky, L. Towards a Theory of Cyber Power: The Israeli Experience with Innovation and

Strategy // 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 51–63. [эл. доступ]. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-04-Towards-a-Theory-of-Cyber-Power-the-Israeli-Experience-with-Innovation-and-Strategy.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

9. Herrick, D. The Social Side of ‘Cyber Power’? Social Media and Cyber Operations // 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 99–111. [эл. доступ]. URL: <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-07-The-Social-Side-of-Cyber-Power.-Social-Media-and-Cyber-Operations.pdf> (дата обращения: 10.06.2025).

10. Болгов Р.В. Сообщества пользователей Интернет-проектов // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1 (28). С. 55–60. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-55-60>. EDN: PYVZFT.

11. Sevin, E. Digital Agenda-Setting // Handbook on Public Diplomacy. 2025. P. 417–433. <https://doi.org/10.4337/9781803926568.00045>.

12. Решетникова Л.М., Самохина И.М. Цифровая дипломатия и социальные сети: современные практики инноваций во внешней политике // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 2. С. 205–213. (На английском языке). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.17>. EDN: COYFYT.

REFERENCES

1. Nye, J. Cyber Power. Belfer Center for Science and International Affairs Harvard Kennedy School. 2010. Available at <https://www.belfercenter.org/publication/cyber-power> (assessed: 10.03.2025).

2. Soft power diplomacy. *Diplo. International Non-Profit Organisation*. Available at <https://www.diplomacy.edu/topics/soft-power-diplomacy/> (assessed: 22.07.2025).

3. Cimmino, J., Michta, A.A. Leveraging Generative Artificial Intelligence to Outcompete Strategic Rivals. 14.03.2024. *Atlantic Council of United States*. Available at <https://www.atlanticcouncil.org/in-depth-research-reports/issue-brief/leveraging-generative-artificial-intelligence-to-outcompete-strategic-rivals/> (assessed: 22.07.2025).

4. Nugraha, T. AI-Powered Diplomacy: The New Frontier of Soft Power for Emerging Economies. 20.06.2024. *Modern Diplomacy*. Available at <https://moderndiplomacy.eu/2024/06/20/ai-powered-diplomacy-the-new-frontier-of-soft-power-for-emerging-economies/#:~:text=In%20an%20increasingly%20developing%20digital,role%20in%20shaping%20global%20influence> (assessed: 22.07.2025).

5. Venables, A., Shaikh, S., Shuttleworth, J. The Projection and Measurement of Cyberpower. *Security Journal*. 2017. Vol. 30. Iss. 3. P. 1000–1011. <https://doi.org/10.1057/sj.2015.35>.

6. Haaster, J. Assessing Cyber Power. 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 7–21. Available at <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-01-Assessing-Cyber-Power.pdf> (assessed: 10.06.2025).

7. Ragnhild, E.S. Hard Power in Cyberspace: CNA as a Political Means. 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 23–36. Available at <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-02-Hard-Power-in-Cyberspace-CNA-as-a-Political-Means.pdf> (assessed: 10.06.2025).

8. Tabansky, L. Towards a Theory of Cyber Power: The Israeli Experience with Innovation and Strategy. 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 51–63. Available at <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-04-Towards-a-Theory-of-Cyber-Power-the-Israeli-Experience-with-Innovation-and-Strategy.pdf> (assessed: 10.06.2025).

9. Herrick, D. The Social Side of ‘Cyber Power’? Social Media and Cyber Operations. 2016 8th International Conference on Cyber Conflict. Tallinn, NATO CCD COE Publications, 2016. P. 99–111. Available at <https://ccdcoe.org/uploads/2018/10/Art-07-The-Social-Side-of-Cyber-Power.-Social-Media-and-Cyber-Operations.pdf> (assessed: 10.06.2025).

10. Bolgov, R.V. Internet Communities. *MGIMO Review of International Relations*. 2013. No. 1 (28). P. 55–60. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2013-1-28-55-60>. EDN: PYVZFT.

11. Sevin, E. Digital Agenda-Setting. *Handbook on Public Diplomacy*. 2025. P. 417–433. <https://doi.org/10.4337/9781803926568.00045>.

12. Reshetnikova, L.M., Samokhina, I.M. Digital Diplomacy and Social Media Networks:

Contemporary Practices of Innovation in Foreign Policy. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2023. Vol. 28. No. 2. P. 205–213. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.2.17>. EDN: COYFYT.

Сведения об авторах / Information about authors

Шубина Валерия Александровна – исследователь; АНО «Колаборатория».

E-mail: loreinlun7@gmail.com

ORCID: 0009-0008-8467-7444

Сытник Анна Николаевна – кандидат политических наук, доцент кафедры американских исследований Факультета международных отношений; Санкт-Петербургский государственный университет; Генеральный директор АНО «Колаборатория».

E-mail: anna@sytnik.me

ORCID: 0000-0002-6853-6253

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Shubina Valeria A. – Researcher; CEO ANO "Coordination Lab".

E-mail: loreinlun7@gmail.com

ORCID: 0009-0008-8467-7444

Sytnik Anna A. – Candidate in Political Science, Associate Professor, Department of American Studies, Faculty of International Relations, Saint Petersburg State University; general director of the CEO ANO "Coordination Lab".

E-mail: anna@sytnik.me

ORCID: 0000-0002-6853-6253

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025.

Одобрена после рецензирования 25.07.2025.

Принята 30.07.2025.

Received 23.07.2025.

Approved after reviewing 25.07.2025.

Accepted 30.07.2025.

научная статья / research article

УДК: 94+34.096

EDN: [ISCUHR](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.3.4](#)

Научная специальность ВАК:
5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Цифровизация судебной системы в КНР: между регионализацией и централизацией

Рысакова Полина Игоревна

Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург, Россия.
 p.rysakova@eu.spb.ru

Аннотация

Введение. Цифровизация судебной системы Китая представляет собой пример масштабной административной реформы, сочетающей централизованное целеполагание и активное стимулирование региональных инициатив. Актуальность темы обусловлена как стратегическим значением цифровых технологий для модернизации судебной системы, так и практическим вкладом Китая в мировую практику внедрения интеллектуальных цифровых решений в процессы судопроизводства. Исследование призвано наметить новую перспективу в изучении цифрового правосудия сквозь призму управленческих практик, характерных для Китая 2010-2020-х гг. Выбранный ракурс позволит обогатить понимание процессов выстраивания единой цифровой среды в условиях обществ с ярко выраженной региональной спецификой.

Методы и материалы. Исследование опирается на широкий спектр источников и современную синологическую литературу, посвященную как вопросам судебной цифровизации, так и концептуализации управленческих практик, характерных для современного китайского общества. При анализе материала был задействован сравнительно-исторический метод, позволивший отследить этапы судебной реформы в хронологической перспективе. При опоре на системный подход судебная цифровизация рассматривается во взаимосвязи с политическими процессами, подчиненными логике взаимоотношений между центральными и региональными органами власти.

Результаты. Установлено, что поддержка локальных проектов судебной цифровизации в Китае 2010-х гг. сыграла важную роль в стимулировании технологических инноваций. Однако практика локальных экспериментов породила целый ряд технологических и управленческих вызовов при попытке выстроить единую сквозную цифровую архитектуру в масштабах страны. Эффективность подобной модели реформирования для создания единой цифровой правовой инфраструктуры в масштабах всего государства может оказаться предметом для дискуссии.

Заключение. Судебная цифровизация в Китае отличается мозаичным характером. Подобная фрагментарность применяемых технологических решений во многом связана с укоренившимися практиками государственного управления. И в этом отношении опыт цифровизации судебной системы КНР может быть полезен при разработке национальных стратегий цифровизации правосудия.

Ключевые слова: цифровизация; судебная система; Китай; цифровые технологии; регионы

Для цитирования: Рысакова П.И. Цифровизация судебной системы в КНР: между регионализацией и централизацией // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 67–78. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.4.

© Рысакова П.И., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Digitalization of PRC's Judicial System: Between Regionalization and Centralization

Polina I. Rysakova

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russia
 p.rysakova@eu.spb.ru

Abstract

Introduction. The digitalization of China's judicial system exemplifies a large-scale administrative reform that combines centralized goal-setting with active encouragement of regional initiatives. The topic's relevance stems both from the strategic importance of digital technologies for modernizing the judicial system and from China's practical contribution to global best practices in implementing intelligent digital solutions in judicial processes. This aims of research to outline a new perspective in the study of digital justice through the lens of governmental practices characteristic of China in the 2010s and 2020s. The chosen perspective will enrich the understanding of the processes of building a unified digital environment in the context of societies with strong regional specificity.

Methods and Materials. This article draws on a broad range of sources and contemporary sinological literature dedicated to both judicial digitalization and the conceptualization of managerial practices characteristic of modern Chinese society. The comparative-historical method was employed in the analysis of the material, allowing for the tracing of stages of judicial reform in chronological perspective. Relying on a systems approach, judicial digitalization is considered in relation to political processes governed by the logic of the relationship between central and regional authorities.

Results. The study found that supporting local judicial digitalization projects has played an important role in stimulating technological innovation in China, 2020th. However, the practice of local experiments has generated a number of technological and managerial challenges when attempting to build a unified, end-to-end digital architecture nationwide. The effectiveness of such a reform model for creating a unified digital legal infrastructure across the entire state may be a subject for debate.

Conclusion. Judicial digitalization in China is characterized by a mosaic nature. This fragmented application of technological solutions is largely due to deeply rooted practices of state governance. In this regard, the experience of digitalization of the judicial system in the PRC may be useful in the development of national strategies for the digitalization of justice.

Keywords: digitalization; judicial system; China; digital technologies; regions

For citation: Rysakova, P.I. Digitalization of PRC's Judicial System: Between Regionalization and Centralization. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 67–78. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.4.

© Rysakova, P.I., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Современный Китай – один из мировых лидеров в сфере цифровизации и внедрения современных цифровых технологий в экономические и социально-

политические процессы жизни общества. Опора на новые технологии уже давно выступает значимой составляющей проекта модернизации китайской экономики. В 2010-х гг. были запущены такие инициативы, как “Интернет +”, “Сетевой Китай”, “Цифровой Китай”, которые предполагали внедрение информационно-коммуникационных технологий в разные отрасли традиционной экономики для создания новых возможностей развития и роста.

Однако процессы цифровизации постепенно получили новое осмысление не только с точки зрения технологических инноваций и экономической конкуренции. На передний план вышли задачи государственного управления: повышение доступности государственных услуг для граждан, упрочение государственного контроля. Как раз в этом контексте была инициирована реформа судебной системы, нацеленная в том числе на внедрение современных цифровых технологий в судебное делопроизводство.

Масштабный проект цифровизации китайской судебной системы стартовал в середине 2010-х г. Спустя десятилетие цифровая судебная среда имеет сложно выстроенную архитектуру, включающую как общедоступные сервисы – платформы для оказания судебных услуг и раскрытия судебной информации¹, так и внутренние системы электронного делопроизводства и поддержки принятия судебных решений.

Обращение к китайскому опыту судебной цифровизации позволяет наглядно оценить эффективность использования интернет-технологий и ИИ в практике реального судопроизводства: применение ИИ при рассмотрении уголовных дел, асинхронные судебные слушания, эффективность систем поддержки принятия решений при рассмотрении сложных дел.

Однако китайский пример интересен еще в управленческом аспекте. Сложившаяся к середине 2020-х гг. цифровая судебная система КНР предстает как результат реформаторских усилий центральных и региональных властей. В то время как общенациональные сервисные платформы разрабатывались под эгидой Верховного народного суда, внутренние системы поддержки судопроизводства создавались по инициативе местных народных судов при активном содействии поддержке региональных правительств. Среди наиболее известных примеров – интеллектуальная вспомогательная система обработки уголовных дел г. Шанхая (проект 206) (Intelligent Auxiliary System of Criminal Case Handling, 上海刑事案件智能辅助办案系统), система “Судья Жуй”, (睿法官系统, Smart Judge System) Высшего суда Пекина, программа “Умного судебного разбирательства финансовых споров Феникс” (Phoenix Financial Smart Trial, 凤凰金融智审), разработанная по инициативе Высшего суда провинции Чжэцзян.

Сегодня китайское политическое руководство выдвигает стратегическую задачу выстраивания единой сквозной цифровой системы «Судебная сеть» (法院一张网), связывающей воедино суды всех уровней через глубокую управленческую

¹ Речь идет о сервисной платформе для оказания судебных услуг Верховного народного суда (最高人民法院诉讼服务网) и так называемых “четырёх основных платформах судебной открытости” (四大公开平台): Сеть судебных документов КНР (中国裁判文书网 / China Judgements Online), Сеть открытых судебных слушаний КНР (中国庭审公开网 / China Court Trial Online), Сеть по раскрытию информации исполнительного производства КНР (中国执行信息公开网 / China Enforcement Information Online), Сеть по раскрытию информации о судебном процессе в КНР (中国审判流程信息公开网 / China Judicial Process Information Online).

интеграцию процессов судопроизводства и межведомственного взаимодействия [1, p. 18]. Замысел такого проекта отвечает политическим целям внедрения новой модели социального управления. Однако его реализация в условиях активной разработки региональных инициатив в области цифровизации судов ставит перед китайским правительством непростую управленческую задачу.

Степень изученности проблемы

Проблемы цифровизации китайской судебной системы активно изучаются в последние годы как в самом Китае, так и за его пределами.

В настоящее время китайские исследователи фокусируют внимание на оценке реальной эффективности цифровых решений, внедрение которых вынуждено активизировалось в период пандемии 2020–2022 гг. Как отмечают китайские правоведы, цифровизацию судебной системы отличает значительная региональная вариативность. По количеству предложенных технических решений и степени их внедрения в судебную практику ожидаемо лидируют экономически развитые регионы восточного Китая [2].

Особый акцент делается на концептуализации особенностей китайского опыта судебной цифровизации. Так, Гао Вэй указывает, что среди специфических черт китайской модели можно назвать гибкое сочетание онлайн и оффлайн форматов судопроизводства даже в рамках рассмотрения одного иска, что значительно повышает доступность и удобство судебных услуг для граждан [3].

Западные исследователи анализируют процессы судебной цифровизации в более широком контексте актуальных социально-политических и идеологических процессов, разворачивающихся в современном Китае. С. Папаяннеас, один из ведущих мировых специалистов по китайской судебной цифровизации, демонстрирует, что внедряемые цифровые инициативы, например, «умные суды», в большей степени способствуют закреплению партийно-государственного подхода к управлению судами и судопроизводству, нежели повышению независимости и эффективности судебной системы [4]. Р. Стерн отмечает специфику продвижения принципа открытости и прозрачности судебной системы в политических условиях современного Китая – усиления партийного контроля и цензуры [5].

Российские ученые лишь приступают к более прицельному изучению сложных и многомерных процессов судебной цифровизации в Китае. основополагающими тут выступают работы В.В. Трощинского, А.С. Конопий, Е.В. Драгилева, Л.Л. Драгилевой. Наибольшее внимание привлекают практика интернет судов и нормативно-правовая база для применения цифрового правосудия [6; 7; 8].

Меж тем изучение цифрового правосудия в контексте социально-политических изменений в современном китайском обществе может оказаться весьма плодотворным. И здесь мы имеем в виду прежде всего наблюдаемую рекомбинацию системы управления с опорой на активное внедрение цифровых технологий. Такая перспектива анализа технологической модернизации позволит не только обогатить наше знание о политическом устройстве восточного соседа, но и извлечь практический опыт цифровизации в условиях сложного социально-экономически неоднородного общества.

Предлагаемое исследование имеет целью обозначить новую перспективу в анализе цифровизации китайской судебной системы сквозь призму управленческого опыта КНР, основанного на своеобразном сочетании централизованного планирования и региональной инициативы. Особый интерес представляет вопрос, насколько подобная модель реформирования может послужить созданию единой цифровой правовой инфраструктуры на уровне всего государства.

Обращение к данной проблеме предполагает разработку двух основных вопросов: особенностей процесса судебной цифровизации в Китае на настоящем этапе и специфике модели реформ, реализуемых на центральном и местном уровнях.

Обозначенная выше перспектива анализа обладает значительной прикладной ценностью для стран со схожими характеристиками. Особенно актуальна она для России как федеративного государства, в котором успешная цифровизация правосудия может требовать тонкого баланса между общенациональной нормативной рамкой и региональной спецификой.

Методы и материалы

Исследование опирается на значительный спектр источников (отчеты и доклады Верховного народного суда КНР) и современную синологическую литературу, посвященную как вопросам судебной цифровизации, так и концептуализации управленческих практик, характерных для современного китайского общества. При анализе материала был задействован сравнительно-исторический метод, позволивший отследить этапы судебной реформы в хронологической перспективе. При опоре на системный подход судебная цифровизация рассматривается во взаимосвязи с политическими процессами, подчиненными логике взаимоотношений между центральными и региональными органами власти.

Результаты

Специфика судебной цифровизации в КНР: этапы и задачи

Цифровизация судопроизводства в Китае активно развивается на фоне двух масштабных процессов: реформы судебной системы и проектов развития цифровой экономики и внедрения цифровых технологий. Нынешний этап судебной реформы стартовал в 2012–2014 гг. в рамках политической программы “правления государством на основе закона”, сформулированной еще в 1990-е гг. и активно продвигаемой после прихода к власти Си Цзиньпина в 2012 г. [9].

Судебная реформа включала обширный комплекс мер, нацеленных на укрепление независимости судов, повышение прозрачности и открытости их деятельности, профилактику коррупции, расширение доступа к правосудию. Достижение этих целей обеспечивалось в том числе внедрением цифровых технологий в судопроизводство, как например, продвижение электронных платежей, проведение судебных заседаний в формате видеоконференций, внедрение инструментов интеллектуального распознавание речи во время слушаний для автоматического составления стенограмм заседаний и др. [10, p. 80–82].

В конце 2010-х гг. активное применение цифровых технологий – технологий ИИ, больших данных и облачных вычислений – развивалось в двух направлениях: автоматизация судебных процессов на базе традиционных судов и укрепление

принципиально нового сектора интернет-судов. Концепция “умного суда” (智慧法院), принятая в 2016 г., как раз предполагала разработку новых технических решений для упрощения деятельности традиционных судов и снижения рабочей нагрузки судей. Их применение обеспечивало решение пяти функциональных задач: “умное” судебное разбирательство (智审), “умное” исполнение (智执), “умные” услуги для пользователей (智服), “умное” регулирование судов (智管) и обеспечение открытости судебной информации [11].

В рамках развития нового сектора онлайн-судопроизводства в 2017–2018 гг. открылись три интернет-суда в г. Ханчжоу, Пекин и Гуанчжоу. Китайские исследователи рассматривают интернет-суды как принципиально новый режим судебного разбирательства, который полностью реализуется исключительно на базе интернет-технологий, с фокусом на рассмотрение дел, “связанных с интернетом” [6].

В 2020-х гг. в государственных стратегиях судебной цифровизации акцент делается на углублении реформы “умных судов” и развитии “всеохватного цифрового суда” (全域数字法院) [6, p. 84]. “Всеохватный цифровой суд” предполагает применение цифровых решений, прежде всего основанных на применении ИИ, на всех этапах судопроизводства. Однако его ключевая характеристика – плотная интеграция судебных баз данных и управленческих систем не только с другими правоохранительными структурами для сквозного делопроизводства, но также с органами исполнительной власти и коммерческими платформами [12].

Пилотный проект “цифрового суда” реализуется в настоящее время на базе Высшего суда Шанхая. Его архитектура состоит из следующих компонентов: платформа судебных данных (司法大数据平台), система синхронной генерации электронных документов (电子卷宗同步生成), система судебного разбирательства в онлайн-режиме (全流程网上办案体系), интеллектуальная вспомогательная система обработки уголовных дел Шанхая (“проект 206”) (上海刑事案件智能辅助办案系统), сервисная платформа для участников судебного процесса “12368” (12368 诉讼服务平台). Базы данных цифрового суда интегрированы с базами других ведомств через единый центр обработки больших данных, который собирает социально-экономические сведения по 140 категориям [13, p. 17].

Пилотный проект “цифрового суда” демонстрирует, что на современном этапе цифровизация судебной системы рассматривается уже не просто как оптимизация судебных процессов. Она играет ключевую роль в модернизации всей системы управления, в которой судебная система выступает одним из значимых элементов.

Применение цифровых технологий в практиках социального управления активно обсуждается в рамках развернувшейся в китайском академическом и общественном дискурсе дискуссии об “умном управлении” (智慧治理). «Умное управление» расценивается как стратегия модернизации всей системы управления, целью которой выступает обеспечение социальной стабильности. По мнению китайских идеологов, цифровые технологии – алгоритмы, большие данные и ИИ – призваны обеспечить новой модели управления эффективность и научную обоснованность. Они позволяют выстроить систему обратной связи между обществом и государством, которое сможет в режиме реального времени мониторить большие данные о социальных процессах и на их основе принимать управленческие решения [14].

В рамках этой модели судебные учреждения активно интегрируются с другими государственными и коммерческими структурами, подключаются к межведомственным базам данных, используют ИИ для автоматизированного анализа дел, а также принимают участие в выработке политики регулирования. Таким образом, суд перестает быть лишь механизмом разрешения споров и превращается в активный элемент интеллектуального управления обществом. На основе анализа больших данных он способен выявлять потенциальные риски, предупреждать правонарушения и подключаться к формированию государственной политики [14].

Реализация столь амбициозной управленческой цели ставит перед китайским руководством ряд вызовов, обусловленных прежде всего спецификой укоренившихся практик управления и внедрения новаций. И здесь мы имеем в виду характерную для Китая модель взаимоотношений между центром и регионами, для которой свойственна определенная самостоятельность регионов в реализации поставленных центром стратегических задач.

*Судебная цифровизация в контексте управленческих отношений
между центром и регионами*

В мировой синологии уже накоплен значительный опыт в исследовании и концептуализации китайской управленческой модели и отношений между центром и регионами. Наибольшую известность и популярность завоевала концепция “фрагментированного авторитаризма”, выдвинутая еще в 1990-е гг. и неоднократно подвергавшаяся уточнению в 2000-е и 2010-е гг., в стремлении ухватить новые тенденции в китайской управленческой практике. Принятие и реализация управленческих решений предстает как результат затяжных переговоров между различными государственными ведомствами и негосударственными акторами, наделенных пересекающимися компетенциями и собственными интересами. В такой модели управленческого процесса важную роль играли региональные власти, которые могли содействовать или, напротив, тормозить воплощение распоряжений, поступавших из центра. Они также могли выступить инициаторами нововведений, применение которых могло быть расширено в масштабах страны [15].

Изменившиеся политические реалии после прихода к власти Си Цзиньпина затронули и сферу государственного управления прежде всего за счет усиления партийного руководства, укрепления централизации и вертикальной иерархии при разработке и исполнении решений. Начиная с 2012–2013 гг., в Китае постепенно укреплялась модель “проектирования на высшем уровне” (顶级设计), согласно которой иницируемые реформы разрабатываются на уровне центрального руководства, а их реализация на местах проводится согласно четким дорожным картам в рамках межуровневой координации. Такая новация последних десятилетий побудила исследователей пересмотреть концепцию “фрагментированного авторитаризма”, подчеркивающую значительную самостоятельность и инициативность местных властей, в пользу идеи “гибкого авторитаризма”, фиксирующей специфику модели “проектирования на высшем уровне”.

Отношения между центром и регионами на нынешнем этапе можно представить как систему с подвижным балансом между централизованным контролем и

делегированной регионам свободой действий. Поступающие из центра стратегические решения намеренно облачаются в нечеткие формулировки, что оставляет регионам пространство для адаптации этих решений к специфическим местным условиям. Однако региональные новации не могут выходить за рамки поставленных сверху целей реформ [16; 17].

Изучение процесса цифровизации китайской судебной системы наглядно свидетельствует, что она также разворачивается в логике “проектирования на высшем уровне” и конкретных решений на местном уровне. Так, после провозглашения инициативы строительства “умных судов” в 2016 г. суды местного уровня выдвинули целый ряд локальных технологических решений, нацеленных на поддержку электронного судопроизводства.

Выше мы уже упомянули наиболее известные из них: проект 206, разработанный Высшим судом г. Шанхай, система “Судья Жуй”, применяемой в судах г. Пекин. Однако, по подсчетам исследователей, сегодня в китайских судах по всей стране применяется более 100 различных цифровых судебных моделей. Так, в судах провинции Гуандун используются 52 информационные системы, 29 из которых были созданы усилиями местных судов. Суды провинции Сычуань применяют 52 информационные системы, 27 из которых – локальные, в судах провинции Шэньси – из 18 информационных систем 9 – местные [2]. Иными словами, большинство региональных судов применяет собственные разработки, а их внедрение в более широких масштабах довольно ограниченное.

Поддержка локальных инициатив в развитии “умных судов”, характерная для периода 2010-х гг. сменилась на нынешнем этапе в 2020-е гг. тенденцией на регулирование и унификацию в рамках единой цифровой среды, объединяющей все суды всех уровней. Однако реализация этой новой политической цели неизбежно наталкивается на значительные технические и организационные сложности, порожденные прежней поддержкой локальных проектов.

Так, китайские исследователи указывают, что существенную проблему составляет дезинтегрированность и несвязность применяемых в различных регионах технологических решений. Как базы данных, так и действующие на их основе интеллектуальные системы, используемые в местной судебной практике, ограничены юрисдикцией отдельных провинций. В местных судах применяются локальные системы, которые не могут быть объединены с системами, разработанными высшими судами провинций или общенациональными системами, продвигаемыми Верховным народным судом [14].

Цифровизация охватывает судебную систему разных провинций также весьма неравномерно. Наибольшее разнообразие цифровых проектов характерно для более развитых восточных провинций, которые лидируют по уровню ВВП и степени экономической активности. Оживленная экономика порождает и большую потребность в судебных разбирательствах, а значительные экономические ресурсы позволяют инвестировать в разработку новых ИИ-проектов в судебной сфере для облегчения судебной нагрузки. В них реализуется около 60 цифровых программ, что составляет 60% от общего числа “интеллектуальных” судебных проектов по всей

стране. В западном регионе насчитывается – 23 проекта (23%), в центральном регионе – 13 проектов (13%), и в приграничном с Россией Северо-Востоке – 4 проекта (4%) [2].

Помимо технических ограничений, целый ряд проблем связан с актуальными управленческими практиками и вопросами финансирования. По мнению китайских экспертов, проблемы в построении общенациональной судебной платформы обусловлены также и межведомственной разобщенностью, слабой мотивацией различных органов власти к обмену данными. Отсутствие действенных институциональных стимулов для межведомственного взаимодействия препятствуют реализации общенациональных проектов [14].

Помимо межведомственной разобщенности, сложности вызывает поиск источников финансирования масштабного общенационального проекта. Выстраивание единой национальной судебной цифровой платформы не только ставит под вопрос эффективность и рациональность уже сделанных вложений в разработку локальных проектов, но и потребует новых значительных ресурсов, что может оказаться серьезным финансовым бременем особенно для слаборазвитых регионов Китая в западной и северной части страны.

Заключение

Применяемая в Китае модель цифровой трансформации судебной системы, сочетающая централизованное проектирование с институционализированным поощрением локальных экспериментов, продемонстрировала высокую эффективность в стимулировании технологических инноваций. Механизм конкуренции между судами разных уровней и регионов за статус «пилотной площадки» или «лидера цифровизации» стал важным драйвером разработки и внедрения интеллектуальных систем, платформ электронного делопроизводства, а также новых форм взаимодействия с гражданами. Благодаря этому подходу китайская судебная система смогла за относительно короткий срок перейти от точечных инициатив к массовому внедрению цифровых технологий, что способствовало росту управленческого и технологического потенциала на местах.

Однако такая практика локальных экспериментов порождает определенные системные вызовы при попытке унификации цифровых решений в общенациональном масштабе. Различия в архитектуре, технических стандартах и логике функционирования региональных платформ нередко затрудняют интеграцию данных, сопряжение цифровых интерфейсов и выстраивание единой цифровой судебной экосистемы. В результате необходимость балансировать между гибкостью локальных инициатив и целостностью централизованного управления становится ключевым вызовом для следующих этапов цифровизации судебной системы в Китае.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тянь Хэ 田禾 (гл. ред.), Люй Яньбинь 吕艳滨 (отв. ред.). Чжунго фаюань синьсихуа фачжань баогао 中国法院信息化发展报告 [Доклад о развитии информатизации судов Китая]. Пекин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ, 2024. № 8. 414 с.
2. Ху Чанмин 胡昌明. Чжунго чжихуй сыфа дэ шицзын янтай юй цзюэсэ цидай 中国智慧司法的实践样态与角色期待 [Практические формы и ожидаемые роли интеллектуального правосудия в Китае] // Шаньдун фагуань пэйсюнь сюэюань сюэбао 山东法官培训学院学报

[Вестник Шаньдунского института подготовки судей]. 2024. № 6. С. 1–17.

3. Wei Gao, Lu Xu. Online Courts in China: A New Hybrid Model for Access to Justice // *The China Review*. 2025. Vol. 25. No. 1. С. 75–106.
4. Papagiannas, S. Smart Courts, Smart Justice? Automation and Digitisation of Courts in China. Doctoral Thesis. Leiden University. Scholarly Publications. 2024. [эл. доступ]. URL: <https://hdl.handle.net/1887/4039574> (дата обращения: 20.05.2025).
5. Stern, R.E., Liebman, B.L., Roberts, M., Wang, A.Z. Automating Fairness? Artificial Intelligence in the Chinese Courts // *The Columbia Journal of Transnational Law*. 2021. Vol. 59. P. 515–553. [эл. доступ]. URL: https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2940/ (дата обращения: 22.05.2025).
6. Трощинский П.В. Судебная система КНР в эпоху цифровизации: основные направления развития // *Российское правосудие*. 2021. № 6. С. 75–82. <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2021.6.75-82>. EDN: WNSTXD.
7. Конопий А.С. Цифровая трансформация государства и права Китая // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2021. №3. С. 72–77. <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-72-77>. EDN: MLCPPV.
8. Драгилев Е.В., Драгилева Л.Л., Дровалева Л.С., Паламарчук С.А. Информатизация судебной системы Китая // *Юридическая наука*. 2022. № 8. С. 54–59. EDN: FVJZNI.
9. Сонин В.В. Правление государством на основе закона: истоки, содержание и перспективы китайского варианта правового государства // *Lex Russica*. 2016. № 9 (118), С. 99–113. EDN: XQWVLV.
10. Hu Changming. Judicial Reform: Safeguarding Fairness and Justice // *The Chinese Path of Rule of Law Construction*. Tian He, Lü Yanbin. (eds). Springer. 2021. P. 47–89. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4130-5_3.
11. Чжу Хаочуань 朱浩川, Ли Юаньго 李元国. Жэньгун чжинэн жухэ цзежу сыфа цайпань — цун бэньти чуфа дао гуйфань цзянгоу 人工智能如何介入司法裁判——从本体出发到规范建构 [Как искусственный интеллект может вмешиваться в судебные решения: от онтологии к нормативной конструкции] // Синсин цюаньли 新兴权利 [Новые права]. 2024. Т. 1. С. 96–109.
12. Лю Ли 刘力, Лю Чжи 刘志毅. Жэньгун чжинэн шидай шуцзы фаюань дэ цзянгоу — и шуцзю, шуцжи, шуцжи санчжун вэйду вэй цзиньлу 人工智能时代数字法院的建构——以数据、数治、数智三重维度为进路 [Построение цифрового суда в эпоху искусственного интеллекта: через призму данных, цифрового управления и цифрового интеллекта] // Шуцзи фачжи 数字法治 [Цифровое правосудие]. 2024. № 5. С. 150–167.
13. Цзя Юй 贾宇. Шуцзи фаюань цзянше луцзин яньцзю 数字法院建设路径研究 [Исследование пути построения цифрового суда] // Шуцзи фачжи 数字法治 [Цифровое правосудие]. 2024. № 3. С. 14–25 [эл. доступ]. URL: <https://www.courtbook.com.cn/court-web/document/18> (дата обращения: 29.05.2025).
14. Papagiannas, S. Smart Governance in China's Political-Legal System // *China Law and Society Review*. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 146–180. <https://doi.org/10.1163/25427466-06020002>.
15. Ahlers, A.L., Schubert, G. Nothing New Under ‘Top-Level Design’? A Review of the Conceptual Literature on Local Policy-Making in China // *Issues & Studies*. 2022. Vol. 58. No. 1. P. 1–34. <https://doi.org/10.1142/S101325112150017X>.
16. Taylor, M., Garlick, J. ‘Flexible’ Versus ‘Fragmented’ Authoritarianism: Evidence from Chinese Foreign Policy During the Xi Jinping Era // *Australian Journal of International Affairs*. 2025. Vol. 79. Iss. 2. P. 189–208. <https://doi.org/10.1080/10357718.2024.2437035>.
17. Yang Xuedong, Yan Jian. Top-Level Design, Reform Pressures, and Local Adaptations: an Interpretation of the Trajectory of Reform Since the 18th CPC Party Congress // *Journal of Chinese Governance*. 2018. Vol. 3. Iss. 1. P. 25–48. <https://doi.org/10.1080/23812346.2018.1428075>.
18. Цзуйгао жэньминь фаюань цзысюнь вэйюаньхуэй (хой) дицзю дяоянь цзу 最高人民法院咨询委员会第九调研组 [Исследовательская группа № 9 Консультационного комитета Верховного народного суда]. Гуаньюй шуцзи фаюань цзянше дэ яньцзю баогао 关于数字法院建设的调研报告 [Доклад об исследовании по построению цифрового суда] // Шуцзи фачжи 数字法治 [Цифровое правосудие]. 2024. № 5. С. 1–8.

REFERENCES

1. Tian He 田禾 (Ed.), Lü Yanbin 吕艳滨 (Exec. Ed.). Zhongguo fayuan xinxihua fazhan baogao 中国法院信息化发展报告 [Report on the Development of Court Informatization in China]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, 2024. No. 8. 414 p. (In Chinese).
2. Hu Changming 胡昌明. Zhongguo zhihui sifa de shijian yangtai yu jueise qidai 中国智慧司法的实践样态与角色期待 [Practical Forms and Role Expectations of China's Smart Justice]. *Shandong faguan peixun xueyuan xuebao 山东法官培训学院学报 [Journal of Shandong Judges Training College]*. 2024. No. 6. P. 1–17. (In Chinese).
3. Wei Gao, Lu Xu. Online Courts in China: A New Hybrid Model for Access to Justice. *The China Review*. 2025. Vol. 25. No. 1. P. 75–106.
4. Papagiannas, S. Smart Courts, Smart Justice? Automation and Digitisation of Courts in China. Doctoral Thesis. Leiden University. Scholarly Publications. 2024. Available at <https://hdl.handle.net/1887/4039574> (accessed: 20.05.2025).
5. Stern, R.E., Liebman, B.L., Roberts, M., Wang, A.Z. Automating Fairness? Artificial Intelligence in the Chinese Courts. *The Columbia Journal of Transnational Law*. 2021. Vol. 59. P. 515–553. Available at https://scholarship.law.columbia.edu/faculty_scholarship/2940/ (accessed: 22.05.2025).
6. Troshchinskiy, P.V. The Court System of China in the Digital Age: Main Developmet Ditections. *Russian Justice*. 2021. No. 6. P. 75–82. (In Russian). <https://doi.org/10.37399/issn2072-909X.2021.6.75-82>. EDN: WNSTXD.
7. Konopii, A.S. Digital Transformation of the State and the Rights of China. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2021. No. 3. P. 72–77. (In Russian). <https://doi.org/10.22394/2074-7306-2021-1-3-72-77>. EDN: MLCPPV.
8. Dragilev, E.V., Dragileva, L.L., Drovaleva, L.S., Palamarchuk, S.A. Informatization of the Judicial System of China. *Yuridicheskaya nauka [Legal Science]*. 2022. No. 8. P. 54–59. (In Russian). EDN: FVJZNI.
9. Sonin, V.V. State Governance on the Basis of the Law: the Origins, Content and Perspectives of the Chinese Model of the Rule-of-Law State. *Lex Russica*. 2016. No. 9 (118), P. 99–113. (In Russian). EDN: XQWVLV.
10. Hu Changming. *Judicial Reform: Safeguarding Fairness and Justice*. The Chinese Path of Rule of Law Construction. Tian He, Lü Yanbin. (eds). Springer. 2021. P. 47–89. https://doi.org/10.1007/978-981-16-4130-5_3.
11. Zhu Haochuan 朱浩川, Li Yuanguo 李元国. Rengong zhineng ruhe jieru sifa caipan – cong benti chufa dao guifan jiangou 人工智能如何介入司法裁判——从本体出发到规范建构 [How Artificial Intelligence Intervenes in Judicial Decisions: From Ontology to Normative Construction]. *Xinxing quanli 新兴权利 [Emerging Rights]*. 2024. Vol. 1. P. 96–109. (In Chinese).
12. Liu Li 刘力, Liu Zhiyi 刘志毅. Rengong zhineng shidai shuzi fayuan de jiangou – yi shuju, shuzhi, shuzhi san chong weidu wei jinlu 人工智能时代数字法院的建构——以数据、数治、数智三重维度为进路 [Construction of Digital Courts in the Era of Artificial Intelligence: Taking Data, Digital Governance, and Digital Intelligence as the Three-Dimensional Approach]. *Shuzi fazhi 数字法治 [Digital Rule of Law]*. 2024. No. 5. P. 150–167. (In Chinese).
13. Jia Yu 贾宇. Shuzi fayuan jianshe lujing yanjiu 数字法院建设路径研究 [Research on the Construction Path of Digital Courts]. *Shuzi fazhi 数字法治 [Digital Rule of Law]*. 2024. No. 3. P. 14–25. Available at <https://www.courtbook.com.cn/court-web/document/18> (accessed: 29.05.2025). (In Chinese).
14. Papagiannas, S. Smart Governance in China's Political-Legal System. *China Law and Society Review*. 2023. Vol. 6. No. 2. P. 146–180. <https://doi.org/10.1163/25427466-06020002>.
15. Ahlers, A.L., Schubert, G. Nothing New Under ‘Top-Level Design’? A Review of the Conceptual Literature on Local Policy-Making in China. *Issues & Studies*. 2022. Vol. 58. No. 1. P. 1–34. <https://doi.org/10.1142/S101325112150017X>.
16. Taylor, M., Garlick, J. ‘Flexible’ Versus ‘Fragmented’ Authoritarianism: Evidence from Chinese Foreign Policy During the Xi Jinping Era. *Australian Journal of International Affairs*. 2025. Vol. 79. Iss. 2. P. 189–208. <https://doi.org/10.1080/10357718.2024.2437035>.
17. Yang Xuedong, Yan Jian. Top-Level Design, Reform Pressures, and Local Adaptations: an

Interpretation of the Trajectory of Reform Since the 18th CPC Party Congress. *Journal of Chinese Governance*. 2018. Vol. 3. Iss. 1. P. 25–48. <https://doi.org/10.1080/23812346.2018.1428075>.

18. Zuigao renmin fayuan zixun weiyuanhui di jiu diaoyan zu 最高人民法院咨询委员会第九调研组 [Research Group No. 9 of the Advisory Committee of the Supreme People's Court]. Guanyu shuzi fayuan jianshe de diaocha baogao 关于数字法院建设的调研报告 [Report on the Construction of Digital Courts]. *Shuzi fazhi* 数字法治 [*Digital Rule of Law*]. 2024. No. 5. P. 1–8. (In Chinese).

Сведения об авторах / Information about authors

Рысакова Полина Игоревна – кандидат социологических наук, исследователь Центра исследований Евразии; Европейский университет в Санкт-Петербурге.

E-mail: p.rysakova@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-4774-7238

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Rysakova Polina I. – Candidate of Sciences in Sociology, Researcher of the Centre for Eurasian Studies; European University in Saint Petersburg.

E-mail: p.rysakova@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-4774-7238

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 23.07.2025.

Одобрена после рецензирования 25.07.2025.

Принята 25.07.2025.

Received 23.07.2025.

Approved after reviewing 25.07.2025.

Accepted 25.07.2025.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ INTERNATIONAL RELATIONS

научная статья / research article

УДК: 327+81'42

EDN: [JEMZUB](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.3.5](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в центральноазиатском регионе

Дзюба Елена Вячеславовна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 dzyuba_ev@spbstu.ru

Ван Хуэй

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
van4.h@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. Исследование направлено на определение значения сотрудничества России и Китая в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) для обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе. Подчеркивается, что за 25 лет существования организация накопила значительный позитивный опыт в обеспечении безопасности, но также столкнулась с рядом проблем, которые нуждаются в своем разрешении. Цель исследования – на основе систематизации имеющихся данных (нормативных, научных, фактических) о сотрудничестве России и Китая в рамках ШОС выявить проблемные зоны в сфере обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе.

Материал и методы. Материалом для исследования являются официальные документы, принятые РФ, КНР, ШОС, ОДКБ и нацеленные на обеспечение безопасности в регионе, на борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также наркобизнесом, который является основным источником финансирования террористических организаций. К изучению вопроса также привлекались фактические данные (сведения о совместных учениях и конкретных операциях по предотвращению террористической деятельности) и научно-исследовательские статьи по заявленной проблематике. Помимо общенаучных приемов анализа, синтеза и обобщения нормативных, фактических и научных данных, чему способствует предпринятый системный подход, в работе использовался метод историко-хронологического анализа, а также проблемный и прогностический методы.

Результаты. Систематизирован научно-исследовательский, нормативный и фактический материал о сотрудничестве России и Китая в рамках ШОС для обеспечения

безопасности в странах Центральной Азии; рассмотрены вызовы и угрозы, способствующие дестабилизации центральноазиатского региона (терроризм, экстремизм, наркотрафик); определены особенности данного региона, повлиявшие на распространение терроризма, религиозного экстремизма и наркоторговли в Центральной Азии; проведен анализ внешнеполитического курса России и Китая в Центральной Азии; выявлены причины интереса России и Китая к региону и отмечены возможные перспективы развития ШОС в обеспечении безопасности в странах Центральной Азии.

Обсуждение. Подчеркивается, что активное сотрудничество России и Китая в рамках ШОС обусловлено рядом стратегических причин, которые отражают общие для обеих стран интересы. Отмечается, что борьба с «тремя силами зла» (терроризм, сепаратизм, экстремизм) изначально является для ШОС главной целью, которая закреплена не только в учредительных документах, но которая постоянно подтверждается и развивается в широком спектре правовых и политических документов организации. Прослеживаются достижения ШОС и предпринимаемые меры в области обеспечения безопасности в странах Центральной Азии. Отмечаются преимущества ШОС перед Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в отношении влияния крупнейших игроков, прежде всего – Российской Федерации и Китайской Народной Республики, на сохранение политической стабильности в регионе, уязвимом с точки зрения распространения «трех сил зла». Выявляются основные вызовы, с которыми сталкиваются Россия и Китай в обеспечении безопасности в центральноазиатском регионе (асимметрия развития входящих в ШОС государств, «многовекторность» политики центральноазиатских государств и сохраняющееся соперничество между ними, складывающаяся в последние годы конкуренция между Россией и Китаем в сфере влияния на страны Центральной Азии, «недостаточная гибкость ШОС» в принятии оперативных решений), предлагаются возможные решения указанных проблем.

Заключение. Отмечено, что взаимодействие России и Китая является ключевым фактором для сохранения безопасности в странах Центральной Азии: векторы сотрудничества и соперничества двух держав могут не только повлиять на пути их развития, но также изменить обстановку в регионе и мире, поскольку усиление влияния России и Китая в регионе позволит исключить иных игроков, чей интерес к Центральной Азии стремительно растет.

Ключевые слова: Россия; Китай; Шанхайская организация сотрудничества; Центральная Азия; безопасность; сотрудничество в сфере безопасности

Финансирование: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект «Стратегии продвижения национальных интересов России через трансформирующиеся институты многосторонней дипломатии: лингвополитологический аспект» № 25-28-01062, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

Для цитирования: Дзюба Е.В., Ван Хуэй. Взаимодействие России и Китая в ШОС: обеспечение безопасности в центральноазиатском регион // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 79–98. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.5.

© Дзюба Е.В., Ван Хуэй, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Interaction between Russia and China in the SCO: Ensuring Security in Central Asian Countries

Elena V. Dziuba

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 dzyuba_ev@spbstu.ru

Hui Wang
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
van4.h@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. The study aims to identify the significance of cooperation between Russia and China within the Shanghai Cooperation Organization (SCO) for ensuring security in the Central Asian region. It emphasizes that over the 25 years of its existence, the organization has accumulated significant positive experience in ensuring security, but has also encountered a number of problems that need to be resolved without delay. The aim of the study is to identify problem areas in the field of security in the Central Asian region based on the systematization of available data (regulatory, scientific, factual) on cooperation between Russia and China within the framework of the SCO.

Materials and methods. The research material consists of official documents adopted by the Russian Federation, the People's Republic of China, the Shanghai Cooperation Organization, and the Collective Security Treaty Organization, aimed at ensuring security in the region, combating terrorism, separatism, and extremism, as well as drug trafficking, which is the main source of funding for terrorist organizations. Factual data (information on joint exercises and specific operations to prevent terrorist activities) and research articles on the stated issues were also used in the study. In addition to general scientific methods of analysis, synthesis and generalization of normative, factual and scientific data, which are facilitated by the systematic approach taken, the work also employed historical and chronological analysis, as well as problem-based and prognostic methods.

Results. Scientific research, regulatory and factual material on cooperation between Russia and Kyrgyzstan within the framework of the SCO to ensure security in Central Asian countries has been systematized; challenges and threats contributing to the destabilization of the Central Asian region (terrorism, extremism, drug trafficking) have been identified; the characteristics of this region that have influenced the spread of terrorism, religious extremism and drug trafficking in Central Asia have been identified; an analysis of the foreign policy of Russia and China in Central Asia has been carried out; the reasons for Russia and China's interest in the region have been identified and the possible prospects for the development of the SCO in ensuring security in Central Asian countries have been noted; a number of proposals have been made to address the identified problems in order to improve security in the region.

Discussion. It is emphasized that active cooperation between Russia and China within the SCO is driven by a number of strategic reasons that reflect the common interests of both countries. It is noted that the fight against the 'three forces of evil' (terrorism, separatism, extremism) is the primary goal of the SCO, which is enshrined not only in its founding documents but is also constantly reaffirmed and developed in a wide range of the organization's legal and political documents. The achievements of the SCO and the measures taken to ensure security in Central Asian countries are traced. The advantages of the SCO over the Collective Security Treaty Organization (CSTO) are noted in terms of the influence of the major players, primarily the Russian Federation and the People's Republic of China, on maintaining political stability in a region that is vulnerable to the spread of the 'three forces of evil'. The main challenges faced by Russia and China in ensuring security in the Central Asian region are identified (asymmetry in the development of SCO member states, the 'multi-vector' policy of Central Asian states and the continuing rivalry between them, the competition that has developed in recent years between Russia and China in terms of influence over Central Asian countries, and the 'insufficient flexibility of the SCO' in making operational decisions), and possible solutions to these problems are proposed.

Conclusion. It has been noted that cooperation between Russia and China is a key factor in maintaining security in Central Asian countries, and that the vectors of cooperation and rivalry between the two powers may not only influence their development paths, but also change the situation in the region and the world, since the strengthening of Russia and China's influence in the region will exclude other players whose interest in Central Asia is growing rapidly.

Keywords: Russia; China; Shanghai Cooperation Organization; Central Asia; security; security cooperation

Funding: The research was conducted with financial support from the Russian Science Foundation (RSF), project «Strategies for promoting Russia's national interests through transforming institutions of multilateral diplomacy: a linguo-political aspect» No. 25-28-01062, <https://rscf.ru/project/25-28-01062/>.

For citation: Dziuba, E.V., Wang Hui. Interaction between Russia and China in the SCO: Ensuring Security in Central Asian Countries. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 79–98. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.5.

© Dziuba, E.V., Wang Hui, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Ни одна страна не застрахована от проявлений терроризма, экстремизма и наркобизнеса, которые являются реальной угрозой для безопасности и благополучия современных государств. Российская Федерация (РФ) и Китайская Народная Республика (КНР) испытывают подобную опасность. Осознавая возможные катастрофические последствия распространения международного терроризма и развития наркобизнеса, РФ и КНР договорились о необходимости максимально эффективного сотрудничества в сфере обеспечения безопасности в близлежащем регионе, который является наиболее уязвимым с этой точки зрения, – Центральной Азии (ЦА).

Плодотворное сотрудничество России и Китая было инициировано, таким образом, в первую очередь для обеспечения безопасности и поддержания стабильности в центральноазиатском регионе. Общая граница ЦА с Россией и Китаем делает страны уязвимыми перед лицом религиозных экстремистов, террористов, различных вооружённых формирований, криминальных структур, связанных с наркоторговлей и контрабандой. Для решения этих проблем в 1996 г. правительства России, Китая, Казахстана, Таджикистана и Киргизии сформировали «Шанхайскую пятёрку», первоначальной целью которой было военное сотрудничество на приграничных территориях и урегулирование территориальных споров [1, с. 69]. Положительный результат работы «Шанхайской пятёрки» и расширение сотрудничества государств-членов послужили толчком к созданию международной организации [2]. В 2001 г. было объявлено о вступлении в организацию Республики Узбекистан; появление нового члена повлекло за собой изменение названия на «Шанхайскую организацию сотрудничества» (ШОС)¹. На сегодняшний день ШОС насчитывает 10 стран-участниц, 2 государства-наблюдателя и 14 партнеров по диалогу, что свидетельствует о внушительных будущих масштабах организации и значительных перспективах ее развития.

Цель работы – на основе систематизации имеющихся данных (нормативных, научных, фактических) о сотрудничестве России и Китая в рамках ШОС выявить проблемные зоны в сфере обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе. Поставленная цель может быть достигнута посредством решения следующих задач: выявить специфику социально-политической ситуации в центральноазиатском регионе; раскрыть сущность проблем в сфере безопасности в странах ЦА; проследить развитие политики КНР и РФ в центральноазиатском регионе с момента создания

¹ Владимир Путин принял участие во встрече глав государств «Шанхайского форума» в узком составе. 14 июня 2001 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/41568> (дата обращения: 20.04.2021).

ШОС до настоящего времени; определить направления дальнейшего сотрудничества России и Китая в сфере обеспечения региональной безопасности в странах ЦА.

Материал и методы исследования

Материалом исследования являются тексты международного институционального дискурса (официальные документы РФ, КНР, ШОС, ОДКБ), посвященные вопросам обеспечения безопасности, борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, а также наркобизнесом, который является основным источником финансирования террористических организаций. К изучению вопроса также привлекались фактические данные (сведения о совместных учениях и конкретных операциях по предотвращению террористической деятельности) и научно-исследовательские статьи по заявленной проблематике.

Теоретической основой работы являются научные труды российских и китайских ученых по вопросам изучения региональной безопасности – в целом и роли международных организаций в этой деятельности – в частности. Проблеме обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе посредством деятельности ШОС посвятили свои работы российские и зарубежные исследователи: А.Д. Воскресенский [3], А.Ф. Клименко [4], Ю.П. Козина [5], В.Н. Ли [6], С.Г. Лузянин [7], А.В. Лукин [8], Д.Б. Малышева [9], М.Л. Титаренко [10], А.Э. Джорбекова А.Г. Тимошенко, Е.Ф. Троицкий и С.М. Юн [11], Ли Цзымань [12], Ли Цзиньфэн [13], Д.Р. Смит [14], Сунь Цзин [15], Сюй Тао [16], Р. Сухроб [17], Чжао Хуашэн [2], Чжэн Юй [18], Цао Хуань [19] и др.

Методология данного исследования предполагает выбор системного подхода в качестве доминирующего: данный подход позволяет обобщить и упорядочить накопленные за 25 лет данные (нормативные, научно-исследовательские, фактические) о деятельности РФ и КНР в рамках ШОС для обеспечения безопасности в странах ЦА. В работе применяется историко-хронологический метод, позволяющий на основе нормативной документации и фактуальной информации проследить с момента создания организации и до настоящего времени развитие концепции ШОС об обеспечении безопасности в странах ЦА и временную последовательность мероприятий, проводимых с целью реализации данной концепции. Метод проблемного анализа, также используемый в исследовании, способствует выявлению на основе обобщения собранных данных критических точек в реализации стратегии обеспечения безопасности в странах ЦА. Прогностический метод содействует определению перспектив сотрудничества РФ и КНР в рамках ШОС для обеспечения безопасности в странах ЦА через сформулированные предложения по решению имеющихся проблем.

Результаты и обсуждение

Обзор нормативной документации и мер по обеспечению безопасности

Для успешной реализации поставленной цели, заключающейся в систематизации данных и выявлении проблемных зон в сфере обеспечения безопасности в центральноазиатском регионе, необходимо всесторонне рассмотреть нормативно-правовую базу и отраженные в основополагающих документах ключевые термины и

понятия, которые определяют содержание и механизмы взаимодействия государств-членов ШОС в сфере безопасности.

Нормативные документы ШОС (от учредительных актов до специализированных конвенций и деклараций) формируют фундамент, определяющий специфику цели, задач, принципов и механизмов сотрудничества в области безопасности, устанавливают правовые обязательства государств-членов и служат ориентиром для их совместной деятельности.

14 июня 2001 г. Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан, Узбекистан подписали «Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»² и уже через месяц, 16 июля 2001 г., РФ и КНР заключили «Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой», в котором стороны договорились о взаимодействии «в области борьбы с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, ... в области борьбы с организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, оружия и другой преступной деятельностью»³. Особое внимание в «Договоре...» было уделено выработке совместных решений и определению конструктивных действий, направленных на обеспечение безопасности двух стран, а также совместную борьбу с международным терроризмом.

Важно подчеркнуть, что в понимании сущности ключевых явлений, несущих основные угрозы региону, между Россией и Китаем нет никаких разногласий. В «Шанхайской конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» закреплены отчетливые определения понятий терроризма, сепаратизма и экстремизма. Так, под терроризмом понимается «любое ... деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения»⁴. Сепаратизм трактуется как «деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему»⁵. Экстремизм

² Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 06.07.2025).

³ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 06.07.2025).

⁴ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 06.07.2025).

⁵ Там же.

определяется как «деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них»⁶. Конвенция предоставляет странам ШОС право «выступать за прекращение практики терроризма, экстремизма и сепаратизма» как в двустороннем формате, так и в рамках ШОС, а также на других международных платформах. В данном документе перечислены и охарактеризованы конкретные меры, которые необходимо предпринять членам ШОС для реализации заявленных задач.

В «Договоре о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов ШОС» (ст. 8) установлены ключевые обязательства, налагаемые на всех членов организации, в области антитеррористической деятельности, а именно: «усиливать взаимодействие в розыске, задержании, выдаче и передаче лиц, подозреваемых, обвиняемых или осужденных за совершение преступлений, связанных с террористической, сепаратистской, экстремистской деятельностью, а также и иных преступлений»⁷.

В течение последующих лет Россия и Китай продолжали укреплять двусторонние контакты с целью противодействия нетрадиционным (невоенным) угрозам безопасности. Так, в 2003 г. страны-участницы ШОС подписали «Совместное коммюнике по итогам восьмой регулярной встречи премьер-министров Китая и России»⁸, в котором затрагивались вопросы совместного противодействия терроризму, религиозному экстремизму и этническому сепаратизму. Взаимодействие, направленное на борьбу с финансированием терроризма, осуществляется в банковской сфере; ведется активная совместная работа таможенных служб для предотвращения незаконных действий на трансграничных территориях [6, с. 18–19].

Основной формой деятельности стран-членов ШОС является выработка теоретических и нормативно-правовых положений о борьбе против терроризма, сепаратизма и экстремизма. Отдельное внимание сосредоточено на формах практической работы по реализации заявленных задач, которые были определены в 2002 г. в рамках документа об учреждении «Региональной антитеррористической структуры ШОС (РАТС ШОС)»⁹. В «Соглашении... о РАТС» в частности отмечается, что государства-члены ШОС «убеждены в необходимости взаимосогласованных

⁶ Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 06.07.2025).

⁷ Договор о долгосрочном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств-членов Шанхайской организации сотрудничества от 10 июня 2008 года // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902086025> (дата обращения: 06.07.2025).

⁸ Совместное коммюнике по итогам восьмой регулярной встречи глав правительств Китая и России // Все о Китае из первых рук: [сайт]. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/86192.htm> (дата обращения: 07.07.2025).

⁹ Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1283405> (дата обращения: 06.07.2025).

действий в интересах обеспечения территориальной целостности, безопасности и стабильности Сторон, в том числе путем усиления сотрудничества в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»¹⁰.

Главной задачей в деятельности РАТС является выработка конструктивной политики по совместной координации всех стран, входящих в организацию, «для активного противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму». Эти действия необходимо строить, как отмечается в документах, на достоверной, всеобъемлющей информации о террористических организациях, составе их участников, их функционале. Среди основных направлений деятельности отмечается также организация и проведение совместных мероприятий: подготовка кадров, обмен опытом, совместные учения по широкому спектру вопросов борьбы с нетрадиционными угрозами¹¹.

При содействии РАТС страны проводят совместные антитеррористические и оперативно-тактические учения. Так, в 2006, 2011, 2012, 2014 гг. государства-члены ШОС проводили совместные учения «Восток-Антитеррор» (Узбекистан), в 2008 г. – «Волгоград-Антитеррор» (Россия), в 2011 г. – «Тянь-Шань-2» (КНР), в 2013 г. – «Казыгурт-Антитеррор-2013» (Казахстан), в 2015 г. – «ЦентрАзия-Антитеррор-2015» (Кыргызстан), в 2017 – «Ярославль-Антитеррор–2017» (Россия), в 2019 г. – «Сары-Арка-Антитеррор» (Казахстан), в 2023 г. – «Евразия-Антитеррор-2023» (Кыргызстан) [20].

Особое значение имеют пограничные антитеррористические учения, направленные на пресечение и предупреждение нелегальной деятельности на трансграничных территориях, направленной на контрабанду наркотических и психотропных веществ, создание каналов для незаконной миграции и т. п.: в 2013 г. прошли учения «Совместная пограничная деятельность–2013» (Киргизия и Китай), в 2014 г. – «Восток-2014» (Россия и Китай), в 2015 г. – «Восток-2015» (Кыргызстан и Китай), в 2017 г. – «Тянь-Шань-3 (Кыргызстан и Китай)» [21].

Помимо этого, с 2005 г. страны-участницы ШОС проводят регулярные учения под названием «Мирная миссия» [22]. Первоначально Россия и Китай планировали проводить эти учения в двустороннем формате, но в 2007 г. страны-участницы ШОС предложили проводить «Мирную миссию» на регулярной основе в рамках организации для укрепления антитеррористического взаимодействия [23].

В рамках РАТС государства-члены ШОС проводят международные встречи, конференции, направленные на выработку скоординированных действий в случае возникновения угрозы, консультационные встречи с экспертными группами по тем или иным вопросам борьбы с терроризмом [24].

Несмотря на критику со стороны экспертного сообщества, деятельность РАТС способствует обеспечению безопасности в ЦА, России и Китае. Только за 2005–2006 годы было предотвращено более 400 терактов, задержаны около 20 человек причастных к террористической деятельности [25]. В 2016 г. в результате совместных усилий правоохранительных органов России, Киргизии и Узбекистана МВД и ФСБ

¹⁰ Соглашение между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре от 07.06.2002 // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина: [сайт]. URL: <https://www.prlib.ru/item/1283405> (дата обращения: 06.07.2025).

¹¹ Там же.

Российской Федерации задержали нескольких экстремистов, готовивших террористические акты в Санкт-Петербурге [26, с. 148].

В 2007 г. генеральный секретарь ШОС Б.К. Нургалиев заявил, что особо опасную угрозу для стабильности центральноазиатского региона представляет наркомафия и государствам необходимо предпринимать активные действия для решения данной проблемы. В «Бишкекской декларации ШОС» подчеркивалось: «Выражая озабоченность исходящей с территории Афганистана наркоугрозой и ее негативным влиянием на регион ЦА, главы государств призывают к последовательному укреплению антинаркотического сотрудничества в рамках Организации, объединению международных усилий в создании вокруг Афганистана «поясов антинаркотической безопасности»¹². Была разработана программа «Антинаркотическая стратегия государств-членов ШОС», в рамках которой на страны-участницы ШОС накладывались обязательства по обмену информацией относительно деятельности наркосиндикатов, действующих на территории ЦА, проведению консультаций для выработки мер противодействия наркокартелям и пресечения распространения запрещённых веществ на территории государств-членов ШОС.

В 2015 г. на пресс-конференции в Уфе Президент России так же отметил, что одним из главных источников финансирования радикальных террористических группировок являются доходы от наркоторговли, и сделал заявление о необходимости срочной реализации одобренной на саммите ШОС «Программы сотрудничества в борьбе с терроризмом и сепаратизмом на 2016–2018 гг.»¹³. На заседании Совета Глав Государств ШОС (СГГ ШОС) в 2015 г. была принята «Стратегия развития ШОС до 2025 г., в которой были обозначены меры по борьбе с терроризмом и наркотрафиком: проведение ежегодных антитеррористических учений, выявление источников финансирования терроризма с последующей их ликвидацией, создание мировой сети по борьбе с терроризмом, создание специальных рабочих групп по борьбе с наркотрафиком в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС), выявление и предотвращение распространения аудио- и видеозаписей экстремистского содержания в сети Интернет, противодействие участию граждан государств-членов ШОС в вооружённых конфликтах в зонах террористической активности, проведение научно-практических конференций по сотрудничеству в сфере противодействия международному терроризму и экстремизму с целью обмена мнениями о ситуации в сфере безопасности в регионе и формировании механизмов сотрудничества в этой области, обмен данными разведслужб, обмен оперативной информацией, осуществление общего анализа ситуации в мире и регионах и т. д.»¹⁴

¹² Документы, принятые на заседании Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), Бишкек, 16–17 августа 2007 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1679469 (дата обращения: 07.07.2025).

¹³ Пресс-конференция Владимира Путина по итогам саммитов БРИКС и ШОС. 10.07.2015 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/49909> (дата обращения: 20.04.2025).

¹⁴ Стенограмма заседания Совета глав государств – участников Шанхайской организации сотрудничества в расширенном составе // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/49908> (дата обращения: 06.07.2025).

В настоящее время принята «Антинаркотическая стратегия государств-членов ШОС на 2024–2029 гг.» и «Программы действий по ее выполнению»¹⁵. К основным мерам по противодействию распространению новых психоактивных веществ были отнесены обмен информацией о новых психоактивных веществах, их обнаружении и негативном воздействии на организм человека; обмен технологиями, разработками, результатами исследований и методами по выявлению новых психоактивных веществ, оказание техподдержки по их обнаружению; совершенствование законодательных мер по обеспечению контроля над оборотом новых психоактивных веществ; пресечение распространения новых психоактивных веществ всеми возможными методами, в том числе посредством онлайн-ресурсов, почтовых отправок и курьерских служб»¹⁶.

На данный момент сохраняется угроза со стороны наркомафии, террористов, экстремистов и сепаратистов. Наибольшую угрозу для стран ЦА представляют исламистские террористические организации, одна из которых еще в 2015 году объявила своей главной целью дестабилизацию региона ЦА¹⁷; с 2021 г. новым толчком к возникновению вызовов и угроз для стран ШОС стало обострение «афганского вопроса» [8; 11; 12; 17].

В 2017 г. состоялись переговоры Президента России и Председателя КНР, по итогам которых было подписано «Совместное заявление РФ и КНР о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия», в котором стороны выразили намерения «продолжать совместную борьбу с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом; совместно противодействовать террористическим силам, угрожающим безопасности Сторон; усиливать координацию подходов и конструктивное сотрудничество по всем направлениям на многосторонних антитеррористических площадках»¹⁸. Готовность государств-членов «наращивать совместные усилия по недопущению распространения радикальных идеологий, любой религиозной нетерпимости и ксенофобии, агрессивного национализма, этнической и расовой дискриминации, ... осуществлять комплексные меры по устранению условий, способствующих терроризму и экстремизму, ... решительно противодействовать финансированию терроризма, вербовочной деятельности и трансграничному перемещению террористов, радикализации молодежи, а также использованию новых информационно-коммуникационных технологий в террористических целях» отражена и в «Астанинской декларации ШОС» 2024 г.¹⁹

¹⁵ Решение СГГ ШОС от 4.06.2004 г. № 7 «Об утверждении Антинаркотической стратегии государств-членов ШОС на 2024–2029 годы и Программы действий по ее выполнению (г. Астана) // Официальные сетевые ресурсы ШОС: [сайт]. URL: <https://rus.sectsco.org/images/07e8/0b/15/1599044.pdf> (дата обращения: 07.07.2025).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Панфилова В. ИГИЛ намерен открыть второй фронт в Центральной Азии. 21.01.2015 // Независимая газета: [сайт]. URL: https://www.ng.ru/cis/2015-01-21/1_igil.html (дата обращения: 25.06.2025).

¹⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия. 04.07.2017 // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5218> (дата обращения: 06.07.2025).

¹⁹ Астанинская декларация совета глав государств-членов шанхайской организации сотрудничества // Официальные сетевые ресурсы ШОС: [сайт]. URL: <https://rus.sectsco.org/20240704/1420683.html> (дата обращения: 07.07.2025).

Преимущества ШОС в обеспечении региональной безопасности

ШОС является организацией многостороннего сотрудничества: страны-участницы расширяют торгово-экономические отношения, поддерживают культурное и гуманитарное взаимодействие, однако обеспечение безопасности на территории РФ, КНР и в центральноазиатском регионе – первостепенная задача в деятельности организации. И хотя ШОС не является военным блоком, основной ее миссией остаётся поддержание мира и стабильности в регионе, борьба с «тремя силами зла»: терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом [26, с. 144]. В совместном документе, подписанном в 2001 г. РФ и КНР, отмечается: «В настоящее время ШОС уже стала важным фактором поддержания мира, безопасности и стабильности в регионе, одним из опорных элементов будущей конструкции многополярного мира»²⁰. Направленность организации на поддержание стабильности в ЦА была определена Б. К. Нургалиевым, тогдашним Генеральным секретарем ШОС: «Изначально организация создавалась для обеспечения безопасности в пространстве шести государств, для укрепления доверия» [27, с. 38].

Некоторые критически настроенные исследователи высказывают мнение, что вопросами обеспечения безопасности в ЦА должна заниматься ОДКБ и что военная направленность ШОС не является рациональной [2]. Несомненно, между ОДКБ и ШОС есть существенная разница: ОДКБ «ориентировано на военное сотрудничество стран СНГ...», ШОС не является военным блоком и не предполагает автоматической взаимопомощи в случае агрессии на одного из участников организации» [17, с. 62–63]. Б.К. Султанов, один из организаторов Ежегодной Алматинской конференции по вопросам безопасности, в приветственном слове заявил, что, несмотря на схожесть целей ОДКБ и ШОС, военное сотрудничество государств в рамках организации является более перспективным, потому что участие в ШОС Китая позволяет использовать его ресурсы для скорейшего достижения стабильности и мира в ЦА²¹.

Исследователь В.Д. Камынин также подчеркивает, что «в основе глобализма ШОС лежит российско-китайское стратегическое партнёрство» [27, с. 39]. Россия и Китай остаются ключевыми участниками организации, способствующими расширению ШОС. Обе стороны понимают, что достичь стабильности в регионе можно только в рамках многостороннего сотрудничества. Государства центральноазиатского региона, обладающие меньшими ресурсами по сравнению с КНР и РФ, не имеют возможности без помощи внерегиональных игроков устранить угрозы безопасности, поэтому активно поддерживают инициативы Китая и России в ШОС, направленные на достижение стабильности в ЦА [28]. В июне 2011 г. был подписан Протокол о сотрудничестве между Секретариатом ОДКБ и РАТС ШОС²² с

²⁰ Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 1 декабря 2002 года // Официальный сайт Президента России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/3546> (дата обращения: 06.07.2025).

²¹ Приветственное слово Б. К. Султанова // Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: Материалы X Ежегодной Алматинской конференции (г. Алматы, 6 июня 2012 г.) / Отв. ред. Б.К. Султанов. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2012. С. 11–13. [эл. доступ]. URL: https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/06/10_almaty.pdf (дата обращения: 06.07.2025).

²² Протокол о сотрудничестве между Секретариатом Организации Договора о коллективной

целью консолидации усилий в борьбе против терроризма, сепаратизма и экстремизма, а также незаконного оборота наркотиков и иных форм трансграничной преступности.

Многообразие культур, ценностей и приоритетов государств-членов ШОС привели к необходимости формирования общей идентичности. Так появился термин «шанхайский дух», который отражает принципы взаимодействия членов организации, основанного на взаимном доверии и общей выгоде, а также равноправии, уважении и стремлении к всеобщему развитию²³ без вмешательства во внутренние дела. Эта позиция также отличает ШОС от других организаций (НАТО, ЕС, ОБСЕ), которые выдвигают жесткие требования для обеспечения интеграции: единство модели развития, наличие единой валюты, приверженность западным ценностям, требование демократии, выбор типа экономического развития в пользу рыночного и др. [17, с. 63].

*Вызовы для России и Китая в обеспечении безопасности
через сотрудничество в рамках ШОС*

Для решения проблемы «трёх сил зла» странам-участницам ШОС необходимо преодолеть многие противоречия и справиться с теми вызовами, которые выдвигает современная геополитическая ситуация в мире.

Первым из таких вызовов является противоречие между стремлением к равноправию членов, что обусловлено «шанхайским духом», и асимметрией развития входящих в ШОС государств. В ШОС представлены очень разные по объему политических, экономических и военных ресурсов страны. В следствие этого дисбаланса эксперты рассматривают Пекин и Москву как единственных участников организации, получающие выгоды от ШОС [29].

Второй вызов обусловлен многовекторной политикой центральноазиатских государств. Страны региона участвуют в интеграционных процессах в нескольких направлениях: Россия, Китай, США, страны ЕС, а также исламские государства.

Третий вызов связан с сохраняющимся соперничеством между центральноазиатскими странами внутри региона и усиливающейся дезинтеграцией. Борьба за лидерство в регионе между Казахстаном и Узбекистаном, нехватка водных ресурсов и конкуренция за обладание ими, нежелание Туркмении принимать участие в региональной интеграции способствуют разрозненности центральноазиатского региона. Это в свою очередь увеличивает шансы на проникновение в регион боевиков из иных стран, роста наркотрафика, увеличения беженцев из политически нестабильного Афганистана и т. п., что может усиливать процессы дестабилизации региона в будущем.

безопасности и Региональной антитеррористической структурой Шанхайской организации сотрудничества от 14.06.2011 // Официальные сетевые ресурсы Организации Договора о коллективной безопасности: [сайт]. URL: https://antiterror.odkb-csto.org/int_organizations/sco/protokol-o-sotrudnichestve-mezhdu-sekretariatom-odkb-rats-shos-i-atts-sng/#loaded (дата обращения: 06.07.2025).

²³ Продвижение "Шанхайского духа", углубление добрососедства и дружбы во имя открытия новых перспектив сообщества единой судьбы с соседними странами. Министр иностранных дел Ван И рассказал об итогах участия Председателя КНР Си Цзиньпина в Астанинском саммите ШОС и государственного визита лидера КНР в Казахстан и Таджикистан // Министерство иностранных дел КНР: [сайт]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/rus/wjb/wjbz/zyjh/202407/t20240707_11449503.html (дата обращения: 19.07.2025).

Четвёртый вызов обусловлен складывающейся конкуренцией между РФ и КНР в вопросах влияния на страны ЦА. Можно говорить о нарастающей конкуренции между странами-партнерами, которая частично выражается в различии подходов к пониманию развития ШОС. Д.Ж. Смит отмечает, что РФ в ШОС делает ставку на обеспечение безопасности посредством деятельности организации, Китай пытается встроить в сферу взаимодействия стран ШОС экономические и иные аспекты, что может обеспечить Китаю финансовое прежде всего доминирование [14, с. 60–61].

Важно, однако, подчеркнуть, что конкуренция между двумя крупными игроками наблюдается только в отношении стран ЦА. Оба государства на международной арене всегда проявляют взаимопонимание, согласие и единство мнений. И Россия, и Китай единодушно выступают за нормализацию ситуации в конфликтных точках на Ближнем Востоке, против расширения Северного альянса, размещения американских систем ПРО в Европе и Тихоокеанском регионе, «цветных революций» на постсоветском пространстве [30]. В расширении влияния в центральноазиатском регионе также заинтересованы обе страны, что может способствовать усилению конкуренции между РФ и КНР за лидерство в ЦА: каждое государство выступает за поддержание своих национальных интересов. Так, национальные интересы Китая в ЦА направлены на расширение торгово-экономических отношений со странами этого региона, особенно с членами ШОС [31]. Однако Россия, опасаясь усиления экономического влияния Пекина, выступила против данной инициативы. Москва ориентирована на укрепление своего политического и военного влияния в регионе, поэтому в ШОС она ратует за расширение не столько экономических, сколько собственно военно-технических связей. В итоге внешне оформленное как партнёрство сотрудничество РФ и КНР в ШОС трансформируется в скрытую борьбу за доминирование в странах ЦА [14, с. 60–61].

Однако в вопросах безопасности и дальнейшего стратегического развития обе страны солидаризируются и признают, что развитие ШОС является стратегически значимым для внешней политики обоих государств. РФ и КНР рассматривают ШОС как важнейший механизм по обеспечению мира, безопасности и сотрудничества в центральноазиатском регионе. Эти элементы считаются основополагающими для формирования многополярного мирового порядка, основанного на международном законодательстве [27, с. 39–40]. По мнению некоторых аналитиков, отношения между РФ и КНР имеет место экономическая конкуренция. Однако, это не сказывается на политической конкуренции между странами. Оба государства реализуют свои национальные интересы и стремятся получить экономические выгоды от сотрудничества с центральноазиатскими странами [32].

Пятый вызов для РФ и КНР в контексте влияния ШОС на страны ЦА связан с механизмами функционирования РАТС. В рамках Антитеррористической структуры государствам-членам ШОС не хватает кооперации в решении проблем безопасности в ЦА. По мнению Б. Султанова, сотрудничество спецслужб стран-участниц организации сводится к «проведению показательных учений, конференций, других мероприятий» [33, с. 13]. Политолог И.Н. Бекмуратов считает: «ШОС, первоочередной задачей которой является противодействие нетрадиционным угрозам безопасности, оказалась некомпетентной в урегулировании политических кризисов в некоторых государствах

региона. В данном случае уместно будет сослаться на мнения российских экспертов, полагающих, что ШОС ныне не готова отвечать на новые опасности и своевременно реагировать на экстраординарные ситуации» [34, с. 14]. Р. Сухороб и Д.А. Порошина также подчеркивают, что многосторонний характер деятельности организации делает ее уязвимой в принятии оперативных решений и действий для обеспечения безопасности. Авторы отмечают, что «гибкость ШОС оборачивается институциональной слабостью при столкновении с системными вызовами» [17, с. 69].

Предпринятый в работе обзор фактов и исследовательских мнений дает возможность сформулировать некоторые выводы. Политологи отмечают необходимость совершенствования нормативной базы, обеспечивающей концептуальные основы деятельности ШОС по обеспечению безопасности в странах ЦА [5, с. 109]. По мнению ряда исследователей, необходимо уделить особое внимание практическому сотрудничеству стран-участниц организации, чтобы в случае возникновения угрозы безопасности своевременно на нее реагировать, а также разработать инструменты для предупреждения возможных конфликтных ситуаций. Также следует стремиться к системной координации между государствами в реализации конкретных инициатив, не ограничиваясь «совместными учениями, декларациями» ... и консультативной деятельностью [17, с. 63]. Для стабилизации ситуации в Афганистане, предотвращения террористической угрозы и возможного источника наркотрафика необходимо продолжить «диалог с афганской стороной» в рамках Контактной группы «ШОС – Афганистан» [9; 12]. Особое внимание, по мнению специалистов, следует уделить совершенствованию деятельности РАТС ШОС, что может реализоваться в расширении военных полномочий РАТС, возможном создании военизированных формирований по типу миротворческих сил ООН для ликвидации угроз безопасности, разработке специализированной программы, направленной на подготовку специалистов по противодействию современным вызовам и угрозам в области безопасности. Очевидно, что необходимо также совершенствовать формы сотрудничества ШОС и ОДКБ. Указанные меры могут способствовать повышению эффективности работы по противодействию терроризму, религиозному экстремизму, этническому сепаратизму и своевременному реагированию на вызовы безопасности.

Заключение

Изучение нормативной базы ШОС в сфере безопасности показало, что необходимость борьбы с «тремя силами зла» закреплена не только в учредительных документах, эта задача постоянно подтверждается и развивается в широком спектре правовых и политических актов организации, что вызвано необходимостью реагировать на нестабильную политическую ситуацию в регионе, появление новых видов и форм вызовов и угроз. Важно отметить общность ключевых целей и задач России и Китая в регионе, сходство в интерпретации ими сущности «трех сил зла», что также отражено в нормативных документах ШОС в сфере обеспечения безопасности.

В ходе исследования фактических и научных данных были выявлены основные вызовы, с которыми сталкиваются Россия и Китай в обеспечении безопасности в

центральноазиатском регионе: 1) асимметрия развития входящих в ШОС государств; 2) «многовекторность» политики центральноазиатских государств; 3) сохраняющееся между странами ЦА соперничество; 4) складывающаяся в последние годы конкуренция между Россией и Китаем в сфере влияния на страны Центральной Азии; 5) «недостаточная гибкость ШОС» в принятии оперативных решений. Было отмечено, что организацией предпринимаются меры в области обеспечения безопасности в странах ЦА, которые реализуются в формате совместных антитеррористических учений, деятельности РАТС и т. д., однако некоторые политологи указывают на недостаточную продуктивность этой работы.

Обзор научных исследований позволил также подчеркнуть наличие преимущества ШОС перед Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) в отношении влияния крупнейших игроков, прежде всего – Российской Федерации и Китайской Народной Республики, на сохранение политической стабильности в регионе, уязвимом с точки зрения распространения «трех сил зла».

Анализ накопленных за 25 лет существования ШОС данных в сфере обеспечения безопасности в странах ЦА показал, что для эффективной реализации национальных интересов РФ и КНР в центральноазиатском регионе необходимо выработать стратегию дальнейшего взаимодействия, которая не будет идти вразрез с внешнеполитическими интересами всех участников и позволит преодолеть вышеперечисленные вызовы. Если Россия и Китай сумеют выработать подобную стратегию, то совместные усилия принесут пользу для всех стран, что видится в повышении эффективности борьбы с «тремя силами зла», установлении геополитического доминирования обеих стран и вытеснении США из региона, расширении географического пространства для экономического развития, обеспечении согласованного со всеми участниками доступа к энергоресурсам центральноазиатских государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Босин В.И., Босин Е.И. Взаимодействие России и КНР в рамках ШОС: международно-правовые аспекты // Юридическая наука. 2019. № 11. С. 68–73. EDN: [QQYZAZ](#).
2. Чжао Хуашэн 赵华胜. Шанхай хэцзо цзучжи: пингу юй фачжань вэньти 上海合作组织: 评估与发展问题 [Шанхайская организация сотрудничества: вопросы оценки и развития] // Чжунго шэхуэй (хой) кэсюэюань элосы дуноу чжу ня яньцзю со 中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所 [Институт исследований России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук]. [эл. доступ]. URL: http://euroasia.cssn.cn/kycg/shzz/201905/t20190510_4879473.shtml (дата обращения: 20.04.2024).
3. Воскресенский А.Д. Российско-китайское стратегическое взаимодействие и мировая политика. Никитский клуб. М.: Восток-Запад, 2004. 124 с. EDN: [RWNYNP](#).
4. Клименко А.Ф. Россия и Китай в системе безопасности Северо-Восточной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XIX. М.: ИДВ РАН, 2014. С. 31–50. EDN: [TBSPXX](#).
5. Козина Ю.П. Государственная и региональная безопасность: роль интеграции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2025. Т. 25. Вып. 1. С. 103–109. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109>. EDN: [TXDMHW](#).
6. Ли В.Н. Сотрудничество России и Китая в сфере противодействия международному терроризму как фактор обеспечения международной стабильности // Международные отношения. 2024. № 2. С. 11–23. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.2.70444>. EDN: [DSZIAF](#).

7. Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии: международно-региональные измерения российско-китайского партнерства. М.: ИД “Форум”, 2009. 288 с.
8. Лукин А.В. Шанхайская организация сотрудничества и российские интересы в Центральной Азии и Афганистане // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 5 (20). С. 37–47. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47>. EDN: OONIJB.
9. Малышева Д.Б. Афганистан и новая международная конфигурация в Азии // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 4. С. 35–43. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-35-43>. EDN: SYHLUK.
10. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. М.: ИД “Форум”, 2014. 224 с. [эл. доступ]. URL: <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/book-2014-titarenko.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).
11. Джоробекова А.Э., Троицкий Е.Ф., Юн С.М., Тимошенко А.Г. Региональная безопасность в Центральной Азии в условиях возвращения талибов к власти: вызовы и угрозы, сценарии развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 3. С. 187–196. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>. EDN: NCINAK.
12. Ли Цзымань. Взаимодействие государств-членов ШОС (на примере проблемы Афганистана) // Право и политика. 2025. № 4. С. 29–41. <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.4.74007>. EDN: RTUANJ.
13. Ли Цзиньфэн 李进峰. Шанхай хэцзо цзучжи ко юань: тяочжань юй цзиюй 上海合作组织扩员: 挑战与机遇 [Расширение Шанхайской организации сотрудничества: вызовы и возможности] // Элосы дуноу чжуня яньцзю 俄罗斯东欧中亚研究 [Российские, восточноевропейские и центральноазиатские исследования]. 2015. Вып. 6. С. 36–44. [эл. доступ]. URL: <https://ouyj-oys.ajcass.com/UploadFile/20150113002/2015-12-24/Issue/zg3to4cl.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Дор Ж.С. Партнёрство или соперничество? Взаимодействие Китая с Россией по вопросам региональной безопасности в рамках ШОС // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2025. Т. 27. № 1. С. 55–65. <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/55-65>. EDN: TRBRAR.
15. Сунь Цзин. 孙静. Чжун э цзай чжуня дэ гунтунлии цзици шисянь цзичжи яньцзю 中俄在中亚的共同利益及其实现机制研究 [Об общих интересах Китая и России в Центральной Азии и механизме их реализации]. Бэйцзин: Гуанмин жибао чубаньшэ 北京: 光明日报出版社 [Пекин: Изд-во «Гуанминжибао»], 2014. 180 с.
16. Сюй Тао 许涛. Шанхай хэцзо цзучжи дицюй аньцюань хэцзо цзиньчэн юй цяньцзин фэньси 上海合作组织地区安全合作进程与前景分析 [Анализ процесса и перспектив регионального сотрудничества в сфере безопасности в рамках Шанхайской организации сотрудничества] // Гоцзи чжэнчжи 国际政治 [Международная политика]. 2006. Вып. 8. [эл. доступ]. URL: <http://rdbk1.ynlib.cn:6251/Qw/Paper/308842> (дата обращения: 20.05.2025).
17. Сухроб Р., Порошина Д.А. ШОС как гибридный институт в условиях полицентричного миропорядка // Известия Восточного института. 2025. № 1 (65). С. 60–71. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/60-71>. EDN: ALNPJM.
18. Чжэн Юй. 郑羽. Чжун э мэй цзай чжуня хэцзо юй цзинчжэн 中俄美在中亚: 合作与竞争 (1991–2007) [Китай, Россия и США в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция (1991–2007)]. Бэйцзин: Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 北京: 社会科学文献出版社 [Пекин: Издательство социальных наук]. 2007. 525 с.
19. Цао Хуань. Ситуация в Афганистане и геополитика, безопасность и интеграция в Центральной Азии // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2024. Т. 13. № 4 (57). С. 921–929. EDN: NGFSBO.
20. Фаткулин С.Т., Мулюкова М.В. Сотрудничество правоохранительных органов государств-участников ШОС по противодействию международному терроризму и экстремизму // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 4 (23). С. 109–114. EDN: XKYDYC.
21. Фань Сюэсун. Существующие механизмы Шанхайской организации сотрудничества и проблемы борьбы с нетрадиционными вызовами безопасности // Вестник международных организаций. 2021. Т. 16. № 1. С. 107–126. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-05>. EDN: OOOYOO.

22. Васильев Л.Е. Взаимодействие России и Китая в решении проблем по обеспечению безопасности в Евразии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. Выпуск XXIII. М.: ИДВ РАН, 2018. С. 52–63. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10005>. EDN: YVMUAP.
23. Юань Шэньюй 袁胜育, Хань Мэн 韩猛. Фэй чуаньтун аньцюань вэньти: чжун э аньцюань хэцзо дэ синь шицзяо. 非传统安全问题: 中俄安全合作的新视角 [Нетрадиционные вопросы безопасности: новый взгляд на китайско-российское сотрудничество в области безопасности] // Гоцзи гуаньча 国际观察 [Международное наблюдение]. 2006. № 3. С. 21–41.
24. Шаповалова А.М., Булавкин А.А. Сотрудничество стран евразийского региона в сфере противодействия терроризму и экстремизму // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 11. С. 88–95. EDN: YXSKMP.
25. Москаленко В.Н. Проблемы безопасности: ШОС и Пакистан // Шанхайская организация сотрудничества: к новым рубежам развития. Сборник материалов «круглого стола», апрель 2007 г. М.: ИДВ РАН, 2008. С. 351–368.
26. Селезнёв И.А. Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 4. С. 143–152. EDN: ZHHFOB.
27. Камынин В.Д. Шанхайская организация сотрудничества как объект исследования в отечественной науке // Известия Уральского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. № 3 (80). С. 36–43. EDN: MVKHLX.
28. Чжао Хуашэн 赵华胜. Чжун э гуаньси чжун дэ шанхай хэцзо цзучжи 中俄关系中的上海合作组织 [Шанхайская организация сотрудничества в китайско-российских отношениях] // Хэпин юй фачжань 和平与发展 [Мир и развитие]. 2010. № 2. С. 37–42.
29. Цун Пэн 丛鹏, Чжан Ин 张颖. Чжаньлюэ шицзяо ся дэ чжун э гуаньси 战略视角下的中俄关系 [Китайско-российские отношения со стратегической точки зрения]. Пекин: Шиши чубаньшэ 北京: 时事出版社 [Пекин: Пресса. Текущие события]. 2011. 320 с.
30. Ли Юнцюань 李永全. Цзоусян цюаньмянь чжаньлюэ хэцзо дэ чжунэгуаньси 走向全面战略合作的中俄关系 [Китайско-российские отношения на пути к всеобъемлющему стратегическому сотрудничеству] // Дунбэйя луньгань 东北亚论坛 [Форум Северо-Восточной Азии]. 2013. Вып. 4. С. 3–9.
31. Цзян Синьвэй 蒋新卫. Шанхай хэцзо цзучжи куанцзя ся дэ чжун э гуаньси 上海合作组织框架下的中俄关系 [Китайско-российские отношения в рамках Шанхайской организации сотрудничества] // Сяньдай гоцзи гуаньси 现代国际关系 [Современные международные отношения]. 2007. Вып. 3. [эл. доступ]. URL: http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswj/201103/t20110303_1784712.shtml (дата обращения: 20.04.2025).
32. Чжэн И. Сотрудничество РФ и КНР в Центральной Азии как фактор обеспечения стабильного развития региона // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 4. С. 1–10. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-4-844>. EDN: YLQFYC.
33. Султанов Б. Председательство Китая в ШОС и актуальные проблемы региональной безопасности // Постсоветский материк. 2018. № 2 (18). С. 5–15. EDN: YQJXF.
34. Бекмуратов И.Н. Перспективы развития ШОС: взгляд из Узбекистана // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 21 (236). С. 11–16. EDN: OUIJZCT.

REFERENCES

1. Bosin, V.I., Bosin, E.I. Interaction between Russia and China within the SCO: International Legal Aspects. *Legal Science*. 2019. No. 11. P. 68–73. (In Russian). EDN: QQYZAZ.
2. Zhao Huasheng, 赵华胜. Shanghai hezo zuzhi: pinggu yu fazhang wenti 上海合作组织: 评估与发展问题 [Shanghai Cooperation Organisation: Issues of Assessment and Development]. *Zhongguo shehui kexueyuan eluosi dongou zhong ya yanjiu suo 中国社会科学院俄罗斯东欧中亚研究所 [Institute of Russian, East European and Central Asian Studies, Chinese Academy of Social Sciences]*. Available at http://euroasia.cssn.cn/kycg/shzz/201905/t20190510_4879473.shtml (accessed: 20.04.2024). (In Chinese).

3. Voskressenski A.D. Rossiisko-kitaiskoye Strategicheskoye Vzaimodeistviye I Mirovaya Politika [Russian-Chinese Strategic Interaction and World Politics]. Nikitskii Club. Moscow: Vostok-Zapad Publishers, 2004. 124 p. (In Russian). EDN: [RWNYNP](#).
4. Klimenko, A.F. Russia and China in the Security System of North-East Asia. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XIX. Moscow, IDV RAN, 2014, P. 31–50. (In Russian). EDN: [TBSPXX](#).
5. Kozina, Yu.P. State and Regional Security: The Role of Integration to Ensuring Security on the Example of the SCO. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*. 2025. Vol. 25. Iss. 1. P. 103–109. (In Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2025-25-1-103-109>. EDN: [TXDMHW](#).
6. Li, V.N. Cooperation between Russia and China in the Field of Counteracting International Terrorism as a Factor in Ensuring International Stability. *International Relations*. 2024. No. 2. P. 11–23. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2024.2.70444>. EDN: [DSZIAF](#).
7. Luzyanin S.G. Rossiya i Kitaj v Evrazii: mezhdunarodno-regionalnye izmereniya rossijsko-kitajskogo partnerstva [Russia and China in Eurasia: International and Regional Dimensions of Russian-Chinese Partnership]. Moscow: ID 'Forum', 2009. 288 p. (In Russian).
8. Lukin, A.V. The Shanghai Cooperation Organisation Politics and the Russian Interests in Central Asia and Afghanistan. *MGIMO Review of International Relations*. 2011. No. 5 (20). P. 37–47. (In Russian). <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2011-5-20-37-47>. EDN: [OONIJB](#).
9. Malysheva, D.B. Afghanistan and the New International Configuration in Asia. *World Economy and International Relations*. 2022. Vol. 66. No. 4. P. 35–43. (In Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-35-43>. EDN: [SYHLUK](#).
10. Titarenko M.L. Rossiya i Kitaj: strategicheskoe partnerstvo i vyzovy vremeni [Russia and China: Strategic Partnership and Challenges of the Time]. Moscow: ID 'Forum', 2014. 224 p. Available at <https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/book-2014-titarenko.pdf> (accessed: 28.04.2024). (In Russian).
11. Dzhorobekova, A.E., Troitsky, E.F., Yun, S.M., Timoshenko, A.G. Regional Security in Central Asia After the Return of the Taliban to Power: Challenges and Threats, Development Scenarios. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2023. Vol. 28. No. 3. P. 187–196. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.3.17>. EDN: [NCINAK](#).
12. Li Ziman. Interaction of the SCO Member States (on the Example of the Afghanistan Problem). *Law and Politics*. 2025. No. 4. P. 29–41. (In Russian). <https://doi.org/10.7256/2454-0706.2025.4.74007>. EDN: [RTUANJ](#).
13. Li Jinfeng 李进峰. Shanghai hezuo zuzhi kuo yuan: tiaozhan yu jiyu 上海合作组织扩员: 挑战与机遇 [The Expansion of the Shanghai Cooperation Organization: Challenges and Opportunities]. *Eluosi dongou zhong ya yanjiu 俄罗斯东欧中亚研究 [Russian, Eastern European, and Central Asian Studies]*. 2015. Iss. 6. P. 36–44. Available at <https://oyyj-oys.ajcass.com/UploadFile/20150113002/2015-12-24/Issue/zg3to4cl.pdf> (accessed: 15.05.2025). (In Chinese).
14. Dor, J.S. Partnership or Rivalry? China's Interaction with Russia on Regional Security Issues within the SCO. *PACIFIC RIM: Economics, Politics, Law*. 2025. Vol. 27. No. 1. P. 55–65. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/1813-3274/2025-1/55-65>. EDN: [TRBRAR](#).
15. Sun Jing. 孙静. Zhong e zai zhong ya de gongtong liyi ji qi shixian jizhi yanjiu 中俄在中亚的共同利益及其实现机制研究 [Study on the common interests of China and Russia in Central Asia and their realization mechanism]. Beijing: Guangming ribao chuban she 北京: 光明日报出版社 [Beijing: Guangming Daily Press], 2014. 180 p. (In Chinese).
16. Xu Tao 许涛. Shanghai hezuo zuzhi diqu anquan hezuo jin Cheng yu qianjing fenxi 上海合作组织地区安全合作进程与前景分析 [Analysis of the Process and Prospects of Regional Security Cooperation within the Shanghai Cooperation Organization]. *Guoji zhengzhi 国际政治 [International Politics]*. 2006. Iss. 8. Available at <http://rdbk1.ynlib.cn:6251/Qw/Paper/308842> (accessed: 20.05.2025). (In Chinese).
17. Sukhrob, R., Poroshina, D.A. The SCO as a Hybrid Institution in a Polycentric World Order. *Oriental Institute Journal*. 2025. No. 1. P. 60–71. (In Russian). <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2025-1/60-71>. EDN: [ALNPJM](#).
18. Zheng Yu 郑羽. Zhong e mei zai zhong ya: Hezuo yu jingzheng (1991–2007) 中俄美在中亚: 合作与竞争 (1991–2007) [China, Russia, and the United States in Central Asia: Cooperation and

- Competition (1991–2007)]. Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe 北京:社会科学文献出版社 [Beijing: Social Sciences Academic Press]. 2007. 525 p. (In Chinese).
19. Cao Huan. The Situation in Afghanistan and Geopolitics, Security and Integration in Central Asia. *Eurasian Union: Issues of International Relations*. 2024. Vol. 13. No. 4 (57). P. 921–929. (In Russian). EDN: [NGFSBO](#).
20. Fatkulin, S.T., Mulyukova, M.V. Cooperation of the Law Enforcement Bodies of the SCO Participants on Countering International Terrorism and Extremism. *Legal Order: History, Theory, Practice*. 2019. No 4 (23). P. 109–114. (In Russian). EDN: [XKYDYC](#).
21. Fan Xuesong. Existing Mechanisms of the Shanghai Cooperation Organization and Their Problems Dealing with Non-traditional Security Challenges. *International Organisations Research Journal*. Vol. 16. No 1. P. 107–126. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2021-01-05>.
22. Vasiliev, L.E. Cooperation between Russia and China in Addressing Security Concerns in Eurasia. *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. Issue XXIII. Moscow, IDV RAN, 2018. P. 52–63. (In Russian). <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2018-10005>. EDN: [YBMUAP](#).
23. Yuan Shengyu 袁胜育, Han Meng 韩猛. Fei chuantong anquan wenti: Zhong e anquan hezuo de xin shijiao 非传统安全问题: 中俄安全合作的新视角 [Non-Traditional Security Issues: A New Perspective on China-Russia Security Cooperation]. *Guoji guancha 国际观察 [International Observation]*. 2006. No. 3. P. 21–41. (In Chinese).
24. Shapovalova, A.M., Bulavkin, A.A. State Cooperation of the Eurasian Region in the Sphere of Effort of Terrorism and Extremism. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2018. No. 11. P. 88–95. (In Russian). EDN: [YXSKMP](#).
25. Moskalenko V.N. Problemy bezopasnosti: ShOS i Pakistan [Security Problems: SCO and Pakistan]. *Shanhajskaja organizacija sotrudnichestva: k novym rubezham razvitija [Shanghai Cooperation Organisation: Towards New Frontiers of Development]*. Proceedings of the Round Table, April 2007. Moscow, Izd. of the Institute of Far East RAS, 2008. P. 351–368. (In Russian).
26. Seleznev, I.A. The Role of the CSTO and the SCO in Providing the Security of the States of the Central Asia. *Social and Humanitarian Knowledge*. 2017. No. 4. P. 143–152. (In Russian). EDN: [ZHFFOB](#).
27. Kamynin, V.D. The Shanghai Cooperation Organization as an Object of Research in the National Science. *Ural State University News. Series 3: Social Sciences*. 2010. No. 3 (80). P. 36–43. (In Russian). EDN: [MVKHLX](#).
28. Zhao Huasheng 赵华胜. Zhong e guanxi zhong de shanghai hezuo zuzhi 中俄关系中的上海合作组织 [The Shanghai Cooperation Organization in Sino-Russian Relations]. *Heping yu fazhang 和平与发展 [Peace and Development]*. 2010. No. 2. P. 37–42. (In Chinese).
29. Cong Peng 丛鹏, Zhang Ying 张颖. Zhanlue shijiao xia de zhong e guanxi 战略视角下的中俄关系 [Sino-Russian Relations from a Strategic Perspective]. Beijing: Shishi chubanshe 北京: 时事出版社 [Beijing: Current Affairs Press]. 2011. 320 p. (In Chinese).
30. Ли Юнцюань 李永全. Zouxiang quanmian zhanlue hezu de zhong e guanxi 走向全面战略合作的中俄关系 [Sino-Russia Relations Towards Comprehensive and Strategic Cooperation] // *Dongbei ya luntan 东北亚论坛 [Northeast Asian Forum]*. 2013. Iss. 4. P. 3–9. (In Chinese).
31. Jiang Xinwei 蒋新卫. Shanghai hezuo zuzhi kuanjia xia de zhong e guanxi 上海合作组织框架下的中俄关系 [China-Russia Relations within the Framework of the Shanghai Cooperation Organization]. *Xiandai goji guanxi 现代国际关系 [Contemporary International Relations]*. 2007. Iss. 3. Available at http://euroasia.cssn.cn/xsyj/xsyj_elswj/201103/t20110303_1784712.shtml (accessed: 20.04.2025). (In Chinese).
32. Zheng Yi. The Cooperation between the Russian Federation and the People`s Republic of China in Central Asian Region as a Factor of the Region`s Steady Development. *Bulletin of Moscow Region State University (e-journal)*. 2017. No. 4. P. 1–10. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2017-4-844>. EDN: [YLQFYC](#).
33. Sultanov, B. The Chairmanship of China in the SCO and Relevant Regional Security Issues. *Post-Soviet Continent*. 2018. No. 2 (18). P. 5–15. (In Russian). EDN: [YQIJXF](#).
34. Bekmuratov, I.N. Prospects for the Development of the SCO: A View from Uzbekistan. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2011. No. 21 (236). P. 11–16. (In Russian). EDN: [OUJZCT](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Дзюба Елена Вячеславовна – доктор филологических наук, профессор, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-3833-516X

Ван Хуэй – аспирант третьего года обучения Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: van4.h@edu.spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов.

Dziuba Elena V. – Doctor of Philology, Professor at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: dzyuba_ev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-3833-516X

Wang Hui – A graduate student at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: van4.h@edu.spbstu.ru

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 07.07.2025.

Одобрена после рецензирования 22.07.2025.

Принята 26.07.2025.

Received 07.07.2025.

Approved after reviewing 22.07.2025.

Accepted 26.07.2025.

research article / научная статья
УДК: 004.8+327
EDN: LWZCYS
DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.6

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Europe's Artificial Intelligence Governance under External Pressure: Implications for Cooperation with China

Yuchuan Li

Shenzhen University (SZU), Shenzhen, Guangdong, China.
 2022071085@email.szu.edu.cn

Abstract

Introduction. China and the European Union (EU) have established a robust foundation for international cooperation within the framework of the Belt and Road Initiative (BRI), evolving from initial infrastructure-centered projects toward advanced technological innovation. Among these emerging technologies, artificial intelligence (AI) has emerged as a critical frontier technology, commanding the strategic interest of both parties due to its transformative impact on socioeconomic development, global competitiveness and innovation potential. Recognizing complementary strengths, China and the EU aim to further AI cooperation. However, extant AI collaboration is encumbered by several challenges, which should be addressed by corresponding strategies.

Materials and Methods. Consequently, this study adopts two key methods for discussing the issue – critical literature review and case study approach, integrating a literature review of 21 relevant articles (2005–2025) and case analyses of the EU AI Act and EU perceptions of China's AI rise. Materials covers three dimensions: the BRI and China-EU relations, AI cooperation agreements by China and the EU, and AI industry-university-research (IUR) programs.

Results. Key research findings include: Progress in bilateral policy alignment and IUR projects, existing challenges considering EU internal policy divide, market access barriers, partial technological developmental level, and different innovation priorities, and strategic caution in China-EU tech cooperation marked by the EU's FDI screening framework, including Russian field, and labeling China as a “systemic competitor.”

Discussion and Conclusion. To conclude, China and the EU should both enhance policy coordination mechanisms, differentiate development strategies, make reciprocal improvements in market access, and intensify joint technological innovation and industry collaboration. These recommendations offer a strategic roadmap to unlock the full potential of China-EU AI cooperation. The thorough analysis of China-EU collaboration in the domain of AI is bound to encompass the China-Russia cases and can meantime serve as a valuable example for the avoidance of risk, the undertaking of joint research endeavors and the enhancement of competitiveness in future AI collaborations between China and Russia.

Keywords: Belt and Road Initiative (BRI); China-EU Cooperation; Artificial Intelligence (AI); International Cooperation; Technology Governance; Innovation Policy

For citation: Li Yuchuan. Europe's Artificial Intelligence Governance under External Pressure: Implications for Cooperation with China. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 99–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.6.

© Li Yuchuan, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Управление искусственным интеллектом в Европе под внешним давлением: последствия для сотрудничества с Китаем

Ли Ючуан

Шэньчжэньский университет, Шэньчжэнь, провинция Гуандун, Китай
 2022071085@email.szu.edu.cn

Аннотация

Введение. Китай и Европейский союз создали прочную основу для международного сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь», развиваясь от первоначальных проектов, ориентированных на инфраструктуру, к передовым технологическим инновациям. Среди этих новых технологий искусственный интеллект стал важнейшей пограничной технологией, вызывающей стратегический интерес обеих сторон из-за его преобразующего воздействия на социально-экономическое развитие, глобальную конкурентоспособность и инновационный потенциал. Признавая взаимодополняющие сильные стороны, Китай и Евросоюз стремятся к дальнейшему сотрудничеству в области искусственного интеллекта. Однако эффективность сотрудничества в этой области затруднено рядом проблем, которые должны решаться соответствующими стратегиями.

Материалы и методы. В исследовании используются два ключевых метода обсуждения проблемы, основанной на критическом обзоре научных статей, опубликованных в 2005–2025 гг. и анализе законодательства, в том числе Закона Европейского союза об искусственном интеллекте. Материалы охватывают три измерения: материалы инициативы «Пояс, путь», особенно отношения между Китаем и европейскими странами, соглашения о сотрудничестве в области искусственного интеллекта между Китаем и Евросоюзом и программ исследований в области искусственного интеллекта в университетах, с ориентацией на промышленность.

Результаты. Выявлен прогресс в согласовании двусторонней политики проектов развития активной инновационной среды и динамичными возможностями развития промышленности и рынка. Существуют проблемы, связанные с внутренним политическим разделением Европейского союза, барьеры для доступа на рынок. Установлен различный уровень технологического развития и различные приоритеты инноваций, а также стратегическая осторожность в технологическом отношении, отмеченная системой проверки прямых иностранных инвестиций в странах Европы, включая Россию, и маркировкой Китая как «системного конкурента».

Обсуждение и Заключение. Китай и Европейский союз должны усилить механизмы координации политики, дифференцировать стратегии развития, внести взаимные улучшения в доступ к рынкам и усилить совместные технологические инновации и отраслевое сотрудничество. Эти рекомендации предлагают стратегическую дорожную карту для раскрытия полного потенциала сотрудничества Китая и стран Европы в области искусственного интеллекта. Тщательный анализ сотрудничества обязательно охватит кейсы Китая и России и может послужить ценным примером избегания рисков, проведения совместных исследовательских работ и повышения конкурентоспособности в будущем в области развития искусственного интеллекта.

Ключевые слова: инициатива «Один пояс, один путь»; искусственный интеллект; международное сотрудничество; управление технологиями; инновационная политика

Для цитирования: Ли Ючуан. Управление искусственным интеллектом в Европе под внешним давлением: последствия для сотрудничества с Китаем // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 99–114. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.6.

© Ли Ючуан, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

The Belt and Road Initiative (BRI) has generated significant momentum for exchange and cooperation across countries along its routes in economic, cultural, technological, and other domains. As two of the world's major economic powers, China and the European Union (EU) have continuously sought to strengthen their collaboration under the BRI framework. The BRI, inspired by the spirit of the ancient Silk Road, not only enhances connectivity through infrastructure and trade but also opens new avenues for cutting-edge technological cooperation [1]. In recent years, this initiative has expanded beyond traditional infrastructure projects to include digital and innovation-driven endeavors, creating opportunities for collaborative work in emerging technologies.

Among these emerging technologies, Artificial Intelligence (AI) has become a particularly promising area for China-EU collaboration. Each side brings complementary strengths: China possesses vast data resources, a dynamic market, and rapid application-driven innovation capabilities, whereas the EU leads in AI-related ethical frameworks, regulatory design, fundamental research, and certain high-end industrial applications [2]. As AI technology advances rapidly and global competition intensifies, both China and the EU recognize the importance of leveraging their complementarities and strengthening mutual AI cooperation. The BRI provides a solid political foundation and broad platform for this cooperation, as evidenced by active bilateral communication and alignment efforts (“policy coordination, facilities connectivity, unimpeded trade, financial integration, and people-to-people bonds”) [3]. BRI-driven growth in trade and investment has already begun to benefit the China-EU AI industry by expanding market space for joint AI projects [4]. Moving forward, there is clear potential for collaboration in areas such as semiconductor chip development, AI applications expansion, and joint technological research.

As one of the major powers in Europe, Russia has been keeping up with the trend of times, actively fostering the partnership and maintaining friendly exchanges with China in various aspects. With positive responses to policy calls and strategic alignment, a series of cooperation consensus between the two countries have been put into practice, with remarkable collaborative results achieved, making Russia one of the most important partners for China in jointly building the BRI [5].

With regard to the potential for AI cooperation, a favorable outlook is also predicted for China and Russia. Russia has a longstanding tradition in mathematics and theoretical physics, providing a solid theoretical foundation for research in artificial intelligence algorithms. Meanwhile, China has experienced significant advancements in the field of Artificial Intelligence with numerous application scenarios and robust market demand. A mutually beneficial collaboration between the two sides is possible in the domains of medical AI and smart city construction, among others. As a member of the EU, Russia accords significant importance to the issue of AI ethics and regulation [6]. A thorough examination of the prevailing circumstances, challenges, and approaches to China-EU collaboration in the domain of AI is bound to encompass the China-Russia cases. This analysis can serve as a valuable exemplar for the avoidance of risk, the undertaking of joint research endeavors, and the enhancement of competitiveness in future AI collaborations between China and Russia.

Building on the BRI context that offers abundant opportunities for China-EU AI development, this study aims to analyze the current status, challenges and corresponding strategies of China-EU AI cooperation guided by the BRI. It specifically addresses three core questions: What are the existing achievements made in China-EU AI collaboration across policy, industry, and academia? How do EU internal division (e.g., the debates on the EU AI Act and geopolitical factors (e.g., China as a “systemic competitor”) impact cooperation? What targeted strategies can enhance mutual trust and bilateral innovation synergies? To answer these three questions, the study first maps the current achievements of China-EU AI cooperation, investigates the underlying challenges that both sides face in advancing AI cooperation, and analyses how such factors impact long-term cooperation, illuminating why certain frictions persist despite the BRI’s supportive framework [7]. Finally, based on this analysis, the study proposes a set of targeted strategies and recommendations aimed at resolving these issues and developing effective cooperation models for China and the EU in the AI domain.

This study is significant both theoretically and practically in the context of international technology cooperation. Taking the current status of China-EU AI cooperation as the subject, this study conducts a thorough analysis of the prevailing issues and the measures adopted in response, with the objective of providing useful references for the enhancement of international AI collaboration in the future. In theory, as international technological collaboration becomes increasingly crucial for global economic development, there is a need for focused research on cooperation between major regions (such as China and the EU) in critical fields like AI. By examining China-EU AI cooperation under the BRI, this paper fills a gap in the literature on global technological collaboration, offering insights into collaborative innovation, knowledge transfer, and policy coordination from a new perspective. In practice, identifying the existing problems in China-EU AI collaboration and proposing tailored solutions can help improve the efficiency and environment of cooperation. Strengthened AI partnerships between China and the EU – both leading economic powers – would facilitate better allocation of global innovation resources, promote the sharing and application of scientific advancements, and provide effective technological support for solving global challenges [8]. In the long run, a robust China-EU AI cooperation not only benefits both parties but also contributes to a mutually beneficial partnership that can drive progress and prosperity for the international community.

Literature Review

This study began with a critical analysis focusing on publications from 2005 to 2025 related to China-EU AI cooperation under the BRI. The primary source for literature was the China National Knowledge Infrastructure (CNKI) academic journal database. A comprehensive search was conducted using keywords such as “China-EU relations,” “Belt and Road Initiative,” and “AI cooperation,” with the query refined to peer-reviewed academic journals. After filtering out duplicates and marginally relevant hits, 21 relevant journal articles were identified and reviewed (search completed by March 4, 2025). These publications provided background on the evolution of China-EU relations in the context of the BRI and insights into any existing discussion of AI collaboration between the two sides. This helped in pinpointing the research gaps – notably, while numerous works discuss BRI

projects or general tech cooperation, few delve into the specifics of AI collaboration – thereby clarifying the direction for the subsequent focused analysis in this paper.

The promotion of the BRI in China-EU AI cooperation in the key field of international technology is the focus of this study, which aims to provide both theoretical and pragmatic guidance on bilateral strategies in AI development. The extant literature has predominantly focused on the evolution of China-EU collaboration (particularly with regard to economic aspects) concerning the BRI. This collaborative endeavour has progressed from an early phase, distinguished by its ambiguity and limited engagement, to a more advanced stage characterized by comprehensive and profound involvement. Some researches seek to explore the changes in the EU's stance on the BRI in different periods, with particular attention to the influence of both internal and external factors. It is noteworthy that recent studies have identified technological cooperation, particularly in the field of AI, between China and the EU as being pivotal and promising, if a more robust foundation of mutual trust in political strategy is built.

The majority of literature on this subject adopts a favourable stance on China-EU cooperation, with the focus of the literature being on the challenges that are likely to be encountered and the countermeasures that have been proposed to address them. However, there is a paucity of extant studies that have conducted in-depth analyses on the field of AI, and there are gaps in key issues such as cooperation models, possible obstacles, and strategic guidance in the current situation. The objective of this study is to address these gaps in the existing literature.

Case Study Approach

In addition to literature review, the study employs a case study approach to conduct in-depth analysis of China-EU AI collaboration dynamics. Two cases were selected for their relevance to the identified challenges: (1) the development and implications of the EU Artificial Intelligence Act, and (2) European reports and policy actions reflecting the EU's perception and cautious approach toward China's rise in AI. The first case – analysis of the EU AI Act's legislative process, content, and debates – allows examination of how AI governance is evolving in Europe and what it might mean for cooperation. These two case studies – one focused on regulatory governance and the other on geopolitical perception – provide a micro-level look at the challenges identified in the broader analysis. The insights gained from the cases inform the discussion of problems and shape the recommendations for more effective cooperation strategies. After conducting these case studies, the findings were synthesized. Successful experiences were noted (where cooperation overcame challenges) and persistent issues were analysed, leading directly into the formulation of targeted cooperation strategies presented in the Discussion section.

Materials

Previous Studies on the BRI and China-EU Relations

The Belt and Road Initiative (BRI) has been widely studied as a framework that strengthens China's ties with countries around the world, including those in Europe. According to both policy documents and scholarly analyses, the BRI emphasizes five forms of connectivity inherited from the spirit of the ancient Silk Road: policy coordination, infrastructure connectivity, trade facilitation, financial integration, and people-to-people

bonds [9]. In the context of China-EU relations, prior studies have highlighted substantial progress in each of these areas over the past decade.

At the policy coordination level, China and the EU have established comprehensive dialogue mechanisms. Regular leadership visits and annual summits have led to platforms like the China-EU Connectivity Platform and sub-regional initiatives such as the “17+1” cooperation with Central and Eastern European countries [10]. Bilaterally, China has signed BRI cooperation memoranda with 27 European countries [11]. A notable example in terms of infrastructure connectivity is the China-Europe Railway Express, which by 2023 reached over 200 cities in 25 European countries – running over 78,000 train trips and transporting goods worth over \$300 billion – significantly enhancing logistical efficiency across the continent [12].

Alongside infrastructure, trade facilitation between China and the EU has grown, between 2014 and 2024, EU imported to China grow by 101.9% and exported by 47.0%. In 2024, EU exported of goods to China worth €213.3 billion and imported goods worth €517.8 billion [13]. Enhanced financial integration is another outcome, exemplified by the active participation of European countries in institutions like the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB) – 26 European countries have joined, with 15 as founding members. Furthermore, China’s membership in the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) has introduced additional funding for joint projects. Finally, people-to-people bonds have strengthened through cultural and educational exchanges. Initiatives like the China-EU High-Level People-to-People Dialogue have spurred events (e.g., a China-EU Culture and Art Festival) [14] and programs like the Sino-French Hundred Schools Exchange [15]. By 2023, China had established Confucius Institutes in 41 European countries [16]. These developments demonstrate that the BRI has underpinned decades of increasing China-EU cooperation. The overarching trend under the BRI has been one of pragmatic collaboration driven by mutual economic interests and the pursuit of competitive advantages.

AI Cooperation Agreements by China and the EU

With the rapid progress of AI, both China and the EU have actively put forward proposals and agreements to guide AI development and governance. In October 2023, President Xi Jinping announced China’s Global AI Governance Initiative at the Third Belt and Road Forum, signaling China’s commitment to shaping international norms for AI. The EU, for its part, released a White Paper on Artificial Intelligence in 2020 and has been in the process of adopting the EU AI Act (entered into force on August 1, 2024), aiming to regulate AI within its single market [17]. In late 2023, the Bletchley Declaration was signed by the EU and 27 other countries (including China) as a call for global attention to safe and ethical AI use [18]. More recently, at the AI Action Summit 2025, over 60 countries – among them China and key EU member states – endorsed the Statement on Inclusive and Sustainable AI for People and Planet [19], which emphasizes legally sound and socially beneficial AI development. In addition, China and individual EU countries have pursued bilateral understandings; for example, in 2024 China and France issued a Joint Statement on Artificial Intelligence and Global Governance, committing to the secure and trustworthy development of AI [20]. These agreements and policy initiatives serve both as a bond bringing China and

European partners together on AI cooperation and as safeguards against misuse of AI technology.

China-EU Industry–University–Research (IUR) Programs in AI

Concrete collaborations in AI between China and European partners have been emerging through industry–university–research initiatives. One notable example is the partnership with the German Research Centre for Artificial Intelligence (DFKI): in 2019, China and DFKI jointly established the Sino-German Artificial Intelligence Cooperation Center and an AI Accelerated Incubation Centre in Shanghai, which facilitates comprehensive joint exploration in AI and related fields like augmented reality, and supports industry by incubating innovative projects [21]. Beyond Germany, other European countries have also engaged with China on AI. In late 2024, an academic forum in Bucharest marking 75 years of China-Romania diplomatic ties brought Chinese and Romanian scholars together. They held in-depth discussions on AI and other advanced topics, shared research findings, and set objectives for follow-up joint research – an event reported to have strengthened plans for future Sino-Romanian collaboration in AI [22].

Collaborations are also forming in specialized sub-fields of AI across different countries. For example, institutions like Zhongguancun Science City and Beihang University’s Robotics Institute on the Chinese side have engaged with the Italian National Competence Centre for Robotics to exchange ideas on robotics innovation, paving the way for collaborative innovation and joint achievements in robotics and AI [23]. The private sector, too, has showcased cooperative potential: in July 2024, CITIC Telecom and its subsidiaries demonstrated integrated “cloud-network-security” solutions using AI for a Sino-French business audience, effectively helping French enterprises localize their operations in China and vice versa through AI-powered services [24]. Academic output reflects this rising cooperation trend as well. Notably, the number of academic papers co-authored by Chinese and European researchers in AI has steadily grown since 2011, and by 2022 it surpassed the volume of China-US joint publications in AI. The Chinese Academy of Sciences, for instance, has become a leading contributor of AI research in partnership with European institutions [25]. Such data suggest a deepening academic linkage and mutual openness, exemplified recently by the global impact of platforms like DeepSeek (a Chinese open-source AI model) which European researchers are studying closely [26].

In summary, China-EU AI cooperation at the IUR level is on an upward trajectory, evidenced by joint centres, exchange programs, industry showcases, and scholarly collaborations.

Results

Policy Developments: The EU AI Act and Trans-European Variations

Within Europe, the drafting and passage of the EU AI Act have revealed significant internal divisions regarding AI governance. Some member states and stakeholders argue for stricter oversight to preemptively mitigate AI’s risks, while others worry that overregulation could stifle innovation. Countries like France and Germany, home to some of Europe’s most promising AI startups (e.g., Aleph Alpha, DeepL, Mistral AI), have voiced concerns that excessively stringent rules might hinder their nascent AI industries. The French startup Mistral AI warned that heavy compliance burdens could undermine the EU’s competitiveness, especially against a backdrop of looser regulations in other regions like the

United States. Similarly, companies such as Meta (which operates globally including in Europe) emphasize the need for openness to drive technological breakthroughs, cautioning against rules that might inadvertently slow progress [27]. The implementation of the AI Act is expected to require companies to invest more in compliance (lawyers, documentation, risk mitigation research) rather than purely in R&D. As noted by the Cecilia Bonefeld-Dahl – Director General of Digital Europe (a major tech industry group), firms might end up diverting substantial resources towards meeting regulatory requirements instead of hiring AI engineers for innovation. This internal debate highlights a core dilemma for the EU: how to balance ethical oversight and safety with the necessity of fostering a vibrant AI industry [28].

According to data from Eurostat, in 2023 the adoption rate of AI in enterprises was above 15% in countries like Denmark and Finland, yet remained below 4% in others like Romania, Bulgaria, and Poland [29]. This “Old Europe vs. New Europe” gap in digital capacity means that a one-size-fits-all regulation could affect members differently, and it poses a challenge for collective advancement in AI. Fragmented technological development within Europe can hamper the EU’s overall ability to cooperate effectively with external partners like China, since differing national capabilities may lead to varying priorities or absorption capacities in joint projects. How the EU strikes this balance will significantly influence the form and success of AI cooperation with external partners under frameworks like the BRI.

Strategic Caution Toward China: Shifting Perceptions in EU Discourse

As China’s technological prowess and global influence have grown, European attitudes toward collaboration with China in high-tech fields have become more cautious. Signs of this emerging wariness were visible as early as 2018. In December 2018, Luxembourg hosted a cooperation conference reviewing EU AI project, where one session involved China’s AI unicorn company DeepBlue showcasing six cutting-edge AI research results. Although experts praised DeepBlue’s achievements – it even passed a project review unanimously – the event also rang alarm bells for some European officials and scientists. Prominent voices, such as Luxembourg’s Marco Walentiny and others, openly expressed concern that China’s rapid progress in AI could challenge Europe’s own tech companies, worrying that smaller European states might become dependent on or overtaken by Chinese AI firms [30].

By 2019, such concerns were prompting concrete policy responses. A report by the Federation of German Industries (BDI) in January 2019 warned that China, through active industrial and innovation policies, was on track to become a leading technological power, exerting pressure on German and EU industries. This perspective influenced the highest levels of EU policy: in March 2019, the European Commission’s strategic outlook on EU-China relations echoed the BDI’s view by referring to China not just as a partner but also as a “systemic competitor.” Around the same time, the EU moved to protect its technological assets by approving a Foreign Direct Investment (FDI) Screening Framework (enforced from 2019 onwards). This framework explicitly included sectors like artificial intelligence in the scope of investments to be scrutinized, an action clearly aimed at monitoring and potentially restricting Chinese investments in sensitive European tech companies.

These developments indicate that, in recent years, many EU member states have shifted to a more defensive posture regarding China: cooperation is still desired, but there is a heightened emphasis on safeguarding core technologies and avoiding unwanted dependencies [31]. Such an environment inevitably increases the complexity and difficulty of Sino-European scientific and technological cooperation, as trust needs to be rebuilt and common ground deliberately sought despite strategic tensions.

Barriers to Cooperation: Compliance, Market Entry, and Innovation Styles

1. The EU's Internal Divisions Hindering Unified Planning. One major challenge is the lack of a unified EU stance on AI development and governance, which complicates joint planning with China. Within the EU, debates continue over the strictness of AI regulation – whether rules should be tightened to prevent misuse or relaxed to encourage innovation. These unresolved internal differences mean the EU struggles to formulate a single, coherent strategy on AI. Consequently, when engaging with China, the EU cannot always offer a clear unified cooperation framework or standard, which leads to higher communication and coordination costs and makes it difficult to pursue truly joint and streamlined China-EU AI initiatives, as extra effort is needed to navigate a patchwork of differing national regulations and opinions within Europe and reconcile varying expectations and guidelines.

2. Divergent Development Levels Hampering Cooperation. Within the EU, some member states are at the forefront of AI adoption while others are far behind, which forces China to adopt differentiated cooperation strategies for different partners [32]. Managing such a complicated spectrum of partnerships increases the management overhead of cooperation. Moreover, if we compare overall capabilities, China's AI sector – bolstered by a huge market, fast-growing companies, and state support – in many respects is moving faster than the EU's, which has a more fragmented market and fewer globally dominant AI firms. This imbalance can lead to tensions over issues like technology transfer or intellectual property, integration of industries, expected outcomes, and the fair distribution of benefits in joint projects. In essence, differing development levels mean China-EU AI cooperation does not start on an even playing field, making it harder to set mutual goals and achieve equitable, satisfactory results for all parties.

3. Market and Investment Barriers Limiting Cooperation Scale. The stringent requirements envisioned by the EU's market access and investment policies obviously raise the entry bar for Chinese AI firms in Europe [33]. Even large Chinese companies must invest heavily in upgrading technologies, obtaining legal advice, and undergoing compliance training to meet the EU's high standards for security, privacy, and ethics. This can discourage some enterprises from expanding to Europe or limit the number of joint ventures initiated. Conversely, European authorities have grown more cautious about incoming investments: the EU's tighter FDI screening (partially motivated by concerns over China) means Chinese investments or acquisitions in European tech firms face greater scrutiny and sometimes rejection. This cautious stance is driven by a desire to protect national security and prevent loss of competitive advantage, but it also means fewer opportunities for free collaboration and more obstacles to scale up joint AI initiatives or capitalize on cross-investment opportunities [34].

4. Differences in Research and Innovation Approaches. The EU has a strong tradition in fundamental research grounded in mathematics, logic, and algorithm theory – its AI

efforts often emphasize rigorous theoretical breakthroughs and long-term development of technologies [35]. Such an approach means that turning lab discoveries into practical applications can be a slow process. China, by contrast, excels in application-driven innovation: leveraging vast datasets, a thriving developer community, and a receptive market, Chinese AI enterprises rapidly deploy AI solutions in real-world scenarios and iterate on them. While these approaches are complementary in principle, they can be out of sync in practice. European basic research results might not find immediate application or might require adaptation to fit commercial needs, whereas China's fast-paced innovations might outstrip the underlying theoretical verification that European researchers expect. If not managed, such alignments can lead to frustrations, with each side feeling the other is either "too slow" or "too applied," thus impeding seamless cooperation in AI R&D.

Discussion

Strengthening Policy Coordination

The first strategy is to strengthen communication and coordination on AI policies at multiple levels between China and the EU. Both sides should work on institutionalizing a regular policy dialogue mechanism dedicated to AI and emerging technologies. This could involve scheduled high-level exchanges – such as annual summits or intergovernmental working groups – and joint expert seminars focusing on AI development strategies, regulatory approaches, and ethical guidelines. Such sustained dialogue would help both parties clarify mutual cooperation targets, primary areas of interest, and implementation roadmaps, thereby preemptively addressing misunderstandings or policy discrepancies. Additionally, China and the EU should actively collaborate in international forums on AI governance (for example, within the UN or GPAI contexts) to jointly advocate for a fair and effective global AI governance framework. Enhanced policy dialogue will create a more predictable and aligned policy environment for bilateral AI projects, reducing the uncertainties that arise from differing interpretations and ensuring both sides move in the same direction on governance issues.

Bridging Development Gap

The second strategy is to bridge the gap in AI development levels to ensure more balanced collaboration. China can pursue differentiated partnership models with European countries based on each country's AI maturity. For those EU members with advanced AI adoption (e.g., Denmark, Finland, France, Germany), cooperation can centre on joint R&D initiatives in cutting-edge fields and exchanges of high-level talent. In contrast, for countries where AI deployment is still nascent (e.g., in parts of Eastern and Southern Europe), China could focus on technology transfer, demonstration projects, and training programs that help build foundational AI capabilities [36]. Beyond bilateral efforts, China might also support the establishment of AI innovation hubs or incubators in less-developed European regions, or co-funding start-ups and research projects in those areas. Such initiatives would help diffuse advanced technologies across the EU, narrow the internal digital gap, and ultimately elevate the baseline for China-EU AI cooperation. By leveling up the playing field, these efforts create a stronger foundation for collaboration, ensuring that all partners can contribute to and benefit from joint AI projects more equitably.

Optimizing the Market Environment

Another crucial strategy is to create a more open and secure market environment for AI cooperation. Both China and the EU should work in tandem to lower entry barriers and mitigate protectionist frictions. For Europe, this could mean streamlining approval processes for qualified Chinese AI companies and calibrating investment review mechanisms. In parallel, China can further open its domestic AI market to European firms, ensuring an open and level playing field [37]. Bilateral agreements or memoranda of understanding might be established to formally safeguard the rights of each side's enterprises operating abroad – for example, agreements on data protection reciprocity or mutual recognition of certain safety standards in AI. Additionally, the two sides could consider setting up a joint China-EU AI investment fund or financing platform, which encourages co-investment in AI start-ups and projects of mutual interest, sharing risks and benefits [38]. By improving transparency and trust in how investments are handled, China and the EU can reduce fears that often lead to strict investment barriers [39]. Easing market access, protecting investors' rights, and providing joint financial support mechanisms will collectively expand the scope of China-EU AI cooperation and build confidence among industry players.

Fostering Innovation Synergies

A fourth strategy is to deepen direct technological collaboration and jointly build AI industry ecosystems. China and the EU should increase projects in bilateral cooperation by establishing more joint laboratories, research institutes, and innovation centers focused on AI. These joint hubs would bring together talent, funding, and expertise from both sides, creating a platform for continuous collaboration on research projects and technology development. It's also important to encourage mobility and exchange among AI researchers and engineers – through joint training programs, mutual visits, and perhaps co-advising of doctoral students – to cultivate a generation of experts fluent in transnational collaboration. On the industry front, China and the EU might consider co-developing AI industry parks or innovation zones that leverage each side's advantages, benefiting from agglomeration effects (a complete AI industry chain that spans hardware, software, applications, and services) [40]. A practical extension of this idea is to collaboratively carry out AI projects in third-party markets, particularly in countries along the Belt and Road. These measures will help weave a tighter network of cooperation, ensuring that technological advancement becomes a shared endeavor.

Implications for China-Russia Cooperation

Although this study is concentrated on China-EU AI cooperation, the framework for addressing regulatory disparities and innovation gaps offers insights for that between China and Russia. For instance, Russia's theoretical AI capabilities rooted in mathematical traditions could complement China's applications driven by data, which resembles the EU's strengths in fundamental research. With shared critical interests in AI ethics and Eurasian connectivity, future China-Russia cooperation should make good use of bilateral partnership and mathematical research excellence to carry out an outstanding AI governance model for the global world.

Conclusion

In conclusion, this study examined the status quo, challenges, and potential strategies for China-EU AI cooperation in the context of the Belt and Road Initiative. In summary of

the scientific findings, analysis above identifies Europe's ongoing debates over how strictly to regulate AI, the disparities in AI development and capabilities between the two sides (and within the EU), restrictive market and investment policies that limit exchange of technology and capital, and divergent focuses in innovation that can cause misalignment in joint efforts. Research results also present a "three-layer coordination model" (policy alignment, market facilitation, academic exchange) to address both macro-level governance gaps and micro-level industry frictions.

To move forward, the paper recommends a multifaceted approach. Policy-wise, China and the EU should establish more robust and regular dialogues to harmonize AI governance strategies and build mutual trust. Development-wise, tailored cooperation frameworks are needed to uplift less advanced participants so that collaboration can happen on more equal footing. Market-wise, reducing barriers and creating joint investment instruments would provide a more enabling environment for businesses and innovators from both sides. Innovation-wise, setting up joint research ventures and industry partnerships will integrate resources and expertise, creating synergies across the entire AI value chain. Strengthening cooperation in AI not only addresses specific bilateral goals but also contributes solutions to global challenges (through shared AI governance and innovations), thereby benefiting the international community. In providing both an analysis of current obstacles and a roadmap for overcoming them, this study contributes to a deeper understanding of how two major powers can collaborate on frontier technologies in a way that fosters mutual benefit and shared progress.

As a key EU member and strategic partner of China, Russia's stance makes an influence on the China-EU AI cooperation landscape. Considering the promising prospects, deepening cooperation between Russia and China in the field of artificial intelligence is not only of great significance for the implementation of the "Digital Silk Road" as an extension of the BRI, but also will help further enhance the effectiveness of AI cooperation between China and Europe.

REFERENCES

1. You Nan 游楠. "Yidai yilu" zhanlue he zhong ou jingmao guanxi "一带一路"战略和中欧经贸关系 [The Belt and Road Initiative and China-EU Economic and Trade Relations]. *Lilun yuekan* 理论月刊 [Theoretical Monthly]. 2016. No. 10. P. 166–170, 188. (In Chinese). <https://doi.org/10.14180/j.cnki.1004-0544.2016.10.030>.
2. Zhang Lingjuan 张令娟. "Yidai yilu" beijing xia de zhongguo yu oumeng jingmao guanxi yanjiu "一带一路"背景下的中国与欧盟经贸关系研究 [A Study on China-EU Economic and Trade Relations Under the Belt and Road Initiative]. *Jiage yuekan* 价格月刊 [Price Monthly]. 2018. No. 7. P. 59–63. (In Chinese). <https://doi.org/10.14076/j.issn.1006-2025.2018.07.10>.
3. Feng Zhongping 冯仲平, Huang Jing 黄静. Zhongou "yidai yilu" hezuo de dongli, xianzhuang yu qianjing 中欧 "一带一路" 合作的动力、现状与前景 [The Driving Force, Current Situation and Prospects of China-EU "Belt and Road" Cooperation]. *Xiandai guoji guanxi* 现代国际关系 [Modern International Relations]. 2016. No. 2. P. 9–15, 64. (In Chinese).
4. Yao Ling 姚铃. Tuijin "yidai yilu" jianshe, shenhua zhongou jingmao hezuo 推进 "一带一路" 建设, 深化中欧经贸合作 [Promoting the Belt and Road Initiative and Deepening China-EU Economic and Trade Cooperation]. *Zhongguo yuanyang hangwu* 中国远洋航务 [China Shipping]. 2016. No. 2. P. 40–41, 10–11. (In Chinese).
5. Li Xing 李兴. Gongjian "yidai yilu" shinian zhonghe "wutong" hezuo de zhuyao chengjiu yu weilai zhanwang 共建 "一带一路" 十年中俄 "五通" 合作的主要成就与未来展望 [Major Achievements and

Future Prospects of China-Russia “Five Connectivities” Cooperation in the Belt and Road Initiative over the Past Decade]. *Guizhou sheng dangxiao xuebao* 贵州省党校学报 [Journal of Guizhou Provincial Party School]. 2023. No. 6. P. 113–121. (In Chinese). <https://doi.org/10.16436/j.cnki.52-5023/d.2023.06.003>.

6. Zhang Jian 张建. Eluosi rengong zhineng fazhan de taishi, buju tedian ji guoji yingxiang fenxi 俄罗斯人工智能发展的态势、布局特点及国际影响分析 [Analysis of the Development Trends, Layout Characteristics, and International Impact of Russia’s Artificial Intelligence]. *Eluosi yanjiu* 俄罗斯研究 [Russian Studies]. 2025. No. 1. P. 24–53. (In Chinese).

7. Wu Jingdong 吴敬东. “Yidai yilu”: yinling zhongou gong zhumeng “一带一路”: 引领中欧共筑梦想 [“One Belt, One Road”: Leading China and Europe to build a common dream]. *Dangjian* 党建 [Party Building]. 2014. No. 12. P. 61–63. (In Chinese).

8. Li Honglin 李虹林, Fu Hua 付华. Youshi hubu tisheng zhongou keji hezuo zhiliang 优势互补提升中欧科技合作质量 [Complementary Strengths to Enhance the Quality of China-EU Science and Technology Cooperation]. *Zhongguo touzi (zhongyingwen)* 中国投资 (中英文) [China Investment (Bilingual)]. 2020. Z7. P. 80–81. (In Chinese).

9. Song Lilei 宋黎磊. Oumeng “hulian hutong” zhanlue xin jinzhan yu zhongou “yidai yilu” hezuo 欧盟“互联互通”战略新进展与中欧“一带一路”合作 [New Progress of the EU’s “Interconnectivity” Strategy and China-EU “Belt and Road” Cooperation]. *Dangdai zhongguo yu shijie* 当代中国与世界 [Contemporary China and the World]. 2024. No. 2. P. 119–128. (In Chinese).

10. Xu Jingyi 徐菁忆. “Yidai yilu” shiyu xia kuaquyu duocengji hezuo moshi yanjiu - yi zhongguo yu zhongdongou guojia hezuo wei li “一带一路” 视域下跨区域多层次合作模式研究—以中国与中东欧国家合作为例 [A Study on Cross-Regional and Multi-Level Cooperation Models under the Perspective of the Belt and Road Initiative: A Case Study of Cooperation between China and Central and Eastern European Countries]. *Zhongyang shehui zhuyi xueyuan xuebao* 中央社会主义学院学报 [Journal of the Central Socialist College]. 2022. No. 2. P. 42–52. (In Chinese).

11. Ou Shiping 欧时平. Zhongou gao zhiliang gong jian “yidai yilu” xing wen zhiyuan qianjing guangkuo 中欧高质量共建“一带一路” 行稳致远 前景广阔 [High-Quality Co-construction of the Belt and Road Initiative between China and Europe: Steady Progress and Broad Prospects]. 20.10.2023. *Xinhua she* 新华社 [Xinhua News Agency]. Available at https://www.news.cn/world/2023-10/20/c_1212291749.htm (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).

12. Yuan Weijie 袁维杰, Cao Yang 曹洋. “Yidai yilu” changyi beijing xia gao zhiliang jianshe zhongou ban lie: yiyi, tiaozhan ji duice “一带一路” 倡议背景下高质量建设中欧班列: 意义、挑战及对策 [High-Quality Construction of China-Europe Trains under the Belt and Road Initiative: Significance, Challenges, and Countermeasures]. *Kelamayi xue kan* 克拉玛依学刊 [Karamay Academic Journal]. 2024. No. 14 (03). P. 42–51. (In Chinese). <https://doi.org/10.13677/j.cnki.cn65-1285/c.2024.03.06>.

13. Slight Decline in Imports and Exports from China in 2024. 04.03.2025. *Eurostat*. Available at <https://ec.europa.eu/eurostat/web/products-eurostat-news/w/ddn-20250304-1> (accessed: 11.03.2025).

14. Zhonghua renmin gongheguo zhu oumeng shituan 中华人民共和国驻欧盟使团. 2018 zhongou lvyou nian ji disijie zhongguo-oumeng wenhua yishujie kaimu 2018 中欧旅游年暨第四届中国-欧盟文化艺术节开幕 [Opening of the 2018 China-EU Tourism Year and the 4th China-EU Art Festival]. 11.07.2018. *Zhonghua renmin gongheguo zhu oumeng shi tuan* 中华人民共和国驻欧盟使团 [Mission of the People’s Republic of China to the European Union]. Available at http://eu.china-mission.gov.cn/rwjl/whhz/201807/t20180711_8428629.htm (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).

15. Liu Juanping 刘娟平, Wang Chuan 王川. “Yidai yilu” zai ouzhou de shinian: chengjiu, tiaozhan yu yuanjing “一带一路” 在欧洲的十年: 成就、挑战与远景 [Ten Years of the Belt and Road Initiative in Europe: Achievements, Challenges, and Prospects]. *Kelamayi xuekan* 克拉玛依学刊 [Karamay Journal]. 2024. No. 2. P. 50–57. (In Chinese). <https://doi.org/10.13677/j.cnki.cn65-1285/c.2024.02.04>.

16. Zhongguo guoji zhongwen jiaoyu jijin hui 中国国际中文教育基金会 [Chinese International Education Foundation]. *Quanqiu wangluo* 全球网络 [Global Network]. Available at <https://www.cief.org.cn/qq> (accessed: 11.03.2025). (In Chinese).

17. Qiu Jing 邱静. Zhongou shenhua rengong zhineng zhili hezuo 中欧深化人工智能治理合作 [Deepening China-EU Cooperation in AI Governance]. 06.12.2023. *Zhongguo wang* 中国网 [China.org.cn]. Available at http://news.china.com.cn/2023-12/06/content_116860801.shtml (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).
18. Zhongguo deng 28 guo ji oumeng qianshu shouge quanqiu AI shengming 中国等 28 国及欧盟签署首个全球 AI 声明 [China and 28 other countries and the EU sign the first global AI statement]. 27.12.2023. *Zhongguo kexueyuan* 中国科学院 [Chinese Academy of Sciences]. Available at http://www.ecas.cas.cn/xxkw/kbcd/201115_144389/ml/xxhzlyzc/202312/t20231227_4992986.html (accessed: 08.03.2025). (In Chinese).
19. Rengong zhineng de quanqiu boyi: 61 fang gongtong fabu bali rengong zhineng xuanyan, meiguo yingguo jujue qianshu 人工智能的全球博弈：61 方共同发布巴黎人工智能宣言，美国英国拒绝签署 [Global AI Game: 61 Parties Jointly Release the Paris AI Declaration, the United States and the United Kingdom Refuse to Sign]. 18.02.2025. *Zhongguo xinwen wang* 中国新闻网 [China News Network]. Available at <https://www.chinanews.com.cn/cj/2025/02-18/10370185.shtml> (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).
20. Zhonghua renmin gongheguo he falanxi gongheguo guanyu rengong zhineng he quanqiu zhili de lianhe shengming 中华人民共和国和法兰西共和国关于人工智能和全球治理的联合声明 [Joint Statement of the People's Republic of China and the French Republic on Artificial Intelligence and Global Governance]. 07.05.2024. *Xinhua she* 新华社 [Xinhua News Agency]. Available at https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202405/content_6949586.htm (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).
21. Zhong de rengong zhineng hezuo zhongxin zai Shanghai chengli 中德人工智能合作中心在上海成立 [Sino-German AI Cooperation Center Established in Shanghai]. 18.04.2019. *Zhongguo xinwen wang* 中国新闻网 [China News Network]. Available at <https://www.chinanews.com.cn/cj/2019/04-18/8812561.shtml> (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).
22. Zhong luo jianjiao 75 zhounian xueshu luntan zai bujialesite juban 中罗建交 75 周年学术论坛在布加勒斯特举办 [Academic Forum Marking the 75th Anniversary of China-Romania Diplomatic Ties Held in Bucharest]. 16.11.2024. *Xinhua she* 新华社 [Xinhua News Agency]. Available at https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202411/content_6987525.htm (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).
23. Zhang Yulei huijian yidali jiqiren guojia nengli zhongxin zhuren baoluodaliao he zhuxi andongniaofulusuoli 张宇蕾会见意大利机器人国家能力中心主任保罗·达里奥和主席安东尼奥·弗里索利 [Zhang Yulei meets with Director and Chairman of the Italian Center of National Competence on Robotics]. 04.02.2024. *Beijing shi kexue jishu weiyuanhui* 北京市科学技术委员会 [Beijing Municipal Science & Technology Commission]. Available at https://kw.beijing.gov.cn/xwdt/bmdt/202402/t20240204_3816171.html (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).
24. Zhongxin guoji dianxun jituan liangxiang 2024 shijie rengong zhineng dahui 中信国际电讯集团亮相 2024 世界人工智能大会 [Intelligent Innovation and Digital Empowerment: CITIC Telecom Group Appears at the 2024 World Artificial Intelligence Conference]. 05.07.2024. *Zhongxin guoji dianxun* 中信国际电讯 [CITIC Telecom International]. Available at https://www.citictel.com/zh/news_releases/citic-telecom-joins-2024-world-ai-conference-to-showcase-intelligent-innovation-and-digital-empowerment/ (accessed: 11.03.2025). (In Chinese).
25. Lin Hui 林徽. Oumeng quanqiu rengong zhili juese suzao yu weilai lujing xuanze 欧盟全球人工智能治理角色塑造与未来路径选择 [The EU's Role in Global AI Governance and Future Path Choices]. *Guoji Gongguan* 国际公关 [International Public Relations]. 2024. No. 22. P. 97–99. (In Chinese). <https://doi.org/10.16645/j.cnki.cn11-5281/c.2024.22.040>.
26. Bali fenghui, ganshou rengong zhineng fazhan xin maidong 巴黎峰会，感受人工智能发展新脉动 [Paris Summit: Feeling the New Pulse of Artificial Intelligence Development]. 12.02.2025. *Xinhua she* 新华网 [Xinhua News Agency]. Available at <https://www.news.cn/world/20250212/e23a1e5bbcc440e38325ed0ecb0b9abd/c.html> (accessed: 12.03.2025). (In Chinese).
27. Oumeng “rengong zhineng faan” jijiang chutai, zaihuo gejie reping 欧盟《人工智能法案》即将

- 出台, 再获各界热评 [The EU's Artificial Intelligence Act is about to be Introduced and has Once Again Received Heated Comments from All Quarters]. 25.03.2024. *Shanghai qingbao fuwu pingtai* 上海情报服务平台 [Shanghai Institute of Scientific and Technical Information]. Available at <https://www.istis.sh.cn/cms/news/article/45/26803> (accessed: 11.03.2025). (In Chinese).
28. Pan Honglin 潘弘林, Zhang Yi 张艺. Oumeng de rengong zhineng lifa lichengbei shi tupo 欧盟的人工智能立法里程碑式突破: 多方妥协的“微妙平衡” [EU's AI Legislation: A Milestone of Compromise and Delicate Balance]. 13.12.2023. *Fudan fazhan yanjiuyuan* 复旦发展研究院 [Fudan Development Institute]. Available at <https://fddi.fudan.edu.cn/cb/bb/c21253a641979/page.htm> (accessed: 09.03.2025). (In Chinese).
29. 2023nian, 8% de oumeng qiye shiyong rengong zhineng jishu 2023年, 8%的欧盟企业使用人工智能技术 [By 2023, 8% of EU Companies will Use Artificial Intelligence Technology]. 31.05.2024. *Zhongguo guoji maoyi cujin weiyuanhui* 中国国际贸易促进委员会 [China Council for the Promotion of International Trade]. Available at <https://www.ccpit.org/belgium/a/20240531/20240531t8xh.html> (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).
30. Zhongguo rengong zhineng jueqi, shibukedang 中国人工智能崛起, 势不可挡 [The Rise of China's Artificial Intelligence is Unstoppable]. 14.12.2018. *Zhongguo ribao wang* 中国日报网 [China Daily]. Available at http://iot.china.com.cn/content/2018-12/14/content_40614362.html (accessed: 08.03.2025). (In Chinese).
31. Luo Tianyu 罗天宇, Ma Bin 马斌. Oumeng dui “yidai yilu” changyi de zhengce huiying ji qi zhudao luoji 欧盟对“一带一路”倡议的政策回应及其主导逻辑 [The EU's Policy Response to the Belt and Road Initiative and its Dominant Logic]. *Kelamayi xue kan* 克拉玛依学刊 [Karamay Academic Journal]. 2024. No. 03. P. 36–41. (In Chinese). <https://doi.org/10.13677/j.cnki.cn65-1285/c.2024.03.05>.
32. Zhang Ji 张骥, Chen Zhimin 陈志敏. “Yidai yilu” changyi de zhongou duijie: shuangceng oumeng de shijiao “一带一路”倡议的中欧对接: 双层欧盟的视角 [China-EU Connectivity under the Belt and Road Initiative: A Dual-Layer EU Perspective]. *Shijie jingji yu zhengzhi* 世界经济与政治 [World Economics and Politics]. 2015. No. 11. P. 36–52, 156–157. (In Chinese).
33. Ding Chun 丁纯, Zhang Mingxin 张铭鑫, Ji Haonan 纪昊楠. Zhongou shiyu xia de “yidai yilu” jinghe: yanjin, chengyin yu duiou yingxiang 中欧视域下的“一带一路”竞合: 演进、成因与对欧影响 [The Belt and Road Initiative: Competition and Cooperation from a China-Europe Perspective: Evolution, Causes, and Impact on Europe]. *Ouzhou yanjiu* 欧洲研究 [European Studies]. 2023. No. 41 (05). P. 1–34, 173. (In Chinese).
34. Ding Chun 丁纯. Oumeng jingji anquan zhanlue jiqi yingxiang 欧盟经济安全战略及其影响 [The EU's Economic Security Strategy and its Impacts]. *Zhongguo ouzhou xuehui* 中国欧洲学会 [Chinese Association for European Studies]. 21.05.2024. Available at http://caes.cass.cn/yjdt/202405/t20240521_5753685.shtml (accessed: 10.03.2025). (In Chinese).
35. Xu Pengxian 许鹏仙, Zhu Tingjun 朱廷珺. “Yidai yilu” beijing xia zhongou jingmao hezuo qianjing fenxi “一带一路”背景下中欧经贸合作前景分析 [Analysis of the Prospects for China-EU Economic and Trade Cooperation under the Belt and Road Initiative]. *Dongbei ya jingji yanjiu* 东北亚经济研究 [Northeast Asia Economic Research]. 2020. No. 4 (02). P. 32–41. (In Chinese). <https://doi.org/10.19643/j.cnki.naer.2020.02.003>.
36. Zhang Min 张敏. Zhongguo yu nanou guojia gongjian “yidai yilu” de hezuo shijian yu sikao 中国与南欧国家共建“一带一路”的合作实践与思考 [Practices and Reflections on China's Cooperation with Southern European Countries in the Belt and Road Initiative]. *Shijie shehui zhuyi yanjiu* 世界社会主义研究 [World Socialism Studies]. 2023. No. 8 (05). P. 66–75, 119. (In Chinese).
37. Mao Xinya 毛新雅, Men Jing 门镜. “Yidai yilu” jianshe yu zhongou jingmao hezuo “一带一路”建设与中欧经贸合作 [The Belt and Road Initiative and China-EU Economic and Trade Cooperation]. *Dangdai shijie yu shehui zhuyi* 当代世界与社会主义 [Contemporary World and Socialism]. 2017. No. 04. P. 139–145. (In Chinese). <https://doi.org/10.16502/j.cnki.11-3404/d.2017.04.018>.
38. Zhang Mei 张梅, Dong Guangyao 董光耀. Yidai yilu dajian zhongou shenhua hezuo qiaoliang - zhuanfang waijiao bu ouzhou si sizhang Liu Haixing 一带一路搭建中欧深化合作桥梁——专访外交部

部欧洲司司长刘海星 [The Belt and Road Initiative Builds a Bridge for Deepening China-Europe Cooperation: An Interview with Liu Haixing, Director-General of the Department of European Affairs of the Ministry of Foreign Affairs]. *Zhongguo touzi* 中国投资 [China Investment]. 2015. No. 8. P. 72–75, 10. (In Chinese).

39. Mikko Houtali 米科 侯塔利, John Seaman 约翰·西曼, Xia Jiaqi 夏嘉琪. Ouzhou yu zhongguo de “sichou zhi lu”: “yidai yilu” zai zhongou guanxi zhong suo dandang de juese 欧洲与中国的“丝绸之路”: “一带一路”在中欧关系中所担当的角色 [Europe and China’s “Silk Road”: The Role of the Belt and Road Initiative in China-EU Relations]. *Guowai shehui kexue wenzhai* 国外社会科学文摘 [Abstracts of Foreign Social Sciences]. 2017. No. 7. P. 46–51. (In Chinese).

40. Guan Haoyuan 关皓元, Gao Jie 高杰. Xin shiqi zhongou rengong zhineng fazhan zhanlue yu zhengce huanjing de bijiao yanjiu 新时期中欧人工智能发展战略与政策环境的比较研究 [A Comparative Study of China and Europe’s Artificial Intelligence Development Strategies and Policy Environments in the New Era]. *Guanli xiandaihua* 管理现代化 [Modern Management]. 2021. No. 3. P. 57–62. (In Chinese). <https://doi.org/10.19634/j.cnki.11-1403/c.2021.03.012>.

Information about authors / Сведения об авторах

Li Yuchuan – Student, College of International Studies; Shenzhen University.

E-mail: 2022071085@email.szu.edu.cn

ORCID: 0009-0009-8411-9247

The author confirms that there is no conflict of interest.

Ли Ючуан – бакалавр колледжа международных исследований; Университет Шэньчжэня.

E-mail: 2022071085@email.szu.edu.cn

ORCID: 0009-0009-8411-9247

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 14.04.2025.

Одобрена после рецензирования 28.06.2025.

Принята 30.06.2025.

Received 14.04.2025.

Approved after reviewing 28.06.2025.

Accepted 30.06.2025.

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ EURASIAN INTEGRATION

research article / научная статья

УДК: 327

EDN: [MMTPDR](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.3.7](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

The Spread of the Turkish Language in Russia: Current State

Mustafa Tuana

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tuana_m@spbstu.ru

Ekaterina N. Tuana

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tuana_en@spbstu.ru

Bahar Gunesh

Ankara University of Social Sciences, Ankara, Türkiye
bahargunes@list.ru

Abstract

Introduction. The strengthening of global ties and intercultural interaction are leading to the spread of foreign languages in Russia. In this context, the Turkish language is of particular interest as a factor in cultural, economic and educational interaction between Russia and Turkey. The relevance of the chosen topic is due to Turkey's growing role in international relations, the intensification of tourism and trade and economic exchange, as well as the growing interest of Russians in Turkish culture, educational programs and opportunities for professional migration. The central research task is to conduct a comprehensive analysis of the factors, mechanisms and specifics of the spread of the Turkish language in the Russian Federation at the present stage in the context of the dynamics of bilateral relations.

Materials and methods. The research materials include regulatory and educational documents (programs of universities and language schools in the Russian Federation), reports from Russian-Turkish cultural centers, linguistic and didactic resources (textbooks, dictionaries), data on the tutoring services market, media content (media, social networks), and Rosstat statistics on educational and labour migration. The methodological basis is a systematic approach using content analysis of text sources, comparative analysis of institutional practices, quantitative processing of statistical data, and critical interpretation of results in the context of Russian-Turkish relations.

Results. The study showed that in recent years there has been a steady growth in interest in the Turkish language as a means of professional and cultural interaction. At the same time, its spread is uneven: active study of the Turkish language is observed primarily in the southern regions of Russia,

in large metropolitan areas, as well as in those regions where contacts with Turkish business circles are well developed. Turkish cultural centers, Turkish media products, as well as universities and language courses play a significant role in popularization of the language. There is a sustained interest in the Turkish language in the context of the development of intercultural dialogue, academic mobility and regional cooperation.

Conclusion. The conclusions drawn can be used in the development of educational programs aimed at expanding linguistic choice, as well as in the formulation of state and regional policies in the field of humanitarian cooperation. They also contribute to a deeper understanding of the role of language as an instrument of ‘soft power’ in the modern world.

Keywords: language policy; intercultural communication; education; linguistic diversity; sociolinguistics; Turkish language; Russia

For citation: Tuana, M., Tuana, E.N., Gunesh, B. The Spread of the Turkish Language in Russia: Current State. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 115–133. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.7.

© Tuana, M., Tuana, E.N., Gunesh, B., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Распространение турецкого языка в России: современное состояние

Туана Мустафа

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
tuana_m@spbstu.ru

Туана Екатерина Николаевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 tuana_en@spbstu.ru

Гюнеш Бахар

Анкарский университет социальных наук, Анкара, Турция
bahargunes@list.ru

Аннотация

Введение. Укрепление глобальных связей и межкультурное взаимодействие ведут к росту распространения иностранных языков в России. В данном контексте особый интерес представляет турецкий язык как фактор культурного, экономического и образовательного взаимодействия между Россией и Турцией. Актуальность избранной темы обусловлена возрастающей ролью Турции в международных отношениях, интенсификацией туристического и торгово-экономического обмена, а также растущим интересом россиян к турецкой культуре, образовательным программам и возможностям профессиональной миграции. Центральной исследовательской задачей является проведение комплексного анализа факторов, механизмов и специфики распространения турецкого языка в Российской Федерации на современном этапе в контексте динамики двусторонних отношений.

Материалы и методы. Материалы исследования включают в себя нормативно-образовательные документы (программы вузов и языковых школ РФ), отчётность русско-турецких культурных центров, лингводидактические ресурсы (учебники, словари), данные рынка репетиторских услуг, медиаконтент (СМИ, соцсети), данные Росстата по образовательной и трудовой миграции. Методологической основой является системный подход с применением контент-анализа текстовых источников, сравнительно-сопоставительного анализа институциональных практик, количественной обработки

статистических данных, критической интерпретации результатов в контексте российско-турецких отношений.

Результаты. Исследование показало, что в последние годы наблюдается устойчивый рост интереса к турецкому языку как средству профессионального и культурного взаимодействия. При этом характер его распространения носит неравномерный характер: активное изучение турецкого языка наблюдается в южных регионах России, в крупных мегаполисах, а также в тех субъектах, где развиты контакты с турецкими деловыми кругами. Значительную роль в популяризации языка играют турецкие культурные центры, турецкая медиапродукция, а также университеты и языковые курсы. Можно говорить о наличии устойчивого интереса к турецкому языку в контексте развития межкультурного диалога, академической мобильности и регионального сотрудничества.

Заключение. Полученные выводы могут быть использованы при разработке образовательных программ, направленных на расширение лингвистического выбора, а также при выработке государственной и региональной политики в сфере гуманитарного сотрудничества. Они также способствуют более глубокому пониманию роли языка как инструмента «мягкой силы» в современном мире.

Ключевые слова: лингвистическая политика; межкультурная коммуникация; образование; языковое разнообразие; социолингвистика; турецкий язык; Россия

Для цитирования: Туана М., Туана Е.Н., Гюнеш Б. Распространение турецкого языка в России: современное состояние // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 115–133. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.7.

© Туана М., Туана Е.Н., Гюнеш Б., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Introduction

Contemporary processes of globalization, strengthening geopolitical ties and intercultural integration objectively contribute to the active spread of foreign languages throughout the world, including the Russian Federation. In this context, the Turkish language is attracting increasing scientific and practical interest, as it is a significant factor in cultural, economic and educational interaction between Russia and Turkey.

The relevance of researching the current state of the spread of the Turkish language in Russia is due to a number of key factors. Firstly, this is the growing role of Turkey in the system of international relations and its strategic position. Secondly, there has been a significant intensification of tourist exchanges and trade and economic ties between the two countries¹. Thirdly, there has been a steady increase in Russian citizens' interest in Turkish culture, educational opportunities in Turkey and prospects for professional migration.²

This article is devoted to a comprehensive analysis of issues related to the spread of the Turkish language in the Russian Federation. The study focuses on aspects of its study, teaching and demand in modern Russian society.

It is worth noting that interest in studying Turkish is growing not only in Russia, but also in many countries around the world. The motivations of students are diverse: from academic goals (studying) and professional needs (work) to tourist trips, interest in Turkish

¹ Межгосударственные отношения России и Турции. 04.09.2023 // РИА новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20230904/diplomatiya-1893613367.html> (дата обращения: 08.07.2024).

² В России начался всплеск интереса к изучению турецкого языка. 28.10.2022 // Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/10/28/v-rossii-nachalsya-vsplesk-interesa-k-izucheniyu-tureckogo-yazyka.html> (дата обращения: 08.07.2024).

media products (including watching TV series in the original language), migration plans (including obtaining a residence permit), access to medical services, and an interest in Turkey's unique culture. This growth is largely driven by the new geopolitical situation and the strategic 'turn to the East' that has emerged³. This situation is due to both changes in the international political environment and the need to diversify foreign economic and humanitarian ties [1; 2; 3].

Thus, studying current trends, the scope and factors of the spread of the Turkish language in Russia is an important scientific and practical task, the solution of which contributes to understanding the dynamics of cultural and linguistic interaction in a changing international environment.

The object of the study is the functioning of the Turkish language in the socio-cultural and educational environments of the Russian Federation in the context of the development of Russian-Turkish relations. The subject of the research is the current state, trends and factors influencing the study, teaching and demand for the Turkish language in Russia (including regional specifics, institutional support, student motivation and professional prospects).

The objective of this research is to conduct a comprehensive analysis of the current state and mechanisms of the spread of the Turkish language in Russia, assessing sociolinguistic, educational, cultural, economic and foreign policy factors.

To achieve this aim, the following research questions need to be addressed:

1. Determine the geography and scope of Turkish language learning by region in the Russian Federation.
2. Assess the political and institutional factors influencing the spread of the Turkish language.
3. Investigate the educational infrastructure for teaching Turkish.
4. Identify the main trends, problems and prospects for the spread of the Turkish language in Russia.

This research is innovative because it offers a complete analysis of the current status of the Turkish language in Russia, integrating sociolinguistic, educational, and geopolitical perspectives within the framework of the «turn to the East». Additionally, it systematically examines the role of cultural institutions, such as the Yunus Emre Institute, as tools of «soft power» and key players in shaping language policy.

Degree of study of the problem

The problem of the spread and teaching of the Turkish language in Russia remains relatively understudied and fragmented in domestic scientific literature. Although there is a certain body of research touching on Turkic languages in general or addressing issues of language policy in multicultural regions of Russia, there is still a lack of systematic and comprehensive works specifically devoted to the current state of Turkish as a foreign language.

We note some studies that reveal important aspects for understanding the research questions addressed in this article. Thus, O.V. Chursina, I.Yu. Saparova [4] and A.S.

³ Ситуация в отношениях между Россией и Турцией // Министерство иностранных дел Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/situacia-v-otnoseniah-mezdu-rossiej-i-turciej1/ (дата обращения: 08.07.2024).

Avrutina [5] note the growing role of Turkish as a language of science and a 'bridge' in Turkology, but point out the lack of comparative studies of its global potential and methodological problems in the field. M.S. Meyer [2] identified structural imbalances in Russian-Turkish relations (language barrier, weakness of double degree programs). S.G. Zubanova and K.S. Senin [6] confirm the growing interest of students in Turkish, linking it to practical factors (economics, tourism, pop culture), but point to a shortage of modern teaching materials. G. Zhumakunova [7] develops contrastive methods of teaching Turkic languages to Russian speakers, emphasizing similarities and differences, but does not touch on digital tools. I.G. Saetov [8] demonstrated the significant influence of Turkish TV series on motivation to learn the language and everyday vocabulary in the CIS. V.A. Avatkov [9] described the work of Yunus Emre centers as a key instrument of Turkish 'soft power' through standardized courses and culture, noting the problems of adapting educational programs to specific conditions. The promotion and popularization of the Turkish language abroad, including in Russia, serve as an important element of Turkey's «soft power», strengthening its cultural and political influence. Through language courses, educational programs, and media content (TV series, music, literature), Turkey cultivates a positive image and expands its sphere of humanitarian presence. However, the effectiveness of this strategy in Russia requires further research, especially in the context of shifting international relations and competition with other languages of global communication.

Thus, the degree of research into the problem under consideration can be characterized as initial. There is a need for comprehensive interdisciplinary research covering sociolinguistic, cultural, pedagogical and political aspects of the spread of the Turkish language in Russia, as well as for the development of theoretical and applied approaches to the analysis of this phenomenon in the context of modern linguistic policy and globalization.

Methods

The methodology is based on a systematic approach using content analysis, comparative analysis of institutional practices, statistical methods, and critical interpretation in the context of bilateral relations. The combination of these methods made it possible to identify the main trends in the spread of the Turkish language in modern Russia.

The research methodology is grounded in a systemic approach, which enabled the examination of Turkish language dissemination in Russia as a multifaceted process encompassing sociolinguistic, educational, cultural, economic, and political dimensions. To address the research objectives, the following methods were employed:

1. *Content Analysis*. This method facilitated the identification of the geography and scale of Turkish language studies through analysis of statistical data, educational programs, media publications, and academic research. Additionally, it enabled the detection of key trends and challenges in the spread of Turkish in Russia by examining scholarly publications, institutional reports from educational organizations, and materials from cultural centers.

2. *Comparative Analysis of Institutional Practices*. This approach allowed for the assessment of *political and institutional factors* by comparing the promotion of Turkish language across different regions of Russia.

3. *Statistical Methods*. These methods were used to determine the geography and scale of Turkish language studies and to analyze the educational infrastructure (e.g., distribution of programs, instructors, and institutions).

4. *Critical Interpretation within Bilateral Relations Context*. This method enabled the evaluation of political factors – specifically, the impact of Russian-Turkish relations on language policy.

Integrated application of these methods not only addressed the research questions but also revealed fundamental patterns in the dissemination of Turkish in Russia. The systemic approach ensured the integrity of the study, while the combination of quantitative (statistical) and qualitative (content analysis, comparative methods) data ensured its reliability and depth.

Materials

The source corpus includes: regulatory and educational documentation (universities, language schools); reports from Russian-Turkish cultural centres; Turkish books on the Russian market; data from tutoring services; media content; statistics on educational and labour migration (Rosstat). Chronological framework of the study: 2019–2025. Source groups are presented in more detail as follows:

1. Regulatory and educational documents (2019–2025): University curricula, programs of online language courses (ESCE (<https://www.escc.ru/>), Turkly (<https://turkly.ru/>), Tutor Online (<https://www.tutoronline.ru/>), Dive Lang (<https://www.divelang.ru/>), UP Curs (<https://upcurs.ru/>).
2. Data from Russian-Turkish humanitarian centers: Yunus Emre Institute (Moscow, Kazan branch), Russian-Turkish Center for Facilitating Cultural, Scientific, Educational Cooperation and Tourism Development (Moscow), International Russian-Turkish Educational and Research Center (based at Russian State University for the Humanities, Moscow), Center for Studies of Modern Turkey and Russian-Turkish Relations (based at St. Petersburg State University, St. Petersburg).
3. Data from online stores offering Turkish language textbooks and Turkish fiction: Ozon, Wildberries, Chitai-Gorod.
4. Tutoring services market data: Profi.ru, «Vash Repetitor» (repetitors.info), Preply, Avito, Association of Tutors (repetit.ru), Tutor Online, SPbRepetitor.
5. Media content: Publications in Russian media outlets.
6. Rosstat (Russian Federal State Statistics Service) data: Migration data from Turkey (2021 All-Russian Population Census).
7. Data from the Russian educational portal for applicants «Postupi Online» (Postupi.online): Data on Russian university educational programs with Turkish language studies.
8. Academic research: Scientific publications by Russian and Turkish authors relevant to the research topic of the article.

Results

In recent years, the growing interest in the Turkish language among the Russian population has been driven by a combination of social, cultural, educational, economic and foreign policy factors, making the study of this language relevant in both every day and professional contexts. Let us consider them in more detail.

1. Russia's geopolitical and foreign economic reorientation towards the East

The deepening of Russian-Turkish cooperation in areas such as energy, tourism, transport, education and culture is accompanied by a growing interest in the Turkish

language as a tool for effective inter-state and intercultural communication. The Turkish language is becoming in demand not only in the field of humanitarian education, but also in practical areas such as business, international relations, tourism and diplomacy⁴. Thus, the ‘turn to the East’ predetermines the expansion of academic and public interest in Turkey and the Turkic world as a whole, which is reflected, among other things, in the growing number of educational programs, cultural initiatives and language courses aimed at learning Turkish.

2. Tourism as a factor in language motivation

In recent years, Russia has consistently been among the leading countries in terms of tourist traffic to Turkey. In the context of active tourist exchange, knowledge of the Turkish language significantly improves the quality of intercultural interaction. The limited spread of English among the Turkish population increases the importance of knowing Turkish, even at a basic level. This not only makes tourists' stay more comfortable, but also allows them to establish informal and trusting contacts with the local population, which in turn contributes to the formation of a positive image of Turkey and the strengthening of humanitarian ties.⁵

3. The opportunity to receive an education in Turkish

Educational mobility is also an important incentive for learning Turkish. Turkish universities demonstrate high academic performance and regularly feature in international rankings. An additional factor of appeal is Turkey's state scholarship program for foreign students, which provides full funding for tuition, including coverage of travel, accommodation, medical insurance, and an annual language course. The opportunity to receive a quality education with financial support increases interest in learning Turkish even at the stage of preparing to study abroad.⁶

4. Development of business relations

The Russia-Turkey trade turnover dynamics (Fig. 1) confirm the resilience of economic ties: despite the downturn in 2022–2024, Turkey maintains its status as a key trading partner of the Russian Federation. This directly stimulates demand for specialists with Turkish language skills in trade and economic sectors. These data substantiate professional motivation for language learning through objective economic indicators while confirming the thesis of Turkish as a business communication tool.

Despite the geopolitical changes after 2022, most Turkish companies have maintained their activities in the Russian market, and some of them have significantly increased their investment activity. This trend is due to the strategy of filling the niches left vacant after the departure of Western corporations. Although Turkey has not formally joined the sanctions regime against Russia, certain restrictions (banking services, equipment supplies) remain in place due to the risk of secondary sanctions. Under the current conditions, Turkey is one of

⁴ Глава МИД Турции заявил о желании войти в БРИКС. 04.06.2024 // RTVI: [сайт]. URL: <https://rtvi.com/news/glava-mid-turczii-zayavil-o-zhelanii-strany-vojti-v-briks/> (дата обращения: 08.07.2024).

⁵ Россия стала лидером по числу туристов в Турции в 2023 году. 31.01.2024 // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/943840> (дата обращения: 08.07.2024).

⁶ Türkiye Scholarships 2023 Applications. 01.08.2023 // Türkiye Scholarships: [сайт]. URL: <https://www.turkiyeburslari.gov.tr/announcements/turkiye-scholarships-2023-applications-39> (дата обращения: 16.07.2024).

the three key trading partners of the Russian Federation, demonstrating the stability of economic ties⁷.

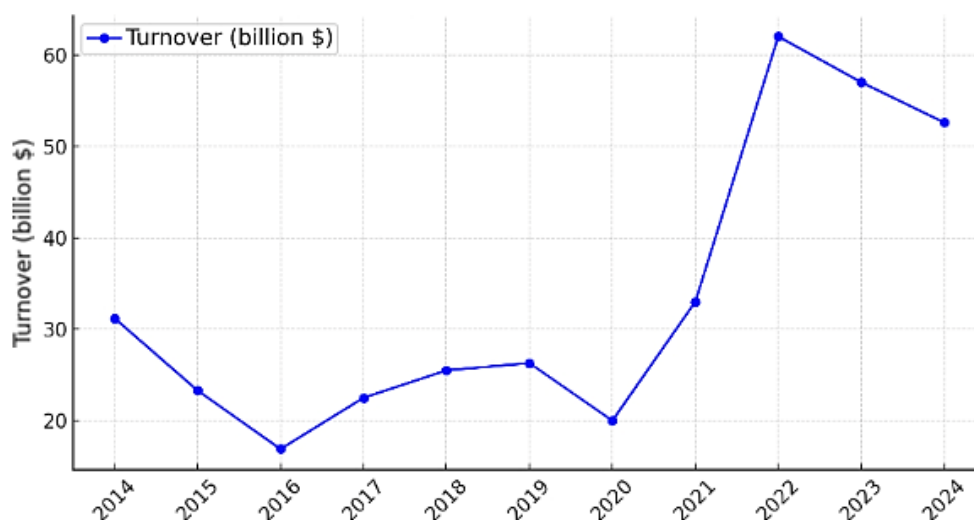

Fig. 1. Trade turnover between Russia and Turkey (2014–2024)

Рис. 1. Динамика товарооборота между Россией и Турцией (2014–2024 г.)⁸

According to an analytical review by NSP, only a limited number of Turkish companies have ceased operations in Russia. Turkish business is concentrated in sectors with high potential for import substitution:

1. Construction: ENKA, Polimeks, Limak Holding (Moscow, Saint Petersburg); There are about 100 Turkish construction companies operating in Russia.⁹ They were particularly active in projects related to the XXII Winter Olympic Games in Sochi in 2014.

2. Industry:

- Food processing: Anadolu Efes (Moscow Region);
- Building materials: Eczacibasi (Bashkortostan);
- Woodworking: Kastamonu (Kaluga Region).

3. Finance: Deniz Bank, Türkiye İş Bankası (Moscow);

4. Retail: Fiba Group (Mango franchise).

Economic conditions in Turkey, such as high inflation (54% in 2024) and the devaluation of the lira, are stimulating the search for foreign markets, including in Russia. The long-standing presence of Turkish entrepreneurs in the Russian Federation contributes to the integration of Turkish business into the Russian business environment.

Thus, Turkish companies are demonstrating their ability to systematically replace Western players that have left, especially in industry and construction. Their stability is underpinned by investment activity, industry diversification and an understanding of local market mechanisms. This process creates the conditions for growth in demand for specialists with knowledge of the Turkish language in logistics, management, and the financial sector.

⁷ Турецкий бизнес сохранил активность в России. 06.06.2025 // Alphabet: [сайт]. URL: <https://alphabet.pro/ru/news/tureckij-biznes-sohranil-aktivnost-v-rossii> (дата обращения: 16.06.2025).

⁸ По: [Торговля России и Турции. 12.03.2025 // TADVISER. Государство. Бизнес. Технологии: [сайт]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Торговля_России_и_Турции (дата обращения: 15.06.2025)].

⁹ Российско-турецкие экономические отношения. Досье 02.04.2018 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/info/5088157> (дата обращения: 16.07. 2024).

5. Linguistic and cultural interest

The Turkish language is of considerable interest to linguists, orientalists and a wide audience of foreign language learners. Its morphological structure, based on agglutination, makes it interesting from the point of view of grammar and word formation. In addition, its rich historical and cultural heritage, reflected in its vocabulary, which includes borrowings from Arabic, Persian, French, Greek and other languages, makes Turkish an important means of accessing the cultural code of Ottoman and modern Turkey.

Turkish TV series are currently very popular¹⁰. Video services such as Kion, Ivi, Movix, and Wink have significantly expanded their libraries of Turkish content. For example, in 2024, the Russian-language internet service Kinopoisk featured 47 Turkish series, three times more than in 2023. According to Gazeta.ru, in the first half of 2024, Movix users spent 1.026 million hours watching the Sapphire and Start World TV channels, which show Turkish series.¹¹

Discussion

This section examines the contemporary dynamics of the Turkish language dissemination in Russia as an element of Turkey's «soft power» and a tool of Russian-Turkish humanitarian dialogue. Through the prism of institutional mechanisms (academic cooperation, cultural centers), market indicators (demand for learning, literature, specialists), and sociodemographic factors (diaspora), the analysis addresses the successes in popularizing the language alongside persistent challenges within the educational infrastructure. The discussion reveals the potential and limitations of the Turkish language in strengthening mutual understanding between the two countries against the backdrop of deepening interaction.

Institutional and state support for academic dialogue

In recent years, academic and cultural interaction between Russia and Turkey has become increasingly stable, based on both centuries-old historical and cultural ties and modern institutional support mechanisms. Of particular importance in this process are initiatives aimed at strengthening academic dialogue, promoting the languages and cultures of both countries, and developing joint humanitarian projects¹². Government agencies, academic institutions and cultural organizations on both sides are making a significant contribution to creating a solid platform for bilateral cooperation, which is clearly evident in thematic conferences, educational programs and intergovernmental cultural initiatives.

During the online conference Teaching Turkish in Russia and Turkey/Turkology, organized on 8 June, 2020 by the Turkish Language Association, the Yunus Emre Institute in Moscow, and the Turkish Embassy in Moscow, key aspects of bilateral scientific and

¹⁰ В чем причина успеха сериалов из Турции и какие из них стоит смотреть. 20.09.2023 // RG.RU. Российская газета: [сайт]. URL: <https://rg.ru/2023/09/20/a-nuzhen-li-film-nam-tureckij.html> (дата обращения: 02.04.2025).

¹¹ Россияне подсели на турецкие сериалы. 06.08.2024 // Газета.ru: [сайт]. URL: <https://www.gazeta.ru/tech/news/2024/08/06/23620417.shtml?ysclid=m64fjpiuys431467258> (дата обращения: 02.06.2025).

¹² Ректор СПбПУ выступил на конференции руководителей вузов России и Турции. 01.12.2021 // Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого: [сайт]. URL: https://www.spbstu.ru/media/news/international_activities/rektor-spbpu-vystupil-na-konferentsii-rukovoditeley-vuzov-rossii-i-turtsii/ (дата обращения: 15.07. 2024).

educational cooperation were highlighted. The participants (including the president of the Turkish Language Association, Professor Güreşer Gülsevin, and vice-president Professor Feyzi Ersoy) noted the existence of deep historical cultural ties between Russia and Turkey, which create a solid foundation for academic cooperation.

It was noted that Russia is one of the world's leading center for Turkic studies, having made a fundamental contribution to the discipline (including the works of V.V. Radlov and other outstanding Russian scholars, whose grammars and dictionaries retain their methodological value). The importance of the cultural component as a motivator for language learning and the mutual interest in the Russian language in Turkey and the Turkish language in Russia were emphasised. Active cooperation is evident, in particular, in the activities of the Turkish Language Association for the translation and publication of the works of Russian Turkologists.¹³

Thus, the growing interest in the Turkish language in Russian society can be seen as the result of the synergy between tourism, educational and professional mobility, cultural appeal and linguistic uniqueness.

A significant milestone in the development of humanitarian cooperation between Russia and Turkey was 2019, which was declared a cross-cultural year of culture and tourism for both countries. As part of this initiative, a large number of events were held aimed at expanding cultural exchange and strengthening mutual understanding between the peoples, including theatre performances, concerts, exhibitions, film festivals and educational projects. This year played an important role in promoting the Turkish language in Russia, increasing interest in Turkish culture and contributing to the development of educational and cultural programs. The cross-cultural year became a symbol of strong mutual cooperation and served as a basis for further expansion of humanitarian ties¹⁴.

Russia's largest tutor databases: number of Turkish language teachers

An analysis of data from Russia's largest online platforms for finding private tutors shows a significant presence of Turkish language specialists in the education services market. This indicates high demand for individual tuition, as well as a wide range of teachers focused on both beginner and advanced language proficiency levels¹⁵.

As of May 2025, there are 822 Turkish language teachers registered on the Profi.ru platform and the Repetitors.info website, which is the highest number among the resources studied. The Preply platform, an international online learning database, has 599 tutors available, confirming the active participation of Russian users in global educational initiatives. Next are Avito with 478 teachers, the Association of Tutors (repetit.ru) with 265 specialists, and Tutor Online with 45 teachers. The regional platform SPbRepetitor, which

¹³ Rusya'da Türkçe Öğretimine Türkiye /Türkoloji Çalışmaları. 09.06.2020 // T.C. Kültürve Turizm Bakanlığı Atatürk Kültür, Dilve Tarih Yüksek Kurumu Türk Dil Kurumu: [сайт]. URL: <https://tdk.gov.tr/icerik/basindan/rusyada-turkce-ogretimi-ve-turkiye-turkoloji-calismalari/> (дата обращения: 17.06.2025).

¹⁴ Российско-турецкие политические контакты // Посольство Российской Федерации в Турецкой Республике: [сайт]. URL: <https://turkey.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/political-relations/> (дата обращения: 08.07.2024).

¹⁵ В России начался всплеск интереса к изучению турецкого языка. 28.10.2022 // Московский комсомолец: [сайт]. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/10/28/v-rossii-nachalsya-vsplesk-interesa-k-izucheniyu-tureckogo-yazyka.html> (дата обращения: 08.07.2024).

specializes in providing tutoring services in St. Petersburg, has 37 Turkish language teachers registered.

Thus, the data presented indicates a high degree of availability of Turkish language teachers throughout Russia, including both face-to-face and distance learning formats. This reflects the relevance of the Turkish language in the modern socio-cultural and educational environment, as well as highlighting the growing interest in personalized language learning among both students and professional teachers.

Turkish language books in Russian online stores

An analysis of the range of products offered by major Russian online stores shows that there are a significant number of printed publications dedicated to the study of Turkish, reflecting sustained reader interest and demand from various target audiences, from students and teachers to self-taught users.

As of May 2025, the Ozon online store offers 1,024 titles related to the Turkish language. The Wildberries catalogue lists 357 publications, and the Chitai-Gorod platform offers 269 titles. Together, this indicates an expanding market for educational and methodological literature on the Turkish language, covering basic textbooks and phrasebooks, as well as specialized dictionaries, grammar guides, materials for teachers and adapted fiction.

Thus, the Russian book market is responding actively to the growing popularity of the Turkish language, providing access to a variety of printed resources, which in turn contributes to expanding opportunities for independent language learning and supports academic and cultural initiatives in this area.

The role of cultural centers in the dissemination of the Turkish language and culture in Russia

Cultural centers play a significant role in the development of intercultural dialogue between Russia and Turkey, with activities aimed at promoting the Turkish language, literature, art and scientific cooperation. These organizations serve not only as a platform for language learning, but also as an important tool for public diplomacy, contributing to the formation of a positive image of Turkey abroad.¹⁶

One of the leading institutions of its kind is the Yunus Emre Institute, represented in Russia by its branches in Moscow and Kazan. Its activities are aimed at strengthening Turkey's international cultural ties, raising global awareness of Turkish culture, and fostering a positive image of the country through cultural and educational initiatives. The institute regularly organizes Turkish language courses, exhibitions, lectures, cultural events, and academic exchanges.

Another key element of the cultural infrastructure is the Russian-Turkish Center for Facilitating Cultural, Scientific, Educational Cooperation and Tourism Development, registered in Moscow on July 31, 2023.¹⁷ (<https://rusturkcenter.ru>). The center supports initiatives that foster cooperation between the two countries in the humanitarian and academic spheres. Particular emphasis is placed on promoting the Turkish language through events, workshops, and educational programs.

¹⁶ Rusya'da Türkçe Öğrenmenin Nedenleri Artıyor. 30.12.2022. // Yunus Emre Enstitüsü: [сайт]. URL: <https://yee.org.tr/tr> (дата обращения: 17.06.2025).

¹⁷ Русско-турецкий центр: [сайт]. URL: <https://rusturkcenter.ru> (дата обращения: 17.01.2025).

A significant contribution to establishing a lasting academic dialogue between Russia and Turkey is also made by the International Russian-Turkish Educational and Research Center, established at the Russian State University for the Humanities (RSUH) on September 29, 2000.¹⁸ The center actively participates in developing and implementing joint research and educational projects, while also organizing academic conferences, roundtables, and bilateral exchange programs [10].

Thus, cultural and educational-research centers play a key role in institutionally promoting Turkish language and culture in Russia. Their activities aim not only at language training but also at establishing lasting humanitarian ties, advancing academic cooperation, and strengthening positive perceptions of Turkey in Russian society.

Amid growing cultural interaction between Russia and Turkey, a significant step in April 2025 was the announcement of plans to open a Turkish Cultural Center in St. Petersburg under the auspices of the Yunus Emre Institute. As stated by its director, Abdurrahman Ali, this initiative seeks to expand the presence of Turkish language and culture in Russia and deepen cooperation with Russian universities – particularly philology departments in Moscow and St. Petersburg.¹⁹

The establishment of the new center is intended to advance not only the teaching of the Turkish language but also the implementation of a wide range of cultural projects—from film screenings to gastronomic events and digital art programs. Particular focus will be given to initiatives highlighting similarities and differences in the daily life of Russia and Turkey, as well as to joint projects with artistic and academic communities from both countries.

This step is viewed as a continuation of bilateral cultural exchange, exemplified by the Russian House already operating in Ankara, which promotes Russian culture in Turkey. Thus, the opening of the Turkish Cultural Center in St. Petersburg can be seen as an element of cultural diplomacy strategy aimed at strengthening humanitarian cooperation and forging lasting interstate ties.

The Turkish Diaspora in Russia

According to the 2021 All-Russian Population Census, 116,705 people identified themselves as Turks, while 4,095 identified as Meskhetian Turks. Thus, the census recorded a total of 120,800 Turks residing in the Russian Federation.²⁰ Reasons for residency include employment in Russia and marriages to Russian citizens. Consequently, spouses and children born in such families become bilingual, speaking both Russian and Turkish. This data demonstrates that the Turkish language spreads in Russia not only "top-down" (through education and policy) but also "bottom-up" – through natural sociodemographic processes. This circumstance underscores the interconnection between language dynamics and migration and intercultural contacts.

¹⁸ Университетский учебно-научный Российско-турецкий центр // Российский государственный гуманитарный университет: [сайт]. URL: <https://www.rsu.ru/international/centers/russian-turkish/> (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁹ Турция планирует открыть свой культурный центр в Петербурге. 16.04.2025 // Информационное агентство ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/kultura/23698525> (дата обращения: 13.06.2025).

²⁰ Национальный состав населения Российской Федерации согласно переписи населения 2021 года // Росстат: [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20221230204643/https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Tom5_tab1_VPN-2020.xlsx (дата обращения: 20. 01.2025).

Professional Demand

Russia-Turkey relations operate at a high level. Active interstate connections exist and continue to develop in humanitarian affairs, military cooperation, diplomatic channels, and business spheres. Maintaining these ties requires significant numbers of specialists across various fields capable of communicating effectively with Turkish counterparts. Accordingly, there is recognized demand for instructors qualified to teach Turkish to:

- Diplomatic staff.
- Military and technicals pECIALISTS.
- Public figures.
- International relations experts.

While Turkish is rarely used in broader international communication, such educators are primarily sought for specialized language courses and faculty positions at linguistics and humanities universities^{21, 22}.

According to the website postupi.online, the following educational institutions in Russia offer Turkish language studies:²³

Table 1

Higher Education Institutions of the Russian Federation Offering Programs with Turkish Language Studies

City	Educational Institution (Programs)
Moscow	Lomonosov Moscow State University (MSU) « <i>Development of Asian and African Countries</i> »
Moscow	Moscow State Institute of International Relations (MGIMO), Faculty of International Relations, Department of Languages of the Near and Middle East « <i>Law</i> »
Moscow	Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation « <i>International Relations and Foreign Policy</i> »
Moscow	Institute of Oriental Studies « <i>Asian and African Countries</i> »
Moscow	Russian State University for the Humanities « <i>Turkey and the Turkic World in Greater Eurasia</i> » « <i>Fundamental and Applied Linguistics</i> »
Moscow	National Research University Higher School of Economics « <i>Foreign Languages and Intercultural Communication. Digital</i> »
St. Petersburg	Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU), Institute of Humanities, Graduate School of International Relations « <i>RegionalInternationalCooperation</i> »
St. Petersburg	Saint Petersburg State University (SPbSU), Faculty of Oriental Studies « <i>Turkic Philology (with additional qualification 'Translation Specialist')</i> »
St. Petersburg	Pushkin Leningrad State University, Faculty of Foreign Languages « <i>Linguistics</i> » (profile « <i>Translation and Translation Studies</i> »)

²¹ В России в 2023 г будут востребованы сотрудники со знанием восточных языков 09.01.2023 // Synergytimes: [сайт]. URL: <https://synergytimes.ru/be-aware/v-rossii-v-2023-g-budut-vostrebovany-sotrudniki-so-znaniem-vostochnykh-yazykov> (дата обращения: 08.07.2024).

²² Турецкий язык и профессиональный путь тюрколога в России. 03.11.2022 // Школа востоковедения НИУ ВШЭ: [сайт]. URL: <https://oriental.hse.ru/news/792113186.html> (дата обращения: 08.07.2024).

²³ Список вузов, в которых можно получить профессию переводчика турецкого языка // Поступи онлайн: [сайт]. URL: <https://postupi.online/professiya/perevodchik-tureckogo-yazyka/vuzi/> (дата обращения: 08.07.2024).

St. Petersburg	Saint Petersburg branch of the National Research University Higher School of Economics « <i>Middle Eastern Studies</i> »
NizhnyNovgorod	Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod « <i>Turkish Language Translator</i> »
NizhnyNovgorod	Dobrolyubov Nizhny Novgorod State Linguistic University « <i>Applied Philology: Russian as a Foreign Language with Two Foreign Languages (Arabic and English)</i> »
Simferopol	Vernadsky Crimean Federal University « <i>Oriental and African Studies</i> » (Turkish as second language) « <i>English Language. Oriental Philology</i> » (Turkish as second language) « <i>German Language and Literature. English Language</i> » (Turkish as second language) « <i>French Language and Literature. English Language</i> » (Turkish as second language)
Simferopol	FevziYakubov Crimean Engineering and Pedagogical University « <i>Foreign Philology (English Language and Literature, Turkish Language and Literature)</i> »
Sevastopol	Sevastopol State University « <i>Regional Studies of the Greater Mediterranean</i> » (Master's)
Yekaterinburg	Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin « <i>Oriental and African Studies (China, Japan, South Korea, Turkey, Egypt, Lebanon, Israel, Iran, Taiwan)</i> »
Chelyabinsk	Chelyabinsk State University « <i>Comprehensive Regional Studies and Countries of the East</i> »
Astrakhan	Tatishchev Astrakhan State University « <i>Foreign Language (Turkish) and Foreign Language (English, Arabic)</i> »
Voronezh	Voronezh State University « <i>Oriental and African Studies</i> »
Ulan-Ude	Banzarov Buryat State University « <i>Languages and Literature of Asian and African Countries, Philology of Far Eastern Countries (Korean and Chinese)</i> »
Kazan	Kazan (Volga Region) Federal University « <i>History of Turkic Peoples</i> » « <i>Languages and Literatures of Asian and African Countries (Arabic)</i> » « <i>Economics of Asian and African Countries</i> » « <i>Translation and Translation Studies (Turkish and English)</i> » « <i>Politics and Economics of Turkic Peoples</i> » « <i>Languages and Literatures of Asian and African Countries (Turkish)</i> » « <i>Socio-Cultural Projects in Diplomacy</i> »
Nazran	Ingush State University « <i>Turkish Language</i> » « <i>Arabic Language (Turkish as second language)</i> »
Rostov-on-Don	Southern Federal University « <i>The Caucasus and Middle East in the System of Regional and International Relations</i> »
Pyatigorsk	Pyatigorsk State University « <i>Linguistic Support for Interstate Relations (Turkish and English)</i> » (Specialist Degree); qualification « <i>Linguist-Translator</i> ».
Ufa	Ufa University of Science and Technologie « <i>Languages of Asian and African Countries: Korean</i> » (Turkish as second language)
Makhachkala	Dagestan State University « <i>Foreign Philology: Oriental Language (Arabic, Persian, Turkish) and Literature</i> »
Grozny	Chechen State Pedagogical University « <i>English and Turkish Languages</i> »
Grozny	Kadyrov Chechen State University « <i>Near and Middle East</i> »

Analysis of educational programs at Russian universities (Table 1) shows that Turkish is actively integrating into the country's academic landscape and establishing a stable presence within the higher education system. The highest concentration of Turkish language programs is found in Moscow and St. Petersburg – at leading institutions such as MSU, MGIMO, SPbU, HSE, and others. This indicates strong demand for Turkish in humanities, international affairs, and Oriental studies training at the capital universities.

Simultaneously, Turkish is offered not only in central regions but also at universities across southern and eastern Russia: in Kazan, Astrakhan, Makhachkala, Grozny, Simferopol, Pyatigorsk, Rostov-on-Don, Nazran, and other cities. Its study is most commonly integrated into programs for Oriental studies, linguistics, international relations, area studies, and philology. At several universities, it is taught as a second or additional foreign language, highlighting its functional importance for intercultural and diplomatic training.

Particularly active inclusion of Turkish in curricula is observed in regions with strong ethno-cultural and historical ties to Turkey and the Turkic world – the North Caucasus, Volga region, and Crimea. Specifically, in cities like Grozny, Makhachkala, Kazan, and Simferopol, Turkish features in bachelor's and master's degree programs across various academic disciplines.

Collectively, this demonstrates Turkish is gradually strengthening its position within Russia's higher education system. It is becoming not only a vital element of specialist professional training but also an effective tool for intercultural engagement. Its expansion is driven not just by the presence of Turkish-speaking communities and international connections, but also by the growing interest in Turkish culture, language, and politics within academic and student circles. However, significant regional disparities in program availability persist.

Employment for Specialists with Turkish Language Skills

Proficiency in Turkish provides graduates of Russian universities with broad professional prospects across various fields focused on international engagement, humanitarian research, and intercultural communication. Command of Turkish enables graduates to build successful careers in both public sector institutions and private enterprises, including academia, diplomacy, cultural organizations, and tourism.²⁴

Among the key professional fields are specialties such as Turkish language instructor, translator, Turkologist, Orientalist, and area studies specialist focusing on Turkic and Middle Eastern regions. Advanced language proficiency is essential for diplomats, foreign correspondents, international relations specialists, political analysts, foreign policy experts, as well as press secretaries and press attachés who provide informational and communicative support in international settings. Furthermore, professions in intercultural communication are in demand, including international project managers, interfaith and humanitarian program coordinators, international relations assistants, foreign policy consultants, and editors of international publications. Government service – particularly in agencies interacting with foreign countries – and the tourism sector remain promising fields, where professionals with

²⁴ Самые перспективные сферы сотрудничества с Турцией для российского бизнеса. 29.06.2023 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/samye-perspektivnye-sfery-sotrudnichestva-s-turtsiyey-dlya-rossiyskogo-biznesa/> (дата обращения: 08.07.2024).

Turkish language skills are sought as travel managers, tour guides, staff at travel agencies, and hospitality sector personnel working with Turkey.²⁵

Thus, Turkish serves not only as a communication tool but also as a vital resource for professional advancement within our globalizing world and the context of strengthening Russian-Turkish relations.

Top Online Turkish Language Courses in 2025: Educational Platform Overview

2025 sees sustained growth in interest towards learning Turkish online, driven by both academic and socio-cultural factors. Digital educational resources are increasingly sought after due to their accessibility, flexibility, and diverse methodological approaches. Below are the most relevant online platforms offering Turkish courses in Russia:

1. Turkly (<https://turkly.ru/>) – A specialized service exclusively focused on Turkish language instruction. The platform offers beginner and intermediate courses covering essential aspects of vocabulary, grammar, pronunciation, and conversational practice. Training employs modern communicative methodologies.

2. Tutor Online (<https://www.tutoronline.ru/>) – A major educational platform providing personalized online lessons with Turkish instructors. Courses are adapted for different age groups and proficiency levels, emphasizing interactive student-teacher engagement.

3. ESCE – European School of Correspondence Education (<https://www.escc.ru/>) – Offers distance Turkish courses combining traditional written materials with multimedia resources. A distinctive feature includes printed textbooks supplemented with audio materials, facilitating self-paced learning.

4. Dive Lang (<https://www.divelang.ru/>) – An online language school (including Turkish) focusing on developing conversational skills. The program centers on regular practice with native speakers and professional instructors.

5. UP Curs (<https://upcurs.ru/>) – A platform specializing in video courses. Features original Turkish video lessons designed for both self-study and systematic mastery of foundational content.

It can be concluded that Russia in 2025 offers a wide spectrum of online resources for learning Turkish, catering to diverse learning needs and educational formats. This facilitates the language's further dissemination, expands self-education opportunities, and stimulates interest in Turkish culture and international communication.

Challenges in Teaching Turkish in Russia

Analysis of studies [11, 12, 13] reveals the following systemic difficulties:

- Personnel Shortage: Lack of qualified instructors (especially native speakers) and inadequate methodological training.
- Educational Materials: Scarcity of modern textbooks adapted for Russian-speaking learners; prevalence of outdated grammar-translation methods.
- Linguistic Complexities: Difficulties for Russian-speaking students in mastering Turkish's agglutinative structure, SOV syntax, and case system.
- Infrastructural Limitations: Regional disparities in resource access, absence of language practice opportunities, and lack of standardized programs.

²⁵ Россия стала лидером по числу туристов в Турции в 2023 году. 31.01.2024 // Интерфакс: [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/943840> (дата обращения: 08.07.2024).

Thus, the key barriers to teaching Turkish in Russia—shortage of qualified personnel and non-adapted educational materials—systematically constrain its dissemination despite growing interest. Resolution requires comprehensive measures: instructor training, development of modern textbooks, and enhanced academic cooperation with Turkey.

Conclusion

This study of the current state of Turkish language dissemination in Russia has identified key trends and factors influencing its development.

The geography and scale of language learning have been revealed through an analysis of regional distribution: the Turkish language is spread unevenly – predominantly in the southern regions of the Russian Federation, major metropolitan areas (Moscow, St. Petersburg), as well as in areas with developed business ties with Turkey and significant Turkic-speaking populations.

Political and institutional factors have manifested in the role of government programs (such as support for Turkological studies) and the activities of cultural institutions (Yunus Emre Institute), though their impact is limited by the absence of interstate agreements on language cooperation.

The educational infrastructure includes programs at leading universities (MGIMO, SPbU) and online platforms (Turkly), but its development is hindered by a shortage of native-speaking teachers, a lack of authentic materials, and regional disparities.

Trends and prospects are associated with growing interest among young people in the Turkish language under the influence of media and digital platforms, but require systemic support, including methodology standardization and expansion of academic exchange.

Against the backdrop of existing challenges, there is sustained demand for learning Turkish, creating conditions for deeper language integration and intercultural dialogue. These findings lay the foundation for comprehensive policies aimed at developing educational programs, strengthening institutional frameworks, and facilitating social integration of language speakers. Thus, the Turkish language confirms its role as an important element of cultural diversity and a tool of "soft power" in Russian society.

Acknowledgments. The authors express sincere appreciation and deep gratitude to Professor, Doctor of Historical Sciences, L.V. Lbova, for her substantial assistance in the preparation of this scientific work. We are especially grateful for her valuable critical remarks, expert consultations on research methodology, and assistance in interpreting the results. Her professionalism, attention to detail, and constructive advice significantly enhanced the quality of this publication.

REFERENCES

1. Avatkov, V.A. Turkey: Turn to the East. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, law*. 2017. Vol. 10. No. 2. P. 181–196. (In Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>. EDN: ZDQQLX.
2. Meyer, M.S. Prospects of Russian-Turkish University Relations Development. *Moscow University Bulletin. Series 20. Pedagogical Education*. 2013. No 1. P. 114–125. (In Russian). <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2013-1-114-126>. EDN: PYWIFF.
3. Basharan, A., Orkun, A. Evolution of Russian-Turkish Relations: Ideological Convergence and Pragmatic Cooperation. *International Organizations Research Journal*. 2023. Vol. 18. No 3. P. 120–141. (In Russian). <https://doi/10.17323/1996-7845-2023-03-07>. EDN: EBXLDM.

4. Chursina, O.V., Saparova, Yu.I. Turkish as a Language of Civilization and Science in the 21st Century. *Interdisciplinary Studies: Past Experience, Present Opportunities, Future Strategies*. 2021. No. 3. P. 51–57. (In Russian).
5. Avrutina, A.S. On the Objectives of Modern Turkic Studies. *Near and Post-Soviet East*. 2025. No. 1 (9). P. 13–19. (In Russian). EDN: [FRRFTY](#).
6. Zubanova, S.G., Senina, K.S. Students' Interest in Turkic Languages and Culture: Towards Updating Linguistic Education. *The World of Science, Culture and Education*. 2022. No. 5 (96). P. 12–17. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-12-17>. EDN: [FMIPEW](#).
7. Zhumakunova, G. Similarities and Differences Between Turkic Languages and Contrastive Teaching Methods. *The New Research of Tuva*. 2018. No. 1. P. 103–111. (In Russian). EDN: [YROVXW](#).
8. Saetov, I.G. Popularity of Turkish TV Series Among Russian-Speaking Viewers. *Eastern Analytics*. 2020. No. 4. P. 249–257. (In Russian). <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-249-257>. EDN: [OBFAPK](#).
9. Avatkov, V.A., Chulkovskaya, E.E. Yunus Emre Turkish Cultural Centers as Turkey's "Soft Power". *Geopolitics and Security*. 2013. No. 2 (22). P. 116–123. (In Russian). EDN: [STQSBH](#).
10. Vasiliev, D.D. Oriental Studies. Turkology. Russian-Turkish Center at RSUH. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2009. No. 8. P. 11–19. (In Russian). [LHSVGB](#).
11. Tuana, M., Tuana, E.N. Challenges of Teaching Turkish to Russian Students. *Methods of Teaching Foreign Languages and Russian as Foreign Language: Traditions and Innovations*. Proceedings of the X International Scientific-Methodological Online Conference. Kursk, 2025. P. 235–240. (In Russian). EDN: [HBNTZR](#).
12. Aydin, A. Teaching Turkish Language in the Russian Federation and Related Challenges. *RSUH/RGGU Bulletin. Series: Political Science. History. International Relations*. 2009. No. 8. P. 118–122. (In Russian). EDN: [LHSVNJ](#).
13. Urazaliev, N. Problems in Teaching Turkish in the Russian Federation. *International Journal of Teaching Turkish as a Foreign Language*. 2020. Vol. 3. No 2. P. 89–98. (In Turkish).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аватков В.А. Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 2. С. 181–196. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2017-10-2-181-196>. EDN: [ZDQQLX](#).
2. Мейер М.С. Перспективы развития российско-турецких университетских связей // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. 2013. №1. С. 114–126. <https://doi.org/10.51314/2073-2635-2013-1-114-126>. EDN: [PYWIFF](#).
3. Башаран А., Оркун А. Эволюция российско-турецких отношений: идейное сближение и прагматическое сотрудничество // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2023. Т. 18. № 3. С. 120–141. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-03-07>. EDN: [EBXLDM](#).
4. Чурсина О.В., Сапарова Ю.И. Турецкий как язык цивилизации и науки в XXI веке // Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего. 2021. № 3. С. 51–57.
5. Аврутина А.С. О задачах современной тюркологии // Ближний и Постсоветский Восток. 2025. № 1 (9). С. 13–19. EDN: [FRRFTY](#).
6. Зубанова С.Г., Сенина К.С. Интерес студентов к тюркским языкам и культуре: к вопросу о поиске путей обновления лингвистического образования // Мир науки, культуры, образования. 2022. №5 (96). С. 12–17. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-596-12-17>. EDN: [FMIPEW](#).
7. Жумакунова Г. Сходства и различия между тюркскими языками и сопоставительные методы в обучении // Новые исследования Тувы. 2018. № 1. С. 103–111. EDN: [YROVXW](#).
8. Саетов И.Г. Популярность турецких сериалов у русскоязычных зрителей // Восточная аналитика. 2020. №4. С. 249–257. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2020-04-249-257>. EDN: [OBFAPK](#).
9. Аватков В.А., Чулковская Е.Е. Центры турецкой культуры имени Юнуса Эмре – «мягкая

сила» Турции // Геополитика и безопасность. 2013. № 2 (22). С. 116–122. EDN: [STQSBH](#).

10. Васильев Д.Д. Востоковедение. Тюркология. Российско-турецкий центр РГГУ // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 8. С. 11–19. EDN: [LHSVGB](#).

11. Туана М., Туана Е.Н. Проблемы преподавания турецкого языка российским студентам // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации. Сборник научных трудов X Международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной 90-летию Курского государственного медицинского университета. Курск, 2025. С. 235–240. EDN: [HBNTZR](#).

12. Айдын А. Преподавание турецкого языка в Российской Федерации и связанные с этим проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2009. № 8. С. 118–122. EDN: [LHSVNJ](#).

13. Urazaliev N. Rusya Federasyonu'n da Türkçe öğretimindekisorunlar // Uluslararası Yabancı Dil Olarak Türkçe Öğretimi Dergisi, 2020. Cilt 3. Sayı 2. S. 89–98.

Information about authors / Сведения об авторах

Tuana Mustafa – Assistant, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tuana_m@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-1638-4067

Tuana Ekaterina N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ekaterina.tuana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1200-2113

Gunesh Bahar – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Translation Theory and Practice, Faculty of Foreign Languages; Ankara University of Social Sciences.

E-mail: bahargunes@list.ru

ORCID: 0000-0002-0975-1172

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Туана Мустафа – ассистент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tuana_m@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-1638-4067

Туана Екатерина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого

E-mail: ekaterina.tuana@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1200-2113

Гюнеш Бахар – доктор филологических наук, профессор, заведующая отделением теории и практики перевода факультета иностранных языков; Анкарский университет социальных наук.

E-mail: bahargunes@list.ru

ORCID: 0000-0002-0975-1172

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025.

Одобрена после рецензирования 13.07.2025.

Принята 13.07.2025.

Received 02.07.2025.

Approved after reviewing 13.07.2025.

Accepted 13.07.2025.

научная статья / research article

УДК: 327+378.1

EDN: [AEUEUM](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.8

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Международные рейтинги технических университетов России и Китая 2025 года в контексте модернизации высшей школы

Лбова Людмила Валентиновна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
lbova_lv@spbstu.ru

Решетнёва Ульяна Николаевна

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 reshetneva_un@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Международные рейтинги университетов играют ключевую роль в развитии образовательных учреждений, предоставляя объективные данные о качестве их работы, и служат инструментом для стратегического планирования. Особый интерес в последнее время представляют технологические и образовательные коллаборации, создаваемые ассоциациями российских и китайских технических университетов. В связи с этим, определение динамики статуса вузов из Ассоциации технических университетов России и Китая в международных рейтингах определяет цель исследования и его новизну.

Материалы и методы. В качестве источников информации использованы как данные международных университетских рейтингов QS (Quacquarelli Symonds), THE (Times Higher Education) и рейтинг ARWU (Shanghai Ranking); официальные источники, проекты и программы, постановления правительственных органов России и Китая, так и сведения из новостных лент российских и китайских университетов. Методологическую основу исследования составили институциональный анализ, который охватывает множество аспектов, включая оценку эффективности университетов, влияние государственной политики на образовательные учреждения, взаимодействие университетов с экономикой регионов.

Результаты. На основании сравнительного анализа трех основных международных рейтингов выявлена динамика позиционирования ведущих технических университетов России и Китая. Предложены объяснения причин отрицательной динамики рейтингов для российских университетов и позиций технических университетов. Проанализированы проблемы, тенденции и меры для повышения показателей рейтингов и предложена оценка влияния рейтингов на образовательную политику обеих стран.

Обсуждение и Заключение. Перспективы университетов в будущем зависят от способности адаптироваться к меняющимся условиям и вызовам. Несмотря на текущие трудности, есть возможности для роста и улучшения, при условии, что вузы смогут эффективно использовать имеющиеся ресурсы и внедрять инновации в образовательный

процесс. Результаты исследования могут быть полезны для комплексного исследования проблем регионоведения, педагогики высшей школы, социологических исследований и практики международных отношений.

Ключевые слова: технические университеты; международные рейтинги; модернизация высшей школы; Китай; Россия

Для цитирования: Лбова Л.В., Решетнёва У.Н. Международные рейтинги технических университетов России и Китая 2025 года в контексте модернизации высшей школы // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 134–154. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.8.

© Лбова Л.В., Решетнёва У.Н., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

International Ranking of Chinese and Russian Universities in the Context of Modernization of Higher Education in 2025

Liudmila V. Lbova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
lbova_lv@spbstu.ru

Uliana N. Reshetneva

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 reshetneva_un@spbstu.ru

Abstract

Introduction. International university rankings are crucial for the advancement of educational institutions, offering impartial insights into their performance and acting as a guide for strategic decision-making. Notably, technological and educational collaborations created by the associations of Russian and Chinese technical universities are of particular interest in recent times. This research focuses on the dynamic changes in the international rankings of universities from the Association of Technical Universities of Russia and China, making the exploration of this trend both the study's objective and its unique contribution.

Materials and methods. The study's methodology and materials are as follows: Data for this analysis comes from a variety of sources, including international university rankings such as QS (Quacquarelli Symonds), THE (Times Higher Education) and ARWU (Shanghai Ranking), official documents from Russian and Chinese governmental bodies, including projects, programs and decrees; and news releases from universities in both Russia and China. This research employed institutional analysis as its methodological foundation, a framework encompassing a wide range of considerations such as evaluating university effectiveness, examining the influence of public policy on educational institutions, and the interaction of universities with the regional economy.

Results. A comparative study of three prominent global university rankings unveiled the shifting positions of leading technical institutions. This analysis sheds light on the factors contributing to the decline of Russian universities and their relatively low rankings within the technical sector. The study delves into the problems, emerging trends, and potential solutions for enhancing rating performance, while also evaluating the influence of these rankings on the educational policies of both countries, comparative and contrastive analysis, as well as methods of systematization and generalization.

Discussion and Conclusion. The success of universities in the years to come hinges on their capacity to adapt to evolving circumstances and overcome emerging challenges. Despite present obstacles, opportunities for expansion and enhancement exist if universities can leverage existing resources and integrate innovative practices into their educational programs. This study's findings offer valuable insights for a thorough examination of issues within regional studies, higher education pedagogy, sociological research, and the field of international relations practice.

Keywords: technical universities; international rankings; modernization of higher education; China; Russia

For citation: Lbova, L.V., Reshetneva, U.N. International Ranking of Chinese and Russian Universities in the Context of Modernization of Higher Education in 2025. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 134–154. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.8.

© Lbova, L.V., Reshetneva, U.N., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Международные рейтинги университетов имеют большое значение для развития образовательных организаций, поскольку они предоставляют достоверную информацию о качестве их работы и служат основой для стратегического планирования. В эпоху новой технологической революции, развитие технических вузов страны выходит на первый план в стратегии модернизации высшей школы. Для успешной интеграции технических университетов в мировое образовательное сообщество и их продвижения к лидирующим позициям, необходимо четкое понимание и внедрение единых критериев оценки качества образования [1; 2; 3; 4].

Примеры показывают, что международное сотрудничество университетов может охватывать широкий спектр направлений, от научных исследований и образовательных программ до форм культурного обмена. Такие партнерства способствуют развитию инноваций, укреплению академической репутации и решению глобальных вызовов. Одним из способов, направленных на повышение положения в рейтингах, являются вузовские коллаборации. Межвузовское взаимодействие способствует развитию инноваций, укреплению академической репутации и повышению уровня ранжирования высших школ в мировых университетских рейтингах. Особый интерес для изучения представляют ассоциации российских и китайских технических университетов, охватывающие технологические и образовательные партнерства [5; 6].

Создание международных ассоциаций в области инженерного образования, реализация китайской инициативы 2017 г. «Новое инженерное образование» (新工科 – кит., New Engineering Education – NEE)¹ и российского федерального проекта 2022 г. «Передовые инженерные школы» (Advanced Engineering Schools – AES)², построение сильных технических вузов невозможно без признания их мировым образовательным сообществом. Все это указывает на важность расширения присутствия технических вузов в мировых глобальных рейтингах и необходимость рассмотреть их ранжирование на современном этапе.

¹ Цзяоюйбу баньгунтин гуаньюй туйцзянь синь гункэ яньцзю юй шицзянь сяньму дэ тунчжи 教育部办公厅关于推荐新工科研究与实践项目的通知 (2017) [Уведомление Главного управления Министерства образования о рекомендациях по исследовательским и практическим проектам «Нового инженерного образования»] // Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяоюйбу 中华人民共和国教育部 [Министерство образования КНР]: [сайт]. URL: http://www.moe.gov.cn/srcsite/A08/s7056/201707/t20170703_308464.html (дата обращения: 30.06.2025).

² Постановление Правительства Российской Федерации «О мерах государственной поддержки программ развития передовых инженерных школ» от 8 апреля 2022 г. № 619 // Передовые инженерные школы: [сайт]. URL: https://engineers2030.ru/upload/medialibrary/085/ykqnqbv54wn89kt5127ndedy69xdp1rq/pr_110422_619.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

Актуальность исследования обуславливается, с одной стороны, важностью позиционирования технических вузов России и Китая в мировых университетских рейтингах как фактора их конкурентоспособности, с другой стороны, недостаточной изученностью в российской науке показателей их ранжирования. Цель исследования состоит в определении динамики позиций в международных рейтингах вузов, входящих в состав Ассоциации технических университетов России и Китая (АТУРК). В предлагаемом исследовании проводится сравнительный анализ международных рейтингов, выделяются причины недостаточного позиционирования технических университетов и текущие вызовы, рассматриваются возможные меры по повышению позиций технических университетов Китая и России в международной системе рейтингования, анализируется влияние международных рейтингов на образовательную политику стран. Особое внимание уделено аспектам изучения рейтингов университетов как формы адаптации к современным вызовам.

Степень изученности проблемы

В российской науке история появления академических университетских рейтингов, их деятельность и ее результаты достаточно подробно представлены в исследованиях Ю.Н. Эбзеевой [4]. В современной научной практике большинство исследований сочетает различные подходы и методы к изучению рейтингов. Рейтинги рассматриваются как инструмент оценки вуза, его репутации и деятельности [3]. Рейтинги позволяют университетам проводить внутреннюю оценку своих сильных и слабых сторон, они показывают, какие аспекты требуют улучшения, будь то качество преподавания, научные исследования или международное сотрудничество, что помогает вузам корректировать стратегию развития и сосредотачиваться на приоритетных направлениях [1].

Научным сообществом рейтинги рассматриваются как фактор привлекательности для абитуриентов; как элемент имиджа и брендинга вуза, как элемент конкурентоспособности вуза [4; 7]. Рейтинги университетов – это не только инструмент оценки, но и мощный механизм управления качеством образования и научной деятельности. Они помогают вузам адаптироваться к требованиям XXI века, улучшать свои позиции в глобальном образовательном пространстве и повышать свою конкурентоспособность.

В исследованиях подчеркивается, что «роль рейтингов в понимании системы высшего образования бесспорна. Спорными являются методология рейтинга, логика и ценности, используемые в рейтингах» [8]. В научных публикациях представлены критические замечания о методологии и о вузовских индикаторах инновационной активности [9; 10]. В исследованиях проблемы показана необходимость изучения ранжирования вузов с помощью математических методов [11; 12].

Кроме того, высокие позиции в рейтингах делают университеты более привлекательными для инвесторов, что позволяет развивать инфраструктуру, финансировать исследования и улучшать условия обучения. Рейтинги помогают университетам формулировать долгосрочные цели, такие как увеличение числа иностранных студентов, развитие исследовательских центров и внедрение инновационных технологий, что способствует их конкурентоспособности на мировом уровне [13].

Образовательная политика правительства Китая содействует успешному продвижению китайских университетов в мировых рейтингах [14]. В российской науке анализируются успехи китайского образования и позиции китайских вузов в мировых рейтингах 2016–2020 гг. [15], достижения флагманских университетов Китая и России в предметных рейтингах [16], подчеркивается факт значительного количества китайских вузов, рассматриваются критерии, влияющие на вхождение китайских университетов в ТОП-100 [17].

В нескольких научных публикациях освещены история становления АТУРК, научное, образовательное и культурное сотрудничество и другие аспекты взаимодействия технических вузов. Ассоциация рассматривается как элемент международной инновационной инфраструктуры, спецификой деятельности которой является развитие современных технологических и инженерных решений, в том числе в области интеграции науки и образования, а также модернизации образовательных программ [5; 6; 18; 19]. В мае 2025 г. проведен VI форум вузов АТУРК, в настоящее время организация, созданная в 2011 г., включает 79 технических вузов России и Китая³.

Международные рейтинги китайских и российских вузов уже становились предметом исследования, в то же время позиции технических университетов России и Китая изучены недостаточно, публикации, анализирующие ранжирования российских и китайских технических вузов в мировых университетских рейтингах, отсутствуют, что и определяет новизну предлагаемого исследования. Однако, следует указать, что рейтинги технических вузов других стран ранее уже рассматривались зарубежными учеными [2].

Кроме того, предлагаемая публикация отличается своей научной новизной, так как в ней проводится сравнительный анализ динамики позиций российских и китайских технических вузов в мировых рейтингах, а также исследуется влияние государственных программ на успешность университетов. Результаты исследования могут быть применены как для корректировки образовательных программ и стратегического планирования университетов, так и комплексного исследования проблем регионоведения.

Методы исследования

Исследование построено на основе институционального анализа, который в данном случае охватывает широкий спектр аспектов высшего образования, от эффективности университетов до изучения влияния государственной политики на образовательные структуры и взаимодействия вузов с экономикой регионов. В рамках институционального анализа авторы уделяют внимание государственной политике в сфере образования, ранжированию университетов и анализу эффективности проектов, призванных повысить конкурентоспособность российских и китайских вузов на мировом уровне.

Изучение эффективности университетов через институциональный анализ опирается на различные показатели, включая количество публикаций, качество научных исследований, уровень удовлетворенности студентов и вклад университетов

³ Коршунов С. VI Форум Ассоциации технических университетов России и Китая. 17.06.2025 // Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана: [сайт]. URL: <https://bmstu.ru/news/vi-forum-associacii-tekhnicheskikh-universitetov-rossii-i-kitaya> (дата обращения: 13.07.2025).

в развитие регионов. При этом учитываются гибкость образовательных программ и адаптации к ним. Анализ высшего образования с институциональной точки зрения проведен авторами в комплексной оценке, которая включает в себя рассмотрение как внутренних, так и внешних факторов, оказывающих влияние на эффективность и качество образовательных учреждений.

Конкретные методы исследования представлены через дескриптивный анализ нормативных документов и результатов рейтингов. Сравнительный анализ предполагает выявление различных университетов и их практик для определения успешных моделей и стратегий. Это может включать как внутренние сравнения (между университетами), так и внешние (между странами), и в этом отношении АТУРК является релевантной моделью исследования. Case study позволяют детально рассмотреть конкретные ситуации и выявить ключевые факторы успеха или неудачи. Метод моделирования помогает прогнозировать последствия институциональных изменений и предполагает анализ количественных моделей, опирающихся на официальные данные, опубликованные на сайтах QS, THE и ARWU. Привлечение разных по методологии оценок рейтинговых систем позволяет учитывать различные сценарии развития университетов по определённым параметрам. Методы систематизации и обобщения представляют результаты исследования согласно единым методическим подходам.

Материалы

Основными источниками исследования являются данные международных университетских рейтингов. Кроме этого, использованы официальные источники, проекты, программы, постановления правительственных органов России и Китая, а также сведения из новостных лент российских и китайских университетов. Рейтинговые системы оценки можно разделить на международные и национальные. В настоящее время в мире насчитывается более двадцати международных университетских рейтингов. В данной работе представлены более подробно результаты трех, входящих в так называемую «большую тройку рейтингов мировых университетов»: рейтинги QS (Quacquarelli Symonds)⁴, THE (Times Higher Education)⁵ и рейтинг ARWU (Shanghai Ranking)⁶.

QS World University Rankings (QS), один из самых известных и авторитетных международных рейтингов университетов, основанный компанией Quacquarelli Symonds (QS). Рейтинг впервые был опубликован в 2004 г. в сотрудничестве с журналом Times Higher Education, но с 2009 г. QS и THE начали публиковать свои рейтинги независимо друг от друга. С 2022 г. в QS новые российские вузы не привлекаются; ранее Россию представляли 48 университетов, а в 2025 г. – 40. На официальной странице рейтинга указано, что в рейтинг университетов мира QS, опубликованный 19 июня 2025 г., включено более 1500 лучших университетов мира,

⁴ QS World University Rankings 2026: Top global universities. QS World University Rankings: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (дата обращения: 22.06.2025).

⁵ THE World University Rankings // Times Higher Education: [сайт]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings> (дата обращения: 28.06.2025).

⁶ Academic Ranking of World Universities // Shanghai Ranking: [сайт]. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2024> (дата обращения: 28.06.2025).

представленных в более, чем 100 регионах⁷. В настоящее время в рейтинге QS используются пять критериев и девять показателей (индикаторов). Опубликованные рейтинги QS-2026 демонстрируют основные тенденции, отражают текущие тренды, прогнозируют появление новых факторов, которые могут существенно повлиять на конкурентоспособность университетов в ближайшие годы.

Times Higher Education (THE) – еще один из авторитетных мировых университетских рейтингов, который с 2004 г. предоставляет данные об эффективности работы вузов. Согласно официальным данным рейтинг в 2025 г. оценивает более 2000 учебных заведений по всему миру из 115 стран и регионов⁸ и предлагает информацию о качестве образования, научной деятельности и международной вовлеченности университетов.

Крупнейшие мировые рейтинги представляет *Academic Ranking of World Universities (ARWU)* – Академический рейтинг мировых университетов, который составляется Шанхайским транспортным университетом Цзяо Тун (Shanghai JiaoTong University) с 2003 г. Следует отметить, что с его появлением была открыта страница истории международных университетских рейтингов. С 2009 г. рейтинг ARWU, являющийся одним из самых авторитетных и востребованных мировых университетских рейтингов, публикуется и защищается авторским правом компанией Shanghai Ranking Consultancy, независимой организацией, специализирующейся на вопросах высшего образования. Ежегодно данный рейтинг, охватывающий более 2500 учебных заведений, представляет результаты 1000 ведущих университетов⁹. ARWU использует четыре критерия и шесть соответствующих показателей (индикаторов) для оценки деятельности университетов.

Международный академический рейтинг *MosIUR* («Три миссии университета»)¹⁰ запущен по инициативе Союза ректоров и ассоциации рейтингов с 2016 г. Данный рейтинг оценивает университеты по ключевым направлениям их деятельности: образование, наука и взаимодействие с обществом и представляет собой уникальную методику расчета показателей, включающую все три миссии университетов в международной практике. Согласно данным сайта в 2024 г. ранжировались свыше 2500 вузов из 165 стран¹¹.

На платформе MosIUR публикуется и пилотный рейтинг университетов стран БРИКС, который служит важным инструментом для оценки и сравнения образовательных учреждений в быстро развивающихся экономиках, подчеркивая их вклад в глобальное образовательное пространство, растущую роль университетов этих

⁷ QS World University Rankings 2026: Top global universities. QS World University Rankings: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (дата обращения: 22.06.2025).

⁸ THE World University Ranking // Times Higher Education: [сайт]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking> (дата обращения: 30.06.2025).

⁹ 2024 Academic Ranking of World Universities // Shanghai Ranking. [сайт]. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2024> (дата обращения: 13.06.2025).

¹⁰ Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»: [сайт]. URL: <https://mosiur.org/ranking-all/> (дата обращения: 30.06.25).

¹¹ Методология Московского международного рейтинга вузов «Три миссии университета», 2024 г. // Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»: [сайт]. URL: https://mosiur.org/files/methodology/TMU2024-Rus_Method.pdf (дата обращения: 30.06.2025).

стран на международной арене. Среди стран БРИКС доминируют вузы Китая и России (в совокупности составляют около 51% списка)¹².

В последнее время используются и данные *The Center for World University Rankings* (CWUR), независимой организации, которая специализируется на составлении глобальных рейтингов вузов. Штаб-квартира компании находится в ОАЭ. С 2012 г. CWUR ежегодно публикует академический рейтинг, основываясь на 4 критериях. В 2024 г. в свой рейтинг CWUR включил 324 китайских университета, 6 из них попали в ТОП-100¹³.

Национальные рейтинги, обычно, используют критерии, важные для оценки университетов в контексте интересов страны. В качестве работающего российского примера можно выделить рейтинг RAEX-100 [20]. Китайские национальные рейтинги представлены различными вариантами оценки университетов. В настоящей публикации детально национальные рейтинги не рассматриваются.

Результаты исследования

В российском образовательном сегменте следует отметить ряд важных программ, направленных на модернизацию высшей школы. Одной из ключевых задач реформ является интеграция научной деятельности с образовательным процессом, что включало создание исследовательских университетов, которые должны стать центрами научных исследований и подготовки высококвалифицированных специалистов. В 2009 г. правительство начало присваивать статус научно-исследовательского университета, а в 2012 г. запустило «Российскую университетскую инициативу достижения»: «Проект 5-100». В результате российские университеты улучшили глобальные рейтинги, увеличили выпуск публикаций, а в некоторых областях превысили производство научных исследований в научно-исследовательском секторе. Кроме того, правительственные инициативы были направлены на укрепление университетских связей с региональными экономиками, как это видно из таких событий, как создание федеральных университетов (2006) и флагманских университетов (2016) [21].

Необходимо обозначить последние инициативы в области образовательной политики: Приоритет-2030 (Priority-2030, 2021 г.) и Передовые инженерные школы (ПИШ) (Advanced Engineering Schools, 2022 г.). Приоритет-2030 подчеркивает развитие большего числа университетов, включая региональные университеты, с целью поощрения как академического совершенствования, так и экономического и социального развития.

В рамках проекта ПИШ деятельность технических вузов направлена на подготовку специалистов в высокотехнологичных экспортно-ориентированных секторах экономики. Предполагается, что университеты, отобранные для этой программы, будут создавать высшие инженерные школы в сотрудничестве с технологическими компаниями, целью которых является совместная подготовка

¹² Пилотный рейтинг университетов стран БРИКС, 2024 год // Московский международный рейтинг вузов «Три миссии университета»: [сайт]. URL: https://mosiur.org/ranking_brics_2024/ (дата обращения: 30.06.2025).

¹³ World University Rankings 2025 // CWUR Center for World University Rankings: [сайт]. URL: <https://cwur.org/> (дата обращения: 30.06.2025).

специалистов и развитие исследований в соответствующих областях. Значительная роль в развитии инженерного образования отводится международным коллаборациям. Деятельность вузов, членов АТУРК, направлена на инновации в сфере инженерных решений, и является основой для процесса модернизации высшей школы. Далее в таблицах 1 и 3 представлено ранжирование российских и китайских технических вузов в международных рейтингах университетов.

Таблица 1 / Table 1

**Позиции российских вузов – участников АТУРК¹⁴
в мировых университетских рейтингах (2025 г.)
Positions of Russian Universities – Participating in ATURK
in World University Rankings (2025)**

№	Университет	QS 2025 ¹⁵	QS 2026 ¹⁶	THE ¹⁷ до 1000*	ARWU ¹⁸ до 1000*
1.	МГТУ им. Баумана Bauman Moscow State Technical University	298	320	351–400	
2.	Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет) (МФТИ) Moscow Institute of Physics and Technology, MIPT, Phystech	456	477	251–300	501–600
3.	Уральский Федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (УрФУ) Ural Federal University	516	519	1001–1200	601–700
4.	Московский инженерно-физический институт (национальный исследовательский ядерный университет) (МИФИ) Moscow Engineering Physics Institute National Research Nuclear University MEPhI	497	591		
5.	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ Петра Великого) Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University	559	609	501–600	
6.	Томский политехнический университет (национальный)	576	688	801–1000	

¹⁴ Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК) // Санкт-Петербургский экономический университет: [сайт]. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/associations/associaciya-texnicheskikh-universiteto/> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁵ QS World University Rankings 2025: Top global universities. QS World University Rankings: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2025> (дата обращения: 14.07.2025).

¹⁶ QS World University Rankings 2026: Top global universities. QS World University Rankings: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (дата обращения: 22.06.2025).

¹⁷ THE World University Rankings 2025: [сайт]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking> (дата обращения: 15.06.2025).

¹⁸ Academic Ranking of World Universities. Shanghai Ranking: [сайт]. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2024> (дата обращения: 28.06.2025).

	исследовательский университет) (ТПУ) National Research Tomsk Polytechnic University Tomsk Polytechnic University TPU				
7.	Санкт-Петербургский государственный университет информационных технологий, механики и оптики (ИТМО) ITMO University	595	711–720	801–1000	
8.	Национальный исследовательский технологический университет (МИСиС) National University of Science and Technology «MISIS»	711–720	721–730	601–800	
9.	Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “South Ural State University (national research university)	901–950	951–1000		
10.	Сибирский федеральный университет (СФУ) SibFU	1001–1200	1001–1200	1001–1200	

Примечание: *

В таблице учтены данные по университетам в пределах градации 1000 университетов мира; если данные отсутствуют, позиция ниже не указывается.

По результатам рейтинга QS большинство российских вузов демонстрируют отчетливую тенденцию к ухудшению позиций. В 2025 г. 8 ведущих российских университетов потеряли от пяти до пятидесяти позиций в мировых рейтингах. Как видно из приведенных материалов (табл. 1) российские технические вузы, члены АТУРК, утрачивают (могут утратить) свои позиции в рейтинге QS-2026, от трех до ста пунктов.

Стабильную ситуацию показывает Сибирский федеральный университет (СФУ). Можно отметить, что в ТОП-500 мировых университетов входят 2 вуза, в ТОП-1000 – 9 вузов. Анализируя данные рейтинга THE можно увидеть, что в ТОП-500 находятся 2 вуза, в ТОП-1000 – 6 вузов. Согласно рейтингу ARWU только 2 вуза входят в ТОП-1000. По данным международных рейтингов Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ Петра Великого) находится в пятерке лучших российских технических вузов, членов АТУРК.

В тематических (предметных) рейтингах QS World University Ranking by Subject наблюдается сокращение числа российских вузов до 67, тогда как в 2024 г. оно составляло 69. Если судить по рейтингу QS-2025, включающему 55 предметных областей, около 40% российских университетов заняли места в рейтинге ТОП-100 по 48 областям. В список лучших входят МГУ, СПбГУ, РУДН, НИУ ВШЭ и УрФУ, которые охватывают более двадцати научных направлений. Замыкают ТОП-10 вузов по числу областей КФУ, НГУ, ТГУ, МГТУ им. Баумана и МФТИ (более 10

предметных областей). В целом, из 10 лучших российских вузов в 2025 г. 8 потеряли от пяти до пятидесяти пунктов по сравнению с предыдущим годом.

В качестве иллюстрации приведены данные по сегменту «Инженерные науки», в которых в первой десятке университетов отмечены и члены АТУРК (табл. 2).

Таблица 2 / Table 2

Предметный рейтинг российских университетов «Инженерные науки» (ТОП-10)¹⁹
Subject ranking of Russian Universities "Engineering Sciences" (TOP-10)

2025	2024	Университет	общий балл 2025	качество роста	превосходство
1	1	Университет ИТМО*	88,1	59,2	100
2	2	Сколковский институт науки и технологий	86,7	52,7	100
3	3	Национальный исследовательский Томский политехнический университет*	79,2	50,4	79,6
4-5	4	Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина*	75,9	62,4	87,4
4-5	10-11	Санкт-Петербургский государственный университет	75,1	72,7	70,1
6	15	Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого*	71,4	81	63,8
7-8	5-7	Национальный исследовательский технологический университет «МИСиС» *	69	37,3	91,6
7-3	14	Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»	68,3	49,5	67,3
9	16	Российский университет дружбы народов	67,4	34,1	69,6
10	5-7	Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова	66,1	100	66,5

Примечание: *
участник АТУРК

Новичками предметных рейтингов в 2025 г. стали Российский государственный университет нефти и газа имени И.М. Губкина, Сколковский институт науки и технологий, Московский авиационный институт и Южно-Уральский государственный

¹⁹ По: Квашнин А. Рейтинг публикационной активности университетов. 13.05.2025 // Эксперт: [сайт]. URL: <https://expert.ru/obshchestvo/rejting-publikatsionnoy-aktivnosti-universitetov/> (дата обращения 13.06.2025).

университет (но они не попали в десятку лучших университетов АТУРК). Например, МГТУ им. Н.Э. Баумана выделяется в инженерных дисциплинах, включая машиностроение, робототехнику и авиацию; НИЯУ «МИФИ» признан ведущим вузом в области ядерной энергетики и связи, компьютерных наук и информационных систем, инженерии и технологии, электроники, входит в предметный рейтинг QS ТОП-300; УрФУ им. первого Президента России Б. Н. Ельцина вошел в 25 предметных рейтингов и стал лучшим университетом страны по количеству представленных дисциплин.

Томский политехнический университет (ТПУ) занимает лидирующие позиции в предметных рейтингах по энергетике, энергетическому машиностроению и электротехнике, а также по химическим технологиям, по специальности нефтегазовых исследований находится в ТОП-30 (2025 г.). ИТМО по-прежнему сохраняет позиции в ТОП-100-400 по направлениям автоматика и контроль, нанотехнологии, материаловедение и инженерия, электроника. СФУ, занимает 11 место в России и 379 место в мире по направлению технические науки.

Следует отметить, что по международным предметным рейтингам российские технические университеты (члены АТУРК) остаются на прежних позициях, или, в отдельных случаях, улучшают свои позиции. Более того, показатели отдельных вузов внушают оптимизм. Например, в 2025 г. «Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II» вошел в пятерку лучших вузов мира по основному профилю подготовки «Инженерное дело – добыча полезных ископаемых и горная промышленность» (Engineering – Mineral & Mining Engineering) и занял 4 место²⁰. Из вузов, лидирующих в предметных рейтингах, следует отметить УрФУ, СПбПУ, ТПУ, МФТИ. В предметном рейтинге ТНЕ по направлению «Инженерные науки» СПбПУ Петра Великого находится в приоритетной группе 201–250.

Российские университеты в целом испытывают наибольшие трудности с публикациями в естественных и социальных науках, медицине, физике и инженерии. Эти проблемы обусловлены международной изоляцией, недостатком финансирования, высокими требованиями к их качеству и ограничениями на доступ к международным научным ресурсам. Для российских технических университетов актуально направление «Инженерия и технологии» (см. табл. 2), где наблюдаются сложности с публикациями, особенно в контексте международного сотрудничества, ограничения на доступ к современным технологиям и оборудованию, а также проблемы с финансированием исследований, что, естественно, затрудняет представление качественных научных работ [22].

Ухудшение позиций российских университетов в мировых рейтингах за последние годы связано с несколькими ключевыми факторами. С введением международных санкций российские университеты столкнулись с ограничениями в научном сотрудничестве и доступе к международным публикациям. Это привело к снижению видимости и репутации российских вузов на международной арене.

²⁰ 4-е место в международном рейтинге QS // Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II: [сайт]. URL: <https://spmi.ru/4-e-mesto-v-mezhdunarodnom-reytinge-qс> (дата доступа: 13.07.2025).

Еще в конце XX века правительство Китая разработало программы и «Проект 211» (1995) «211 工程» (Project 211) и «Проект 985» (1998) «985 工程» (Project 985). Их суть заключается в отборе группы учебных заведений, которым предстоит стать университетами мирового уровня и готовить высококвалифицированные кадры. Университеты, которые участвуют в проектах, получают повышенное финансирование, в их преподавательский состав входят известные ученые и академики. Реализация этих проектов и предложенная в XXI веке инициатива «Двойной первоклассный» (2015) «双一流» (Double First-Class Initiative) показали значимые результаты. Если в 2014 г. в рейтинг лучших университетов мира по версии компании QS входило 36 китайских вуза, то в QS-2026 их количество уже составило 72. Подобную положительную динамику можно найти и в других рейтингах. Улучшили свои позиции по сравнению с предыдущим годом 48 университетов (68%).

В другом важном рейтинге Times Higher Education (THE) в 2024 г. были представлены 94 китайских университета, что на 8 больше, чем в 2023 г. В рейтинге THE-2024 оба китайских вуза – Университет Цинхуа и Пекинский университет – вошли в двадцатку лучших, заняв 12-е и 14-е места, в рейтинге THE-2025 заняли соответственно 12 и 13 места. Такой результат свидетельствует о продолжающемся росте влияния китайских университетов на мировой арене, демонстрирует впечатляющий прогресс и все более высокую конкурентоспособность китайских вузов на международном образовательном рынке. В тренде повышения позиций в международных рейтингах находятся и китайские университеты – члены АТУРК (табл. 3).

Таблица 3 / Table 3

**Позиции китайских вузов – участников АТУРК²¹
в мировых университетских рейтингах (2025 г.)
Positions of Chinese Universities – Participants of ATURK
in World University Rankings (2025)**

№	Университет	QS 2025 ²²	QS 2026 ²³	THE ²⁴	ARWU ²⁵
1.	Шанхайский университет Цзяотун (университет транспорта) Shanghai Jiao Tong University 上海交通大学	45	47	52	38
2.	Чжэцзянский университет Zhejiang University 浙江大学	47	49	47	27

²¹ Ассоциация технических университетов России и Китая (АТУРК) // Санкт-Петербургский экономический университет: [сайт]. URL: <https://ruschinalliance.unecon.ru/associations/associaciya-tekhnicheskikh-universiteto/> (дата обращения: 15.06.2025).

²² QS World University Rankings 2025: Top global universities: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings/2025> (дата обращения: 15.06.2025).

²³ QS World University Rankings 2026: Top global universities: [сайт]. URL: <https://www.topuniversities.com/world-university-rankings> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁴ THE World University Rankings 2025: [сайт]. URL: <https://www.timeshighereducation.com/world-university-rankings/latest/world-ranking> (дата обращения: 15.06.2025).

²⁵ Academic Ranking of World Universities. Shanghai Ranking: [сайт]. URL: <https://www.shanghairanking.com/rankings/arwu/2024> (дата обращения: 28.06.2025).

3.	Городской университет Гонконга City University of Hong Kong 香港城市大学	62	63	78	101–150
4.	Харбинский технологический институт (Харбинский политехнический университет) Harbin Institute of Technology 哈尔滨工业大学	252	256	152	101–150
5.	Тяньцзиньский университет Tianjin University 天津大学	269	257	201–250	101–150
6.	Пекинский технологический институт (Пекинский политехнический институт) Beijing Institute of Technology 北京理工大学	302	259	201–250	101–150
7.	Сианьский университет Цзяотун (университет транспорта) (Университет Сиань Цзяотун) Xi'an Jiaotong University 西安交通大学	295	305	201–250	95
8.	Хуачжунский университет науки и технологий Huazhong University of Science and Technology 华中科技大学	300	319	166	79
9.	Цзилиньский университет Jilin University 吉林大学	497	473		101–150
10.	Северо-Западный политехнический университет Northwestern Polytechnical University 西北工业大学	547	499	251–300	101–150

За последние несколько лет китайские университеты значительно улучшили свои позиции в мировых рейтингах, что связано со значительным финансированием и с успешной реализацией образовательных реформ и стратегий, направленных на повышение качества образования и научных исследований. Эти изменения подчеркивают растущее влияние Китая в сфере высшего образования и его стремление занять лидирующие позиции на международной арене.

Следует заметить, что по прогнозам, часть технических университетов Китая, членов АТУРК, может утратить свои позиции в рейтинге QS-2026 от 1 до 19 мест, другая часть, наоборот, улучшить свои позиции. Из членов АТУРК в первой десятке рейтинга QS-2025 находятся университеты ТОП-50 (2 университета), ТОП-100 (3 университета), ТОП-500 (все 10 лидеров списка). Анализируя данные рейтинга THE можно увидеть, что в ТОП-50 входят 1 китайских технических вуз, в ТОП-100 - 3 вуза, в ТОП-500 - 9 китайских вузов. Согласно рейтингу ARWU 2 вуза входят в ТОП-50, 4 вуза в ТОП-100, все 10 вузов, членов АТУРК, входят в ТОП-200.

Для сравнения, в рейтинге ARWU только два российских технических вуза входят в ТОП-1000. К слову, среди российских университетов в рейтинге QS-2025,

только три университета (МГТУ им. Баумана, МФТИ, МИФИ) находились в позиции ТОП-500 (табл. 1).

Обсуждение

Современные реалии образовательной политики государств учитывают рейтинг как общественное признание вузов и их репутации, как важный инструмент повышения их конкурентоспособности и формирования их статусов как университетов мирового уровня. Высокие позиции вузов в мировых рейтингах повышают их привлекательность для абитуриентов и для дополнительного финансирования.

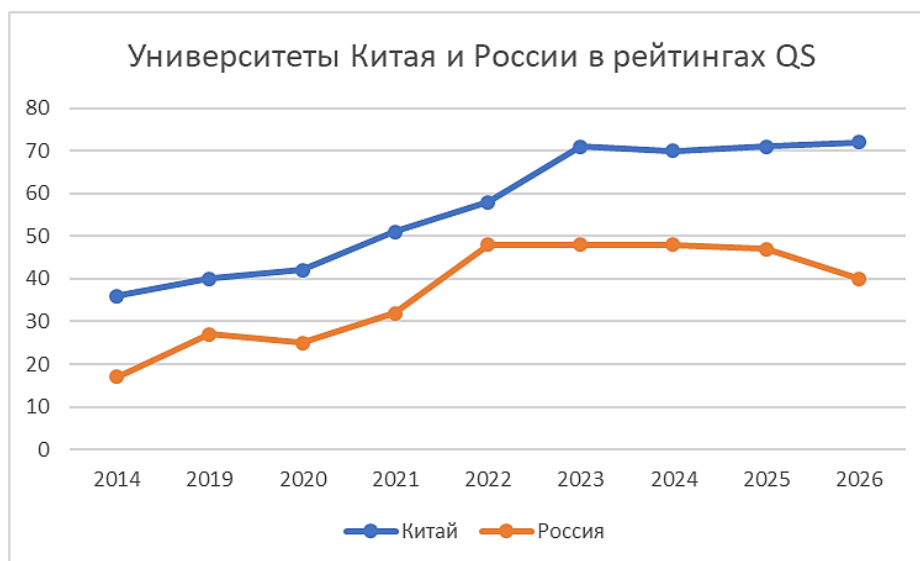

Рис.1. Динамика количества университетов Китая и России в рейтингах QS (2014–2026 гг.)
Fig. 1. Dynamics of the number of universities in China and Russia in QS rankings (2014–2026)

Перспективы российских университетов, и технических в том числе, зависят от их способности адаптироваться к меняющимся условиям и вызовам. Несмотря на текущие трудности, есть возможности для роста и улучшения, если вузы смогут эффективно использовать имеющиеся ресурсы и внедрять инновации в образовательный процесс. В целом, большинство российских университетов в международных рейтингах за последние годы показали тенденцию к снижению позиций (рис. 1). Хотя, следует отметить ряд устойчивых позиций университетов, в этом, несомненно, играют роль и работающие коллаборации, и стабильное развитие сложившихся в российской практике ведущих научных школ.

1. Текущие вызовы

Снижение позиций в международных рейтингах: российские университеты (МГУ, СПбГУ и др.) теряют свои позиции в мировых рейтингах, таких как QS и THE. Впервые с 2017г. российские университеты не вошли в ТОП-100 рейтинга QS, МГУ опустился на 105-е место. Это во многом связано с ограничениями на публикации в международных научных журналах и ухудшением академической репутации.

Изоляция и санкции: геополитическая ситуация и международные санкции негативно сказываются на возможностях российских вузов для сотрудничества с зарубежными университетами и участия в международных научных проектах. Это

приводит к «утечке мозгов», снижению привлекательности для иностранных студентов и преподавателей, уменьшению их публикационной активности.

Научное неравенство: среди причин недостаточно высоких позиций части региональных российских вузов можно подчеркнуть «эффект Матфея», который выражает неравенство в том числе в научной среде и сказывается на цитируемости, текучести кадров, потере лучших преподавателей, привлечении высоко балльных абитуриентов и приглашении лучших управленцев в крупные, федеральные университеты [23].

Все указанные факторы в совокупности влияют на качество образования многих региональных технических вузов и возможность вхождения их в глобальные университетские рейтинги.

2. Возможности и перспективы для роста

Инвестиции в образование: российское правительство продолжает инвестировать в высшее образование, что может способствовать улучшению качества образования и научных исследований. Программа «5-100» была направлена на повышение позиций пяти российских университетов в мировых рейтингах, хотя результаты не оправдали ожиданий. О новых проектах «Приоритет 2030», «Передовые инженерные школы» и об их эффективности говорить рано, но следует отметить, что в процессе реализации проектов значительно расширен состав вузов и учтен региональный аспект, усилены связи высших школ с промышленными предприятиями и экономикой.

Рассматривая вопрос инвестиций в образование и анализируя успехи китайских вузов в международных рейтинговых системах, исследователи обращают внимание на тот факт, что «общий размер финансирования университетов оказывает заметное влияние на продвижение в каждом из трёх международных рейтингов» [24, с. 161].

Учет национальных и региональных особенностей: оптимальная организация образовательного и научного процессов в высшей школе позволит расширить представительство ведущих технических вузов в предметных рейтингах, что далее послужит базой для вхождения в ТОП-100 международных рейтингов университетов. Характерно, что примерно такой ступенчатой стратегии придерживались китайские вузы в начале своего «рейтингового» пути [25, с. 736].

Развитие новых направлений: вузы все больше фокусируются на освоении новых технологий и цифровизации образовательного процесса. Предполагается, что это направление позволит повысить качество образования и подготовить специалистов, обладающих компетенциями, отвечающими актуальным требованиям рынка.

Создание альтернативных рейтингов: в условиях ухудшения отношений с западными странами, российские и китайские вузы начинают развивать собственные рейтинговые системы (MosIUR, BRICS University Ranking, RAEX и др.). Такая инициатива сможет способствовать более объективной оценке деятельности российских университетов, и технических, в том числе.

В настоящее время перспективы развития необходимо рассматривать с различных точек зрения. Так, российские университеты могут уделять больше внимания устойчивому развитию и интеграции в глобальные образовательные и научные сообщества, что позитивно отразится на их будущем статусе. В связи с

переориентацией приоритетов, университеты могут сфокусироваться на подготовке специалистов для внутреннего рынка, что уменьшит их зависимость от международных норм и стандартов. Российским университетам необходимо адаптироваться к новым реалиям, включая создание образовательных программ, отвечающих запросам экономики и общества, а также усиление сотрудничества с промышленностью. Успех российских вузов в будущем будет определяться их способностью гибко реагировать на меняющиеся условия и вызовы. Несмотря на существующие сложности, у университетов есть потенциал для развития и совершенствования, если они эффективно распорядятся имеющимися ресурсами и внедрят инновации в образовательный процесс.

В течение последних пяти лет китайские вузы существенно поднялись в мировых рейтингах, что стало результатом успешных образовательных реформ и стратегий, ориентированных на повышение качества обучения и научных разработок (рис. 1). Такая динамика демонстрирует возрастающее влияние Китая в сфере высшего образования и его стремление к лидерству на глобальном уровне. Рост позиций китайских вузов тесно связан с общим экономическим подъемом страны. Укрепление экономики страны привело к увеличению финансирования высшего образования и модернизации инфраструктуры, что сделало университеты более привлекательными для международных студентов. Исследования подтверждают прямую корреляцию между уровнем развития университетов и экономическим благосостоянием страны.

Китайское правительство активно вкладывает средства в высшее образование, реализуя «Проект 985», «Проект 211» и инициативу «Двойной первоклассный», которые призваны укреплять и развивать ведущие университеты страны. Благодаря этим программам высшие школы получают финансирование, привлекают талантливых преподавателей и создают исследовательские центры, что в итоге повышает качество образования и научно-исследовательской деятельности. По данным последних рейтингов, 98% китайских вузов улучшили свои позиции благодаря высоким показателям в области цитируемости научных работ и успешным исследовательским проектам.

Заключение

В настоящее время глобальные университетские рейтинги являются ключевым элементом оценки конкурентоспособности вузов и оценки их деятельности. Правительства стран и университеты реагируют на рейтинги, корректируя свои стратегические приоритеты, увеличивают инвестиции в исследования, расширяют штат профессорско-преподавательского состава и их публикационную активность, способствуют международным академическим обменам и сотрудничеству. Все это приводит к росту качества образования в высших школах, повышению их академического статуса, улучшению рейтинговых показателей и изменению образовательной политики в рамках модернизации высшей школы.

Динамика позиций технических вузов России и Китая в международных рейтингах университетов различна, в то же время вузы двух стран демонстрируют высокий уровень образования, научных исследований и международного взаимодействия.

Несмотря на сложности геополитического характера, российские университеты представлены в международных рейтингах и демонстрируют конкурентоспособность в глобальном образовательном пространстве. Участие китайских университетов в рейтинговых системах показывает рост их позиций и отражает быстрое развитие китайской системы высшего образования. Несомненно, успехи китайских вузов в международных рейтингах являются результатом эффективной политики правительства, которое в течение последнего десятилетия вложило значительные ресурсы в реформирование и модернизацию высшего образования. Синтез экономического роста, государственных инвестиций, повышения качества образования и научных исследований привел к существенному улучшению позиции китайских университетов на мировой арене.

Технические университеты обеих стран играют ключевую роль в экономическом развитии регионов. Высшие учебные заведения способствуют экономическому росту через создание рабочих мест, привлечение инвестиций и развитие инновационных технологий. Все это направлено на сохранение технологического суверенитета государств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Vidal, J., Ferreira, C. Universities Under Pressure: The Impact of International University Rankings // *Journal of New Approaches in Educational Research*. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 181–193. <https://doi.org/10.7821/naer.2020.7.475>.
2. Perez, E.C., Orduna, M.E. Do the Technical Universities Exhibit Distinct Behavior in Global University Rankings? A Times Higher Education (THE) Case Study // *Journal of Engineering and Technology Management*. 2018. Vol. 48. P. 97–108. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2018.04.007>.
3. Резник С.Д., Юдина Т.А. Репутационные риски университета в новых условиях развития российского высшего образования // *Университетское управление: практика и анализ*. 2023. Т. 27. № 2. С. 127–142. <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.018>. EDN: OTCOPD.
4. Эбзеева Ю.Н. Международный рейтинг современного университета как механизм управления развитием образовательной системы: дис. ... д-ра соц. наук. М.: РУДН, 2023. 287 с.
5. Лбова Л.В., Нечай А.А., Решетнёва У.Н. Профильные ассоциации технических университетов России и Китая в контексте подготовки инженерных кадров // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28. Вып. 1. С. 30–53. <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.1.2>. EDN: ICLQWL.
6. Гу Цзяньчжэн 顾建政, Мэй Вэньчжан 梅文章, Чжу Шэннань 朱胜男. Чжун Э жэньвэнь цзяолю цзичжи ся тунлэй гаосяо ляньюэн фачжань луцзин дэ гоцзянь юй яньцзю – Чжун Э гункэ дасюэ ляньюэн шицзянь юй таньсо 中俄人文交流机制下同 类高校联盟发展路径的构建与研究 — 中俄工科大学联盟实践与探索 [Создание и исследование путей развития университетских ассоциаций в рамках механизма российско-китайского гуманитарного обмена – практика и исследование Ассоциации технических университетов России и Китая (АТУРК)] // *Цзяоюй цзяосюэ луньтань 教育教学论坛 [Образовательный форум]*. 2021. № 9. С. 91–94.
7. Ма Луяо 马璐瑶. Гаосяо дэ гоцзи цзинчжэнли фэньси юй бицзяо — и QS шицзе дасюэ паймин шуцзюй вэй ицзюй 高校的国际竞争力分析与比较 — 以 QS 世界大学排名数据为依据 [Анализ и сравнение международной конкурентоспособности университетов лиги на основе данных QS мирового рейтинга университетов] // *Сычуань вэньли сюэюань сюэбао 四川文理学院学报 [Вестник Сычуаньского института искусств и науки]*. 2023. 第 33 卷第 1 期. P. 100–106.
8. Wen, Y., Zhao, X., Li, X., Zang, Y. Explaining the Paradox of World University Rankings in China: Higher Education Sustainability Analysis with Sentiment Analysis and LDA Topic Modeling // *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 6. <https://doi.org/10.3390/su15065003>.
9. Ярушкина Н.А. Индикаторы инновационной активности в методологии мировых рейтингов университетов // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 6–4 (96). С. 121–124. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.136>. EDN: SGCNED.
10. Docampo, D., Egret, D., Cram, L. An Anatomy of the Academic Ranking Ofworld Universities (Shanghai Ranking) // *SN Social Sciences*. 2022. Vol. 2. Article no. 146. <https://doi.org/10.1007/s43545->

022-00443-3.

11. Московкин В.М., Чжан Хэ. Методы математического моделирования в задаче прогнозирования вхождения университетов в TOP-100 глобальных университетских рейтингов // Экономический анализ: теория и практика. 2020. Т. 19. № 7 (502). С. 1360–1384. <https://doi.org/10.24891/ea.19.7.1360>. EDN: RTVDGY.
12. Ван Сяосюань 王筱璇. Цзиной тунци мосин хэ цзичэн шумосин дэ QS шицзе дасюэ паймин яньцзю 基于统计模型和集成树模型的QS世界大学排名研究 [Исследование всемирного университетского рейтинга QS на основе статистических моделей и модели ансамбля деревьев решений] // Лилунь шусюэ 理论数学 [Фундаментальная математика]. 2025. № 15 (2). С. 287–305.
13. Depo, G. The Role & Rule of Rankings // Daedalus. 2024. Vol. 153. Iss. 2. P. 286–300. https://doi.org/10.1162/daed_a_02081.
14. Кузнецова В.В., Машкина О.А. Глобализация китайского высшего образования как фактор геополитического влияния // Сравнительная политика. 2020. Т. 11. № 2. С. 139–150. EDN: CWEYRJ.
15. Гурулева Т.Л. Университеты КНР: современное состояние и стратегия глобального развития до 2035 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. Т. 25. № 2. С. 185–197. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13>. EDN: CTUVSZ.
16. Воробьева Е.С., Краковецкая И.В., Ван Сяохуань, Нюренбергер Л.Б. Формирование конкурентоспособности системы высшего образования КНР: достижения, проблемы и перспективы // Креативная экономика. 2020. Том 14. № 4. С. 509–528. <https://doi.org/10.18334/ce.14.4.100723>. EDN: JMQDEN.
17. Сабирзянова Г.Ш., Осипов П.Н. Мировые рейтинги: влияние критериев на вхождение китайских вузов в топ-100 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 3 (75). С. 261–265. EDN: LSUXOE.
18. Воронина Т.П., Чжэн Чжилян. АТУРК как элемент международной инновационной инфраструктуры // Управление инновациями: теория, методология, практика. 2014. № 10. С. 59–62. EDN: SOBTFH.
19. Коршунов С.В., Кузнецов М.В., Тимофеев В.Б. Ассоциация технических университетов России и Китая – новый институт международного сотрудничества в области образования // Высшее образование в России. 2015. № 4. С. 97–104. EDN: TSNCEN.
20. Тараканов А.В., Таточенко И.М., Байгуллов Р.Н. Рейтинг RAEX-100 как инструмент оценки конкурентоспособности отечественных университетов на глобальном рынке образования // Современное педагогическое образование. 2022. № 5. С. 62–69. EDN: GSIAQC.
21. Panova, A., Slepikh V. Science or Industry: Improving the Quality of the Russian Higher Education System // Vocation, Technology, Education. 2024. Vol. 1. No. 4. P. 1–12. <https://doi.org/10.54844/vte.2024.0760>.
22. Клепач А.Н. Научно-технологический комплекс России: проблемы и перспективы // Научные труды Вольного экономического общества России. 2021. Т. 232. № 6. С. 117–132. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-232-6-117-132>. EDN: BJFXVA.
23. Бебенина Е.В. Долгосрочные перспективы влияния эффекта Матфея университетских рейтингов на систему высшего образования // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2 (64). С. 97–105. EDN: KMVSKZ.
24. Донецкая С.С., Лян Б. Финансирование ведущих китайских университетов: размер имеет значение? // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 11. С. 149–168. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168>. EDN: GJIZME.
25. Балацкий Е.В., Екимова Н.А. Глобальная конкуренция университетов в зеркале международных рейтингов // Вестник Рососсийской академии наук. 2020. Т. 90. № 8. С. 726–738. <https://doi.org/10.31857/S0869587320080022>. EDN: PORSCR.

REFERENCES

1. Vidal, J., Ferreira C. Universities Under Pressure: The Impact of International University Rankings. *Journal of New Approaches in Educational Research*. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 181–193. <https://doi.org/10.7821/naer.2020.7.475>.
2. Perez, E.C., Orduna, M.E. Do the Technical Universities Exhibit Distinct Behavior in Global

- University Rankings? A Times Higher Education (THE) Case Study. *Journal of Engineering and Technology Management*. 2018. Vol. 48. P. 97–108. <https://doi.org/10.1016/j.jengtecman.2018.04.007>.
3. Reznik, S.D., Yudina, T.A. Reputational Risks of the University in the New Conditions for the Development of Russian Higher Education. *University Management: Practice and Analysis*. 2023. Vol. 27. No. 2. P. 127–142. (In Russian). <https://doi.org/10.15826/umpa.2023.02.018>. EDN: OTCOPD.
4. Ebzeeva Yu.N. Mezhdunarodnyj rejting sovremennogo universiteta kak mehanizm upravleniya razvitiem obrazovatel'noj sistemy [International Ranking of Modern Universities as a Mechanism for Managing the Development of the Educational System]. Doct. sociol. sci. diss. Moscow: RUDN University; 2023. 287 p. (In Russian).
5. Lbova, L.V., Nechai, A.A., Reshetneva U.N. Technical Universities' Profile Associations of Russia and China in the Context of Engineering Personnel Training System. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 1. P. 30–53. (In Russian). <https://doi.org/10.48612/rg/RGW.28.1.2>. EDN: ICLQWL.
6. Gu Jianzheng 顾建政, Mei Wenzhang 梅文章, Zhu Shengnan 朱胜男. Chzhun E zhenven tszyaolyu tszichzhi sya tunley gaosyao lyanmen fachzhan lutzin de gotszyan yuy yantszyu — Chzhun E gunke dasyue lyanmen shitszyan 中俄人文交流机制下同类 高校联盟发展路径的构建与研究 — 中俄工科大学联盟实践与探索 [Construction and Research on the Development Path of Same Type Universities Alliance under the Humanistic Exchange Mechanism between China and Russia: The Practice and Exploration of ARSTU]. *Tsyaoyu ytszyaosyue luntan 教育教学论坛 [Education Teaching Forum]*. 2021. № 9. P. 91–94. (In Chinese).
7. Ma Luyao 马璐瑶. Gaosyao de goczi czinchzhenli fen'si yuj biczyao C9 — i QS shicze dasyue pajmin shuczyuj vej iczyuj 高校的国际竞争力分析与比较 C9 — 以 QS 世界大学排名数据为依据 [Analysis and Comparison of the International Competitiveness of C9 Universities: Based on QS World University Ranking Data]. *Sychuan' ven'li syueyuan' syuebao 四川文理学院学报 [Sichuan University of Arts and Science Journal]*. 2023. Vol. 33 No.1. P. 100–106. (In Chinese).
8. Wen, Y., Zhao, X., Li, X., Zang, Y. Explaining the Paradox of World University Rankings in China: Higher Education Sustainability Analysis with Sentiment Analysis and LDA Topic Modeling. *Sustainability*. 2023. Vol. 15. Iss. 6. <https://doi.org/10.3390/su15065003>.
9. Yarushkina, N.A. Indicators of Innovative Activity in the Methodology of World University Ratings. *International Research Journal*. 2020. № 6–4 (96). P. 121–124. (In Russian). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.136>. EDN: SGCNED.
10. Docampo, D., Egret, D., Cram L. An anatomy of the academic ranking of world universities (Shanghai ranking). *SN Social Sciences*. 2022. Vol. 2. Article no. 146. <https://doi.org/10.1007/s43545-022-00443-3>.
11. Moskovkin, V.M., Zhang, He. Methods of Mathematical Modeling for Predicting University Entry into Top-100 World University Rankings. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2020. Vol. 19. Iss. 7 (502). P. 1360–1384. (In Russian). <https://doi.org/10.24891/ea.19.7.1360>. EDN: RTVDGY.
12. Wang Xiaoxuan 王筱璇. Cziyuj tunczi mosin he czichen shumodin de QS shicze dasyue pajmin yan'czyu 基于统计模型和集成树模型的 QS 世界大学排名研究 [Research on QS World University Rankings Based on Statistical Models and Ensemble Tree Models]. *Lilun' shusyue 理论数学 [Pure Mathematics]*. 2025. № 15(2). P. 287–305. (In Chinese).
13. Depo, G. The Role & Rule of Rankings. *Daedalus*. 2024. Vol. 153. Iss. 2. P. 286–300. https://doi.org/10.1162/daed_a_02081.
14. Kuznetsova, V.V., Mashkina, O.A. Globalization of Chinese Higher Education as a Factor of Geopolitical Influence. *Comparative Politics Russia*. 2020. Vol. 11. No. 2. P. 139–150. (In Russian). EDN: CWEYRJ.
15. Guruleva, T.L. Universities of China: Current Status and Global Development Strategy Until 2035. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2020. Vol. 25. No. 2. P. 185–197. (In Russian). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.2.13>. EDN: CTUVSZ.
16. Vorobeva, E.S., Krakovetskaya, I.V., Wang Xiaohuan, Nyurenberger, L.B. The Competitiveness of the Higher Education System of the People's Republic of China: Achievements, Problems and Prospects]. *Journal of Creative Economy*. 2020. Vol. 14. No. 4. P. 509–528. (In Russian). <https://doi.org/10.18334/ce.14.4.100723>. EDN: JMQDEN.
17. Sabirzyanova, G.Sh., Osipov, P.N. World Ratings: Influence of Criteria on Introduction of Chinese Universities in the top-100. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social Sciences Series*. 2024. № 3 (75). P. 261–265. (In Russian). EDN: LSUXOE.
18. Voronina T.P., Zheng Zhilian. ATURK kak element mezhdunarodnoy innovatsionnoy

infrastruktury [ASRTU as an Element of International Innovation Infrastructure]. *Upravleniye innovatsiyami: teoriya, metodologiya, praktika [Innovation Management: Theory, Methodology, Practice]*. 2014. № 10. P. 59–62. (In Russian). EDN: [SOBTFH](#).

19. Korshunov S.V., Kuznetsov M.V., Timofeyev V.B. Assotsiatsiya tekhnicheskikh universitetov Rossii i Kitaya – novyy institute mezhdunarodnogo sotrudnichestva v oblasti obrazovaniya [Association of Sino-Russian Technical Universities as a New Institution for International Cooperation in Higher Education Area]. *Vyssheye obrazovaniye v Rossii [Higher Education in Russia]*. 2015. № 4. P. 97–104. (In Russian). EDN: [TSNCEN](#).

20. Tarakanov, A.V., Tatochenko, I.M., Baigullo, R.N. RAEX-100 Rating as a Tool for Assessing the Competitiveness of Domestic Universities in the Global Education Market. *Modern Pedagogical Education*. 2022. № 5. P. 62–69. (In Russian). EDN: [GSIAQC](#).

21. Panova, A., Slepikh, V. Science or Industry: Improving the Quality of the Russian Higher Education System. *Vocation, Technology, Education*. 2024. Vol. 1. No. 4. P. 1–12. <https://doi.org/10.54844/vte.2024.0760>.

22. Klepach, A.N. Russian Science and Technology Complex: Problems and Prospects of Development. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2021. T. 232. № 6. P. 117–132. (In Russian). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2021-232-6-117-132>. EDN: [BJFXVA](#).

23. Bebenina, E.V. Long-Term Perspectives of Influence of the Matthew Effect of Universities Ranking on the Higher Education System. *Domestic and Foreign pedagogy*. 2019. Vol. 2. No. 2 (64). P. 97–105. (In Russian). EDN: [KMVSKZ](#).

24. Donetskaya, S.S., Liang, B. Funding for China's Top Universities: Does Size Matter? *Higher Education in Russia*. 2024. Vol. 33. No. 11. P. 149–168. (In Russian). <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-11-149-168>. EDN: [GJZME](#).

25. Balatsky, E.V., Ekimova N.A. Global Competition of Universities in the Mirror of International Rankings. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2020. № 90. P. 726–738 <https://doi.org/10.1134/S1019331620040073>.

Сведения об авторах / Information about authors

Лбова Людмила Валентиновна – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: lbova_lv@spbstu.ru
ORCID: 0000-0003-4103-7785

Решетнёва Ульяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент Высшей школы международных отношений; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
E-mail: reshetneva_un@spbstu.ru
ORCID: 0000-0002-3377-2504

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Lbova Liudmila V. – Doctor of Historical Sciences, Full Professor of the Higher School of International Relations; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: lbova_lv@spbstu.ru
ORCID: 0000-0003-4103-7785

Reshetneva Uliana N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Higher School of International Relations, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.
E-mail: ulresh@mail.ru
ORCID: 0000-0002-3377-2504

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.07.2025.
Одобрена после рецензирования 15.07.2025.
Принята 17.07.2025.

Received 02.07.2025.
Approved after reviewing 15.07.2025.
Accepted 17.07.2025.

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

научная статья / research article

УДК: 930+316.4+327

EDN: [AXXGUN](#)

DOI: [.48612/RG/RGW.28.3.9](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Адаптация русских эмигрантов в Харбине в 1917–1939 гг. (историко-политологический анализ)

Павлова Ольга Константиновна ✉

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ pavlova_ok@spbstu.ru

Цзин Линьпань
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
tszin.l@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. В XX веке миграционные процессы стали важным фактором мировой истории, их причины связаны с конкретными политическими и социально-экономическими факторами. В фокусе исследования – выявление особенностей связей субнациональных субъектов России и Китая в первой трети XX века, расширение русской эмиграции с позиций исторических и политических наук. Целью исследования является характеристика создания и развития разнородной в социально-политическом и национальном плане русской диаспоры в Харбине в контексте историко-политологических процессов, что определяет новизну. Основные исследовательские вопросы предполагают анализ социально-культурной активности русских в Харбине и характер отношений между русской диаспорой и местным китайским населением.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили опубликованные работы российских и китайских ученых, посвященные российскому сообществу в Харбине в 1917–1939 годах. Историко-политологический анализ позволили выявить ключевые моменты особенности формирования и развития русской диаспоры в Харбине и представить социокультурную характеристику межэтнических отношений.

Результаты. Анализ социальной активности русской эмиграции в Харбине показал большую роль россиян в общественно-политической и культурной жизни города. В целом возникающие противоречия разрешались, но имело место непонимание особенностей как русского, так и китайского менталитета. Следует отметить, что в Харбине наличие

дореволюционной русской колонии, наличие инфраструктуры и русских институтов повлияло на более мягкую социокультурную адаптацию российских эмигрантов после 1917г.

Обсуждение и Заключение. Социальная и культурная адаптация россиян в Харбине носила особый характер: с одной стороны, сохранялась собственная культурная идентичность, с другой – формировались новые виды взаимодействия с местной средой в условиях непростой межэтнической, экономической и политической ситуации. Однако, среди российских и китайских исследователей, работающих по изучению вопросов адаптации русской эмиграции в Харбине, единого мнения не сложилось. Результаты исследования будут полезными для дальнейшего изучения вопросов эмиграции, взаимоотношений крупных субэтнотосов в рамках изучения демографических и миграционных процессов в международных отношениях и политике.

Ключевые слова: Китай; Маньчжурия; Россия; адаптация; русские эмигранты; Харбин; социальные проблемы

Для цитирования: Павлова О.К., Цзин Линьпань. Адаптация русских эмигрантов в Харбине в 1917–1939 гг. (историко-политологический анализ) // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 155–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.9.

© Павлова О.К., Цзин Линьпань, 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Adaptation of Russian Emigrants in Harbin in 1917-1939 (Historical and Political Analysis)

Olga K. Pavlova

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
 pavlova_ok@spbstu.ru

Lingpan Jing
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
tszin.l@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. In the 20th century, migration processes became an important factor in world history, their causes are associated with specific political and socio-economic factors. The focus of the study is to identify the features of the connections between subnational entities of Russia and China in the first third of the 20th century in connection with the expansion of Russian emigration from the standpoint of historical and political sciences. The aim of the study is to characterize the creation and development of a socially, politically and nationally diverse Russian diaspora in Harbin in the context of historical-political processes, which determines the novelty. The main research questions involve the analysis of the socio-cultural activity of Russians in Harbin and the nature of relations between the Russian diaspora and the local Chinese population.

Materials and methods. The materials for the study were published works by Russian and Chinese scientists devoted to the situation of Russians in Harbin in 1917-1939. Historical and political science analysis allowed us to identify key moments of the peculiarities of the formation and development of the Russian diaspora in Harbin and to present a more socio-cultural characteristic of interethnic relations.

Results. The analysis of the social activity of Russian emigration in Harbin showed the great role of Russians in the socio-political and cultural life of the city. In general, the emerging contradictions were resolved, but there was a misunderstanding of the peculiarities of both the Russian and Chinese mentality. It should be noted that in Harbin the presence of a pre-revolutionary Russian colony, the presence of infrastructure and Russian institutions influenced the softer socio-cultural adaptation of Russian emigrants after 1917.

Discussion and Conclusion. The social and cultural adaptation of Russians in Harbin had a special character: on the one hand, their own cultural identity was preserved, on the other hand, new forms of interaction with the local environment were formed in the context of a difficult interethnic, economic and political situation. However, among Russian and Chinese researchers working on the study of the adaptation of Russian emigration in Harbin, there was no consensus. The results of the study will be useful for further study of emigration issues, relationships between large sub-ethnic groups in the context of studying demographic and migration processes in international relations and politics.

Keywords: China; Manchuria; Russia; adaptation; Russian emigrants; Harbin; social problems

For citation: Pavlova, O.K., Jing Lingpan. Adaptation of Russian Emigrants in Harbin in 1917–1939 (Historical and Political Analysis). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 155–167. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.9.

© Pavlova, O.K., Jing Lingpan, 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

XX век привел к масштабным изменениям, которые повлияли на все сферы жизни как обычных граждан, так и элит. События 1917 г. принесли с собой волну политического террора и экономическую нестабильность, что побудило многих принять решение об эмиграции из России, с перспективой неопределенности и опасности, которые осложняли процесс выезда из страны, поскольку приходилось оставлять свое имущество и разрывать устоявшиеся социальные связи. Многие выбирали соседний Китай, как страну, где уже сформировалась русская диаспора, с устойчивыми экономическими, социальными и культурными позициями. Предлагаемое исследование направлено на выявление особенностей связей субнациональных субъектов на территории Китая в период 1917–1939 гг. в связи с расширением русской диаспоры с позиций исторических и политических наук.

Степень изученности проблемы. В целом эмиграционный процесс является закономерным следствием неблагоприятных событий в России в начале XX века. Многие историки, например, Л.Ф. Говердовская [1, с. 175] и О.И. Кочубей [2], занимавшиеся вопросом русской эмиграции в Китае, в своих работах отмечали, что формирование данного явления является неотъемлемой частью российской истории в XX веке.

В отечественной исторической литературе, посвященной русскому зарубежью в Китае, следует отметить фундаментальные труды О.И. Кочубей, В.Ф. Печерица [2; 3]. Адаптация русских эмигрантов в Китае получила освещение в работах Е.Е. Аурилене [4], С.В. Смирнова [5] и др.

Русская эмиграция получила освещение и в китайской научной литературе. Заслуживают внимания статьи Чжан Цзхунхуа и Цзян Яньхуна [6], а также работы харбинских историков: Ши Фан, Лю Шуан и Гао Лин [7], Ли Сингэна и Ли Жэньнянь [8], Ли Шусянь [9]. В некоторых исследованиях китайских авторов дается различная оценка деятельности российских поданных в Китае, в частности в Харбине. Например, в статье Ли Мэн [10] представлено мнение о том, что Харбин строился не только в интересах царской России, но и эти процессы одновременно способствовали развитию Маньчжурии.

Краткий обзор публикаций, в том числе монографического характера, показывает, что российские и китайские ученые внесли существенный вклад в

изучение русской эмиграции в Харбине по отдельным вопросам. Однако оценка характера адаптации русских в Харбине, вопросы этничности и т.п. не стали объектом самостоятельного изучения, что представляет определенную новизну исследования.

Комплексный историко-политологический анализ особенностей адаптации русской эмиграции для характеристики развития русской диаспоры в Харбине представляет цель исследования. Постановка научной проблемы предполагает разработку ряда исследовательских вопросов, касающихся анализа социальной активности русской эмиграции в Харбине; выявления противоречивости отношений между русской диаспорой и местным китайским населением; определение роли русской колонии в расширении миграционного процесса после революции 1917г. до конца 1930-х годов.

Методы

Комплексный историко-политологический анализ представляет собой междисциплинарный метод исследования, объединяющий исторические и политологические подходы для всестороннего изучения явлений и процессов в их историческом развитии, что позволяет не только описать исторические события, но и выявить их политическое значение, оценить последствия принятых решений принимающей стороны – Китайского правительства, и администрации города, что позволяет сделать выводы и для современной практики миграционной политики страны. Такой подход к исследованию политических процессов через призму их исторического развития позволяет охарактеризовать эволюцию институтов и процессов адаптации эмигрантов из России, выявить причинно-следственные связи в развитии политических явлений.

Авторам удалось сформулировать обобщенные точки зрения российских и китайских учёных на эту проблему, аргументированно описать факты социальной активности русских эмигрантов в Харбине, выявить сложности во взаимоотношениях между русской диаспорой и местным населением Китая, а так же выяснить, как созданная в конце XIX в. русская колония повлияла на миграционные процессы в период с 1917 г. до 1939 г.

Материалы

Основные выводы исследования базируются на результатах критического анализа опубликованных работ российских и китайских ученых, посвященных отдельным вопросам русской эмиграции. Однако, в настоящее время мы не имеем исследования о положении русских в г. Харбине с позиций историко-политологического анализа, что определяет новизну исследования.

В монографии Н.П. Крадина «Харбин – Русская Атлантида» [17] детально показаны исторические факты о положении русской диаспоры в Харбине. Например, в коллективной монографии ««Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта» [18] делается общий вывод, что русская диаспора в этом городе была представлена на стыке «своего» и «чужого» цивилизационного развития и миропонимания [19].

Дальневосточная эмиграция стала одной из масштабных по своей численности. Л.Ф. Говердовская в своем исследовании предлагает выделить три периода расселения

русских на территории Китая. Первый период приходится на конец XIX – начало XX века, к этому времени относится строительство Китайско-Восточной железной дороги. На этот этап приходится и строительство Харбина, в котором жили русские рабочие и технические специалисты, обслуживающие железную дорогу. Второй период относится к 1917–1922 гг., который связан с началом революций и гражданской войны. Третий период относится к 1925–1930 гг., характеризуется активизацией эмиграционных процессов, вызванными социально-политическими и экономическими процессами в СССР и началом репрессий [1]. Именно в течение последнего периода русские эмигранты, различные и неоднородные по своему составу, составили большинство беженцев в Китай. В это время Китай считался самой привлекательной страной Азиатско-Тихоокеанского региона, где сформировались центры русской эмиграции. Точное количество человек определить довольно сложно, и во многих исследованиях данные разнятся, хотя, в целом, эти показатели оцениваются до 500 тыс. человек.

В Маньчжурии, таким образом, к началу XX в. сложилась самая многочисленная русская колония в Китае. Центром эмиграции русского населения стал город Харбин. В силу исторических событий, связанных со строительством КВЖД и активной деятельностью специалистов из России, закрепившихся на этом участке, он впоследствии получил название «русского города». Изначально прибывавшие сюда люди были непосредственно связаны с обслуживанием железной дороги. Выбор Харбина как центра провинции был обусловлен его выгодным и удобным территориальным расположением. Близкое расположение водной артерии – р. Сунгари, вдоль КВЖД было одной из причин выбора именно этой местности для строительства города как центра управления и обслуживания транспортного узла. Такие факторы предопределили быстрое и активное развитие Харбина, что вскоре превратило его в довольно большой административный центр.

Следующий миграционный этап в район Дальнего Востока и последующего расселения на территории Маньчжурии, преимущественно, в г. Харбин длился с 1918 по 1923 год [4; 11] (Говердовская Л.Ф. приводит даты с 1917 по 1922 год для русской миграции в Китай в целом). В отличие от предыдущих миграционных волн, социальный состав «новых» беженцев состоял из простых людей, не относящихся к интеллигенции или к специалистам по техническому обслуживанию КВЖД. Согласно исследованию социального состава русских эмигрантов в Харбине с 1918 по 1923 год на основании данных анкетных карточек, зарегистрированных в Харбинском комитете помощи беженцам, преобладало крестьянское сословие, которое составляло около 40,6%. Второе по численности было сословие мещан, составлявшее 24,7%, далее следовали казаки (15%) и рабочие (7,1%). Представители бывшего дворянского или купеческого сословия составляли только 2,4% [11, с. 24–25].

Стоит отметить, что любой миграционный процесс в другую страну или регион, с автохтонным населением иной национальности или иной культуры, всегда сопровождается сложными адаптационными процессами. В первую очередь, необходимо уточнить, что авторами подразумевается под термином «адаптация». Согласно словарю лингвистической терминологии, составленному Т.В. Жеребило, адаптация является «процессом, при котором носитель определенной культуры и языка в силу неких обстоятельств вынужден приспосабливаться к иной среде:

социальной, культурной, языковой» [12, с. 23]. Это сложный и длительный процесс, который вынужден пройти каждый человек и его семья, ставшие мигрантами. Адаптация предполагает многоплановую интеграцию в жизнь местного населения. Она включает в себя не только биологический, физиологический и психологический аспекты, но также и социальный, культурный и политический фактор. Все из вышеперечисленного является уровнями, на которых в той или иной степени происходит контакт с местным населением.

Попадая в новую среду, мигрант формирует определенное представление о том, на каком уровне он хочет/может адаптироваться и интегрироваться в местное общество: полностью ассимилироваться, отстраниться от местного населения или выбрать нечто среднее. Также мигрантам свойственно образовывать группы из своих соотечественников (диаспоры), что, собственно, и является совокупностью лиц, обосновавшихся за пределами своего государства или места традиционного проживания этноса, объединенных общим этническим и культурным сознанием [12, с. 93]. Характерной чертой диаспор является сохранение и привнесение своей культуры в местное общество.

В своем исследовании, посвященном проблемам и особенностям адаптации русской эмиграции в Китае, Е.Е. Аурелене определяет понятие «диаспора» как этнос или его часть, которая обосновалась и проживает за пределами своей исторической территории, но при этом сохраняет понятие о единстве своего происхождения и заинтересована в сохранении групповых характеристик, которые отличаются от представителей страны расселения [4, с. 91]. В данном исследовании употребление слова «диаспора» понимается именно в таком значении, что более точно определяет и характеризует русскую эмиграцию в Китае. Интеграция диаспоры и ее участие в жизни местного населения и государства зависит от «закрытости/открытости» диаспоры обществу, традиционно проживающему на этой территории.

Особый интерес представляют исследования А.А. Забияко и А.П. Забияко и др. [18; 19], раскрывающие сложные механизмы взаимоотношений местного китайского населения и русской диаспоры в рамках устойчивых моделей традиционной культуры и ментальности народов.

Результаты

Исследование показало, что критерии выделения периодов общего расселения мигрантов из России на территории Китая [1], являются определяющими и для истории формирования русской диаспоры в Харбине. Первый этап, совпадающий со строительством Китайско-Восточной железной дороги, характеризовался проживанием русских рабочих, техников, инженеров, обслуживающих железную дорогу, а так же коммерсантов, учителей и врачей, членов их семей (конец XIX – начало XX вв.). После событий 1917–1922/23 гг. в России, новая волна эмиграции из страны значительно увеличила численность русской диаспоры в Харбине. В период с 1925 до конца 1930-х гг., после окончательного установления советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, эмиграция из СССР приобрела масштабные черты, что было обусловлено началом массовых репрессий. В результате в Китай устремились различные социальные и этнические группы российских беженцев, а также этнических китайцев, ранее проживавших на Дальнем Востоке России.

Изменения и активизация социальной жизни русской эмиграции в Харбине [1; 4; 5; 10; 14; 15 и др.] демонстрируют большую роль россиян в общественно-политической и культурной жизни города, несмотря на возникающие противоречивые отношения между русскими и китайцами. Следует отметить, что в большинстве случаев они разрешались мирным путем, но имело место непонимание особенностей как русского, так и китайского менталитета. Мнения авторов, как российских [2; 4; 13; 14; 15; 16], так и китайских [7; 8; 9; 10; 20] отличаются, что обусловлено методологическими позициями, целями исследователей и национальными интересами.

В работах китайских ученых отмечается, что образование городской культуры Харбина, стало уникальным и неповторимым, вследствие сочетания различных культур: русской и китайской. По их мнению, первоначально сказывалось влияние культуры императорской России, в силу цивилизационного давления, но позже наблюдается усиление влияния китайской культуры, что было связано, с одной стороны, с естественным завершением жизни первых русских эмигрантов и их потомков; с другой стороны, увеличением количества смешанных браков. В последнем случае социальные изменения наглядно служат примером аккультурации, что является предметом дискуссии между российскими [13; 14; 18; 19] и китайскими авторами [10; 20].

Не подлежит сомнению, что китайская культура, мировоззрение и менталитет существенно отличаются от российского. Тем не менее, длительное присутствие русского мира в границах КВЖД существенно упрощало интеграцию новых переселенцев из России в сложившееся сообщество. Центры русского быта и культуры действовали как своеобразные оазисы, помогая эмигрантам чувствовать себя не чужими в Китае. Стоит также подчеркнуть, что русская колония в первой трети XX в. была сформирована преимущественно из тех, кто прибыл сюда до начала революционных событий и последовавшей Гражданской войны в России, что, в свою очередь, облегчало адаптацию новых эмигрантов в 1920–30-е годы.

Дискуссия

Исследователи русской эмиграции в Китае неоднозначно оценивают ситуацию, сложившуюся в Харбине в начале XX в. Например, в исследованиях историка и востоковеда М.А. Павловской, занимавшейся вопросами о русских эмиграционных движениях на Дальнем Востоке, отмечается, что российские диаспоры в Китае представляли собой «...крайне изолированный в культурном отношении монолитный анклав», «поскольку диаспорического сознания у русских не сформировалось», «адаптации, а уж тем более ассимиляции российских эмигрантов в Северной Маньчжурии, не произошло» [13, с. 20].

Близкую позицию формулирует А. Забияко и др. С приходом в Харбин дальневосточных эмигрантов, остро встал вопрос о его самоидентичности: «Что же это за штука – Харбин: Европа или Азия?» Однако для многих этот вопрос звучал более конкретно: в их сознании Харбин был не просто местом на карте, но и определенной страной – Россией. В связи с этим, культурные ориентиры и запросы жителей Харбина были прежде всего направлены на восстановление образа потерянной Родины [19, с. 5]. Там же приводится и другая цитата, по смыслу близкая выше обозначенному мнению, из художественно-публицистической литературы

«Доктор Финк. Фоб-Дайрен (рассказы К. Сабурова)» (1926 г.): «Привыкли считать Харбин за самую настоящую Россию, мы проглядываем его специфические особенности, как проглядываем подобные местные термины». Это же подтверждает и другой российский автор – культуролог С.А. Черкашина. В своем исследовании она излагает, что «молодое поколение эмиграции по-иному, чем старшее поколение, воспринимало столь отличную от европейской китайскую культуру... и было готово осваивать и усваивать чужие культурные ценности, сопоставляя их с русской традицией» [14, с. 15].

Русский уклад жизни сформировался задолго до революции, которая вынудила многих людей покинуть родину. Атмосфера русского мира, созданная первопоселенцами, смягчала отношения между эмигрантами и местными жителями. Коренное население привыкло к людям другой национальности, поэтому отношение к новым эмигрантам было более лояльным, чем в других регионах Китая [3; 5; 7; 11; 17; 19; 20; 21]. Адаптация русской эмиграции в Харбине отличалась от других центров расселения в Китае, в отличие от Шанхая, здесь переселенцы оказались в особом положении [22].

Стоит отметить, что благодаря длительному формированию русской колонии в Харбине, адаптация к быту и языку здесь проходила проще, чем у мигрантов в Шанхае. В Харбине языковой барьер ощущался значительно меньше, поскольку русское население имело опыт длительного проживания и могло поддерживать контакты с местным населением через уже обосновавшихся соотечественников [4; 18]. В Харбине 1920-х годов сложилась уникальная социокультурная среда из китайцев и маньчжуров. В основном, это были торговцы и обслуживающий персонал. Благодаря своей этнической активности, они быстро перенимали языки и бытовые привычки других культур, хотя редко достигали уровня литературного языка. В Маньчжурии того времени не было китайской художественной и литературной интеллигенции, готовой к культурному диалогу с русскими [19].

Быстрый и относительно простой процесс адаптации эмигрантов был обусловлен наличием русской инфраструктуры в Харбине. Как писал российский историк и востоковед Г.В. Мелихов в своей работе «Белый Харбин. Середина 20-х»: «Таким образом, полоса отчуждения КВЖД была территорией с особым статусом, вытекающим исключительно из специфики проходившей по ней железной дороги – дороги русской на китайской земле, – территорией, по договору с Китаем управляемой полностью администрацией этой железной дороги, что, безусловно, придавало ей особые и специфические черты – политические, экономические, культурные, да и военные тоже» [15, с. 25]. Эти слова подтверждают наличие особого положения русских и специфику их адаптации на этой территории. Готовая и функционирующая русская инфраструктура заметно ускоряла адаптационный процесс эмигрантов из России и способствовала скорому формированию различных объединений и институтов [19; 21].

Однако, несмотря на благоприятные условия для адаптации, которых не было у эмигрантов, направлявшихся в Европу или США, мнения авторов о жизни русских беженцев на севере Китая расходятся. В исследовании О.В. Кочубей и В.Ф. Печерицы, посвященном русской эмиграции в Китае 1920-х годов [2], особое внимание уделяется проблеме адаптации и интеграции русских беженцев в китайское общество. Авторы, опираясь на архивные материалы и воспоминания как эмигрировавших из России, так

и уроженцев Харбина, формулируют довольно категоричную позицию по этому вопросу. В монографии утверждается, что эмигранты, оказавшись в чужой стране, сталкивались с угнетением и притеснением со стороны местного населения, не получали поддержки и сочувствия [2, с. 50–51]. Трудно согласиться с этой точкой зрения указанных авторов, особенно если учесть, что в то время активно создавались союзы и организации, оказывавшие помощь беженцам.

Однако, Н.Е. Аблова оспаривает мнение В.Ф. Печерицы и О.В. Кочубей и утверждает, что в Маньчжурии царил атмосфера дореволюционной России, где остался русский быт и культура [16, с. 55–57]. Автор приводит цитату из воспоминаний писательницы Е.Н. Рачинской, покинувшей Россию с родителями после начала революции и переехавшей в Харбин. «Харбин говорил по-русски; говорила линия КВЖД. В школах, гимназиях и университетах преподавание шло на русском. Даже китайцы, с которыми нам приходилось общаться, заговорили по-русски...» [16, с. 56].

Аналогичную точку зрения занимает и китайский исследователь Мяу Хуэй: «Русская литература, а в более широком контексте русская культура вообще, представленная фильмами, религией, архитектурой, питанием, одеждой, привычками русских людей, их поведением в быту и т. п., повлияла на жителей провинции Хэйлунцзян, заимствовалась ими, вошла частично в их образ жизни» [20, с. 129].

Российская колония, сформировавшаяся на севере Китая за долгие годы, безусловно, существенно облегчала жизнь и процесс адаптации для беженцев. Поэтому, возможно, для тех, кто переехал в Европу после Харбина, адаптация выглядела более лёгкой с точки зрения культурных различий, поскольку опыт присутствия в течение долгого времени русского мира в черте КВЖД значительно упрощал интеграцию в новое общество. Эти очаги русской культуры помогали эмигрантам чувствовать себя не чужими на новой земле. Повторимся, что русская колония в Харбине состояла в основном из тех, кто переехал до революции и Гражданской войны и им удалось построить небольшой русский оазис, который сохранял весь уклад вещей прежней России.

Анализ опубликованных исследований позволяет сделать некоторые выводы, каждый из которых может быть далее развернут в отдельное самостоятельное исследование.

После революции 1917 г. русские эмигранты в Харбине оказались в сложном правовом положении. Советское правительство отказалось признавать их своими гражданами, а китайские власти ввели строгие ограничения: была введена обязательная регистрация и получение вида на жительство, ограничено проживание только в определенных районах, было необходимо получить разрешения на переезд, введена высокая плата за оформление паспортов [1; 4; 5; 11].

Однако при таких ограничительных мерах, русская община в Харбине сформировала собственную инфраструктуру. Были созданы общественные организации (Харбинский комитет помощи беженцам, Союз русских инвалидов), действовали профессиональные объединения, работали образовательные учреждения всех уровней, где преподавание велось на русском языке, функционировали культурные организации [4; 11; 17; 18; 19].

Русские активно участвовали в экономической жизни города. Предприниматели инвестировали в различные предприятия (общая сумма капиталовложений к 1940-м годам составила около 29,5 млн долларов США), развивали торговлю и домовладение (73,7 млн долларов в эту сферу), создавали новые промышленные предприятия, открывали частные дома и мастерские [10; 18; 21].

Особенностью культурной адаптации стало сохранение русской культурной идентичности, о чем говорит сохранение традиций православия и русского языка, развитие образования и науки, возможность сохранения активной литературной деятельности, открытие музыкальных школ, издательская деятельность (выпуск периодики и книг) [3; 14; 17; 19].

В быту наблюдались сохранение русской одежды с элементами форменного костюма, преобладание русской кухни при частичном заимствовании китайских блюд, строительство домов в русском стиле, организация досуга по привычному образцу [14; 17; 19; 20; 21].

Русские в Харбине сформировали довольно замкнутую общину, что было обусловлено языковым барьером, глубокими культурными различиями, стремлением сохранить собственную идентичность и отсутствием необходимости активного взаимодействия с местным населением.

Заключение

Практическое применение исторических и политологических приемов анализа позволяет оценить характер действий китайской администрации, созданных новых структур и организаций в отношении «новых граждан»: их возможностей, уровня образования и «полезности» прибывающих специалистов для страны в целом.

Выявленные общие тенденции условий адаптации русских для всего Китая [1; 2; 4; 14; 21] и определенные специфические черты развития русской диаспоры в Харбине [5; 6; 7; 10; 11; 15; 17; 18; 19; 20] создали уникальную адаптационную модель для обеих стран. Основной является наличие дореволюционной русской колонии, которая послужила основой для формирования «уголка русского мира» на территории Китая в конце XIX – начале XX в. и последующее ее социо-экономическое развитие. Общность языка и культуры среди переселенцев существенно облегчила процесс адаптации русских эмигрантов на севере Китая (в Харбине), по сравнению с другими городами, например, Шанхаем [22]. Социальная и культурная адаптация россиян в Харбине носила особый характер: с одной стороны, сохранялась собственная культурная идентичность, с другой – появлялись новые формы взаимодействия с местной средой в условиях сложной экономической и политической ситуации.

В исследованиях китайских авторов предлагаются различные оценки деятельности русских в Китае и в Харбине, но при этом подчеркивается, что определяющую роль сыграла политика Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и строительство КВЖД.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Говердовская Л.Ф. Общественно-политическая и культурная деятельность русской эмиграции в Китае в 1917–1931 гг. М: Институт Дальнего Востока, 2004. 189 с. EDN: **OXTAYP**.
2. Кочубей О.И., Печерица В.Ф. Исход и возвращение (русская эмиграция в Китае в 20–40-е гг.). Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1998. 228 с.

3. Печерица В.Ф. Духовная культура русской эмиграции в Китае. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1999. 276 с.
4. Аурилене Е.Е. Особенности адаптации эмигрантов в 1920–1950-е годы // Россия и АТР. 2004. № 3 (45). С. 94–101. EDN: [HPNDIN](#).
5. Смирнов С.В. Российские эмигранты в Северной Маньчжурии в 1920–1945 гг. (проблема социальной адаптации). Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. 228 с.
6. Чжан Цзхунхуа, Цзян Яньхун. Русские эмигранты в Харбине после Октябрьской революции 1917 г. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2022. № 4. С. 82–95. EDN: [ACIMRX](#).
7. Ши Фан 石方, Лю Шуан 刘爽, Гао Лин 高凌. Хаэрбинь э цяо ши (диэр бань) 哈尔滨俄侨史 (第二版) [История русских иммигрантов в Харбине (второе издание)]. Хаэрбинь лунцзян жэньминь чубаньшэ 哈尔滨: 龙江人民出版社 [Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство], 2003. 64 с.
8. Ли Сингэн 李兴耕. Фэной ф упин: эго цяоминь цзай чжунго: 1917–1945 风雨浮萍: 俄国侨民在中国: 1917–1945 [Плывя под ветром и дождём: русская диаспора в Китае: 1917–1945]. Бэйцзин: Чжунян бяньи чубаньшэ 北京: 中央编译出版社 [Пекин: Центральное издательство по составлению и переводу], 1997. 536 с.
9. Ли Шусяо 李述笑. Хаэрбинь лиши бяньнянь 哈尔滨历史编年 [Хроники истории Харбина]. Хаэрбинь: Хаэрбинь чубаньшэ 哈尔滨: 哈尔滨出版社 [Харбин: Харбинское издательство], 2000. 486 с.
10. Ли Мэн. Харбин – продукт колониализма // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 1. С. 96–103.
11. Аурилене Е.Е. Российская диаспора в Китае. Маньчжурия. Северный Китай. Шанхай. (1920–50-е гг.). Хабаровск: Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ, 2003. 191 с.
12. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. 485 с.
13. Павловская М.А. Харбинская ветвь российского востоковедения: (Начало XX в. – 1954 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 1999. 28 с.
14. Черкашина С.А. Культурная деятельность русской эмиграции в Китае (1917–1945): автореф. дис. ... канд. культурологии. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2002. 20 с.
15. Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М.: Русский путь, 2003. 438 с. EDN: [QOWSEZ](#).
16. Аблова Н.Е. Дальневосточная ветвь Русского зарубежья. Минск: РИВШ, 2007. 218 с.
17. Крадин Н.П. Харбин – Русская Атлантида. Хабаровск: Хабаровская краевая типография, 2010. 365 с. EDN: [QPRJDT](#).
18. Забияко А.А., Забияко А.П., Лешко С.С., Хисамутдинов А.А. Русский Харбин: опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск: Амурский государственный университет, 2015. 462 с.
19. Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Издательство Сибирского отделения Российской академии наук. 2016. 437 с. EDN: [YOWSXN](#).
20. Мяо Хуэй. Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор. 2015. №2 (42). С. 128–135. EDN: [TZHNTB](#).
21. Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX – начало XX в. М.: Изд-во «Наука», 1987. 168 с. EDN: [YMKPJY](#).
22. Носкова Н.В., Ван Цзюньтао. Социальная адаптация российской эмиграции в Шанхае в 1917–1939 гг. // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 2. С. 133–143. EDN: [UIWYWF](#).

REFERENCES

1. Goverdovskaya L.F. Obshhestvenno-politicheskaja i kulturnaja dejatel'nost' russkoj emigracii v Kitae v 1917–1931 gg. [Socio-Political and Cultural Activities of Russian Emigration in China in 1917–1931]. Moscow: Institute of Far East, 2004. 186 p. (In Russian). EDN: [OXTAYP](#).
2. Kochubey O.I., Pecheritsa V.F. Ishod i vozvrashhenie (russkaja jemigracija v Kitae v 20–40-e

- gg.) [Exodus and return (Russian emigration in China in the 20–40s)]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University, 1998. 228 p. (In Russian).
3. Pecheritsa V.F. Duhovnaja kultura russoj jemigracii v Kitae [The Spiritual Culture of Russian Emigration in China]. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University, 1999. 74 p. (In Russian).
 4. Aurilene, E.E. Features of the Adaptation of Emigrants in the 1920s–1950s. *Russia and the Asia-Pacific Region*. 2004. No. 3 (45). P. 94–101. (In Russian). EDN: [HPNDIN](#).
 5. Smirnov S.V. Rossijskie emigranty v Severnoj Manchzhurii v 1920–1945 gg. (problema socialnoj adaptacii) [Russian emigrants in Northern Manchuria in 1920–1945 (the problem of social adaptation)]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 2007. 228 p. (In Russian).
 6. Zhang Zonghua, Jiang Yanhong. Russian Emigrants in Harbin after the October Revolution of 1917. *Moscow university bulletin. Series 8: History*. 2022. No. 4. P. 82–95. (In Russian). EDN: [ACIMRX](#).
 7. Shi Fang 石方, Liu Shuang 刘爽, Gao Lin 高凌. Haerbin e qiao shi (di er ban) 哈尔滨俄侨史 (第二版) [History of Russian Immigrants in Harbin (Second Edition)]. Harbin: Long jiang renmin chubanshe 哈尔滨: 龙江人民出版社 [Harbin: Longjiang People's Publishing House], 2003. 64 p. (In Chinese).
 8. Li Singen 李兴耕. Fengyu fu ping: Eguo qiaomin zai zhongguo: 1917–1945 风雨浮萍: 俄国侨民在中国: 1917–1945 [Floating in the Wind and Rain: Russian Diaspora in China: 1917–1945]. Beijing: Zhongyang bianyi chubanshe 北京: 中央编译出版社 [Beijing: Central Compilation and Translation Press], 1997. 536 p. (In Chinese).
 9. Li Shusyao 李述笑. Haerbin lishi bian nian 哈尔滨历史编年 [Harbin Historical Chronicles]. Harbin: Haerbin chubanshe 哈尔滨: 哈尔滨出版社 [Harbin: Harbin Publishing House]. 2000. 486 p. (In Chinese).
 10. Lee Man. Harbin – produkt kolonializma [Harbin is a Product of Colonialism]. *Far Eastern Studies*. 1999. No. 1. P. 96–103. (In Russian).
 11. Aurilene E.E. Rossijskaja diaspora v Kitae. Manchzhurija. Severnyj Kitaj. Shanhaj. (1920–50-egg.) [Russian Diaspora in China. Manchuria. Northern China. Shanghai. (1920–50s)]. Habarovsk: Habarovskij pograničnyj institut FSB RF [Khabarovsk: Khabarovsk Border Institute of the FSB of the Russian Federation], 2003. 191 p. (In Russian).
 12. Zherebilo T.V. Slovar lingvisticheskikh terminov [Dictionary of Linguistic Terms]. 5th edition, corrected and supplemented. Nazran: OOO “Pilgrim”, 2010. 485 p. (In Russian).
 13. Pavlovskaya M.A. Harbinskaja vetv rossijskogo vostokovedenija: (Nachalo XX v. – 1954 g.) [Harbin Branch of Russian Oriental Studies: (The Beginning of the XX Century – 1954)]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Historical Sciences. Vladivostok: Far Eastern National University. 1999. 28 p. (In Russian).
 14. Cherkashina S.A. Kulturnaja dejatel'nost' russoj emigracii v Kitae (1917–1945) [Cultural Activity of Russian Emigration in China (1917–1945)]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Cultural Studies. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Culture and Arts. 2002. 20 p. (In Russian).
 15. Melikhov G.V. Belyj Harbin. Seredina 20-h [White Harbin. Mid 20s]. Moscow: The Russian Way, 2003. 438 p. (In Russian). EDN: [QOWSEZ](#).
 16. Ablova N.E. Dalnevostochnaja vetv Russkogo zarubezhja [Far Eastern Branch of the Russian Diaspora]. Minsk: RIVSH, 2007. 218 p. (In Russian).
 17. Kradin N.P. Harbin – Russkaja Atlantida [Harbin – Russian Atlantis]. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Printing House, 2010. 365 p. (In Russian). EDN: [QPRJDT](#).
 18. Zabijako A.A., Zabijako A.P., Levoshko S.S., Hisamutdinov A.A. Russkij Harbin: opyt zhiznestroitelstva v uslovijah dalnevostochnogo frontira [Russian Harbin: Life-building Experience in the Far Eastern Frontier]. Blagoveshchensk: Amur State University, 2015. 462 p. (In Russian).
 19. Zabijako A.A. Mentalnost' dalnevostochnogo frontira: kultura i literatura russkogo Harbina [Mentality of the Far Eastern Front: culture and literature of Russian Harbin]. Novosibirsk: Publishing House of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 2016. 437 p. (In Russian). EDN: [YOWSXN](#).
 20. Miao Hui. Russian Immigrants in Harbin: Interaction of two Cultures. *Humanitarian Vector*. 2015. No. 2 (42). P. 128–135. (In Russian). EDN: [TZHNTB](#).
 21. Romanova G.N. Ekonomicheskie otnoshenija Rossii i Kitaja na Dalnem Vostoke. XIX – nachalo

НН v. [Economic Relations between Russia and China in the Far East. XIX – early XX Century]. Moscow: Publishing house “Nauka”, 1987. 168 p. (In Russian). EDN: [YMKPJY](#).

22. Noskova, N.V., Wang Juntao. Social Adaptation of Russian Emigration in Shanghai in 1917–1939. *Russia in the Global World*. 2025. Vol.28. Iss. 2. P. 133–143. (In Russian). EDN: [UIWYWF](#).

Сведения об авторах / Information about authors

Павлова Ольга Константиновна – доктор исторических наук, профессор высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-3047-8400

Цзин Линьпань – аспирант высшей школы международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: tszin.l@edu.spbstu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Pavlova Olga K. – Doctor of Historical Sciences, Professor at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: pavlova_ok@spbstu.ru

ORCID: 0009-0003-3047-8400

Jing Lingpan – postgraduate student at the Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: tszin.l@edu.spbstu.ru

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 19.06.2025.

Одобрена после рецензирования 23.07.25.

Принята 25.07.2025.

Received 19.06.2025.

Approved after reviewing 23.07.2025.

Accepted 25.07.2025.

научная статья / research article

УДК: 328.1+328.16

EDN: [DIKTGC](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.10

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Новая «Большая» коалиция: внутривнутриполитические вызовы в современной Германии

Ручкин Никита Дмитриевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
 ruchkin.nd@edu.spbstu.ru

Аннотация

Введение. В рамках исследования современной политической системы Германии важно проанализировать контекст прихода к власти новой правительственной коалиции и ее перспективы, основываясь на результатах анализа. Исследование концентрируется на оценке уровня поддержки сформированной «Большой» коалиции, что определяет успех ее будущих законодательных инициатив. Особое внимание уделяется изменившемуся партийному составу нового парламента, возросшему числу депутатов оппозиции и роли нового канцлера и его правительства в решении внутривнутриполитических вызовов в Германии.

Материалы и методы. В исследовании проанализированы официальные данные результатов выборов, заявления политиков, научные публикации, а также материалы СМИ, связанные с существующей политической ситуацией в Германии. С помощью причинно-следственного анализа были выявлены факты, оказавшие влияние на формирование новой правительственной коалиции.

Результаты. Политико-партийный ландшафт после выборов 2025 г. претерпел изменения, и партиям в Германии пришлось формировать новое правительство в условиях весьма ограниченного выбора его участников. «Большая» коалиция в процессе своего оформления столкнулась с проблемами единства двух партий, что сказалось на возможностях принятия решений внутри коалиции. Возросшее число оппозиционных депутатов в парламенте значительно затруднит для правительства принятие серьезных законопроектов.

Заключение. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшей оценки перспектив работы современного правительства Германии, анализа ошибок и возможных сценариев будущего развития политико-партийного ландшафта Германии и для определения вектора развития отношений ФРГ и РФ в контексте «заморожки» отношений.

Ключевые слова: Германия; правительственная коалиция; «Большая» коалиция; Бундестаг; федеральные выборы; оппозиция; Фридрих Мерц; политический кризис

Для цитирования: Ручкин Н.Д. Новая «Большая» коалиция: внутривнутриполитические вызовы в современной Германии // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 168–181. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.10.

© Ручкин Н.Д., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

New «Grand» Coalition: Inner Challenges of Modern German Politics

Nikita D. Ruchkin

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

 ruchkin.nd@edu.spbstu.ru

Abstract

Introduction. As part of the study of the modern German political system, it is important to analyze the context of the coming to power of a new government coalition and its prospects, based on the results of the analysis. The study focuses on assessing the level of support for the formed «Grand» Coalition, which determines the success of its future legislative initiatives. Special attention is paid to the changed party composition of the new parliament, the increased number of opposition deputies, and the role of the new Chancellor and his government in addressing domestic political challenges in Germany.

Materials and methods. The study analyzes election results data, statements by politicians, scientific publications, as well as media materials related to the current political situation in Germany. The causal analysis revealed the facts that influenced the formation of a new government coalition and its reputation.

Results. The political and party landscape has changed since the 2025 elections. In result German political parties had to face the task of creating a new government with a very limited choice of its participants. The «Grand» coalition's unity was questioned during the process of its formation. In result many of the decisions the government initiated had failed. Also, the increased number of opposition MPs in parliament will make it much more difficult for the government to adopt important bills.

Conclusion. The results of the study can be used to further assess the prospects for the work of the modern German government, analyze errors and possible scenarios for the future development of the German political and party landscape, and determine the vector of development of relations between Germany and the Russian Federation in the context of their relations' «deep-freeze».

Keywords: Germany; government coalition; Grand coalition; Bundestag; federal elections; opposition; Friedrich Merz; political crisis

For citation: Ruchkin, N.D. New «Grand» Coalition: Inner Challenges of Modern German Politics. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 168–181. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.10.

© Ruchkin, N.D., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

Введение

Политико-партийный ландшафт Германии пережил несколько серьезных кризисов за период работы «светофорной» коалиции с 2021 по 2025 гг. Распад правительственной коалиции в ноябре 2024 г. нанес непоправимый ущерб ее партиям-участникам, значительно снизив их популярность¹. После проведенных досрочно федеральных выборов в феврале 2025 г. Бундестаг столкнулся с значительным изменением в распределении сил (рис. 1).

¹ Bruch der Ampelkoalition: Ende mit einem lauten Knall // tagesschau.de: [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/ampel-aus-100.html> (дата обращения: 16.05.2025).

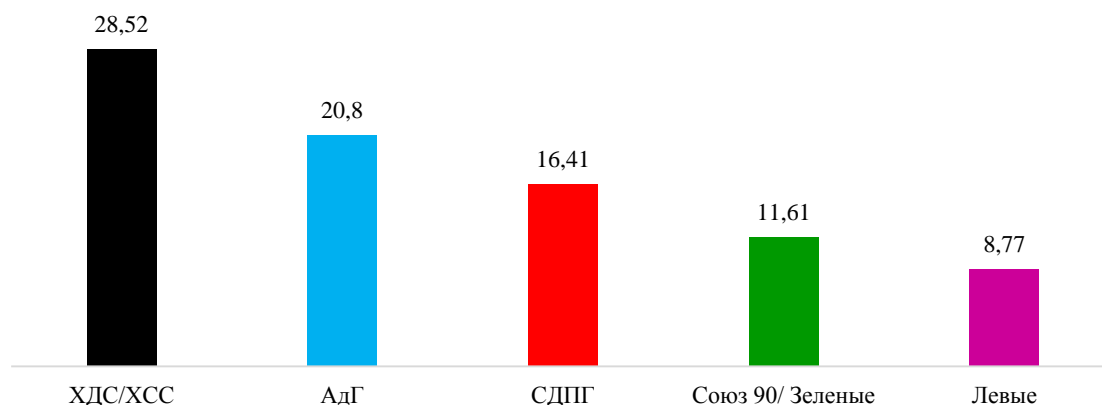

Рис. 1. Результаты федеральных выборов в 2025 году.²
Fig. 1. 2025 federal election results

Бывший в оппозиции правоцентристский блок Христианско-демократического и Христианско-социального союзов (ХДС/ХСС) теперь лидирует по результатам выборов. На втором месте правая партия Альтернатива для Германии (АдГ), которая увеличила свою поддержку в два раза и впервые заняла такую высокую позицию на федеральных выборах³. Электоральная поддержка партий-участников «светофорной» коалиции сильно снизилась. Социал-демократическая партия (СДПГ) заняла третье место, «Союз 90/ Зеленые» – четвертое, а Свободная демократическая партия (СвДП) не смогла пройти в парламент.

Блок ХДС/ХСС одержал победу на выборах и должен сформировать новое немецкое правительство. Но на деле данный процесс оказался для партии проблематичным, в исследовании мы рассмотрим те факторы, которые значительно осложняют работу нового немецкого правительства. Целью исследования является определение перспектив новой «Большой» коалиции Германии после выборов 2025 г., в том числе в отношениях ФРГ и РФ. Задачи исследования, следующие: проанализировать состав нового парламента ФРГ и процесс, и политический контекст формирования новой правительственной коалиции; оценить роль оппозиционных партий (АдГ и «Левые») в парламенте; выявить наличие у новой коалиции перспектив в изменении отношений ФРГ и РФ.

Актуальные изменения в политическом ландшафте Германии, в особенности после федеральных выборов 2025 г., привлекают внимание исследователей политической жизни Германии, среди которых следует отметить В.Б. Белова, П.М. Рукавицына, К.С. Люкшина, в работах которых обозначены перспективы Фридриха Мерца как лидера партии ХДС [1]; основные внутривнутриполитические и партийные проблемы, стоящие перед Германией на данный момент [2]; политические последствия развала правительственной коалиции Германии в ноябре 2024 г. [3].

Анализ процесса формирования нового правительства и проблем, стоящих перед ним, являются важными элементами при изучении политических процессов в

² По: Die Bundeswahlleiterin – Bundestagswahl 2025: [сайт]. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundeswahlleiter.html> (дата обращения: 16.05.2025).

³ Там же.

Германии на современном этапе. Отсюда научной проблемой в предлагаемом исследовании является изменившийся партийный состав нового парламента, который принес нестабильность в главный законодательный орган Германии и политическая ситуация, в которой канцлер ФРГ Фридрих Мерц, как глава «Большой» коалиции, определяет направления внутренней политики Германии и пути разрешения актуальных внутривнутриполитических проблем⁴. В данном исследовании внимание уделяется сформированному в апреле 2025 г. правительству ФРГ, состоящим из двух партий – ХДС/ХСС и СДПГ, т.н. «Большой» коалиции. На данный момент вопрос будущих законодательных перспектив и внутривнутриполитических проблем (в их числе растущие протестные и антимигрантские настроения, проблемы в сфере энергетики, экономики и экологии [2]), стоящих перед новой правительственной коалицией в Германии, является недостаточно изученным.

В исследовании сделан акцент на политическом контексте формирования новой «Большой» коалиции, роли в ней нынешнего канцлера ФРГ Фридриха Мерца, а также на законодательных перспективах правительственной оппозиции в парламенте с учетом роста популярности оппозиционных партий.

Материалы и методы

Подробного рассмотрения требует политический контекст начала работы нового правительства в Германии, перспективы и возможные ограничения новой коалиции. Материалами исследования послужили: нормативно-правовые документы ФРГ (Основной закон ФРГ, закон о партиях, Коалиционный договор 2025 г.), официальные результаты выборов 2025 года, новостные статьи и материалы СМИ, и научные публикации, посвященные вопросу современной политической ситуации в Германии 2024–2025 гг.

В предложенном исследовании используются следующие методы: анализ нормативно-правовых документов, таких как Основной закон ФРГ и официальный бюллетень Председателя федеральной избирательной комиссии, используемый для определения правил и процедуры партийных интеракций с целью формирования правительства и т.п., а также для анализа результатов федеральных выборов 2025 г.; причинно-следственный анализ, послуживший для построения взаимосвязей между действиями лидеров и участников коалиции и последующей реакцией общества, политиков, СМИ; а также общенаучные методы систематизации и интерпретации, необходимые для связи проанализированных событий и перспектив новой правительственной коалиции.

Результаты исследования

Результаты выборов 2025 г. показали значительную поддержку блока ХДС/ХСС⁵, который получили 28,6% голосов и 208 мест в новом парламенте, –

⁴ Мерц в эпоху Zeitenwende. Подкаст о германской политике с Владиславом Беловым. 16.05.2025 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт] https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/podcasts/merts-v-epokhu-zeitenwende-podkast-o-germanskoj-politike-s-vladislavom-belovym/?sphrase_id=219829861 (дата обращения: 17.05.2025).

⁵ Die Bundeswahlleiterin – Bundestagswahl 2025: [сайт]. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundeswahlleiter.html> (дата обращения: 16.05.2025).

следовательно, именно блок ХДС/ХСС назначает основных кандидатов на главные посты Германии: пост президента Бундестага, пост канцлера ФРГ, а также большая часть министерских портфелей, распределяемая между ХДС/ХСС. По закону для формирования правительства необходимо большинство в парламенте (50% + 1 место)⁶, которое в новом парламенте составляет 316 мест (из 630 возможных). Единственная партия, с которой ХДС/ХСС могли бы получить большинство – это СДПГ (сотрудничество со второй по популярности партией АдГ лидер ХДС Фридрих Мерц неоднократно отвергал⁷). Это позволило блоку Христианских демократов не проводить множественные зондирующие переговоры с разными партиями, чтобы найти более выгодные условия. Христианские демократы смогли сразу сконцентрироваться на работе с одной партией, СДПГ. Тем не менее, множественные конфликты ХДС/ХСС и СДПГ в предвыборной гонке и шаткое положение самих социал-демократов после «светофорной» коалиции [4, с. 732] ставили под сомнение устойчивость и продуктивность переговоров. Тем не менее, обсуждение условий для коалиции между двумя партиями прошло в рекордно короткие сроки – 27 дней⁸. Несмотря на поддержку коалиционного соглашения обеими фракциями, новое правительство и его лидер – Фридрих Мерц – успели столкнуться с критикой, даже от собственных партнеров.

Реформа долгового тормоза

Понятие долгового тормоза (Schuldenbremse) существует в немецкой политике с 2009 г., когда правительство Ангелы Меркель ввело ограничение на государственные долги в размере 0,35% от ВВП [5, с. 55]. Реформа, включенная в Основной закон ФРГ, была необходима для борьбы с возросшими расходами правительства и финансовым кризисом. В последние годы актуальность данного правила ставится под сомнение некоторыми партиями, которые требуют ослабления «тормоза» для разрешения финансовых вопросов в экономике. Необходимо отметить, что реформу «тормоза» каждая из партий позволяет только для своих конкретных целей – например, «Левые» требуют выделения дополнительных средств на социальные выплаты, «Зеленые» – на экологические проекты.

Против реформы долгового тормоза выступал Фридрих Мерц⁹, который обещал ни при каких условиях не допустить эту реформу. Вероятно, эти обещания были связаны с надеждой на то, что при необходимости реформу можно будет провести уже в новом Бундестаге. После выборов возник нюанс: для внесения изменений в Основной Закон¹⁰ (долгового тормоз закреплён в Основном Законе ФРГ) необходимо

⁶ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 16.05.2025).

⁷ Merz zur AfD: «Keine Zusammenarbeit, keine Duldung, gar nichts» // tagesschau.de: [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestagswahl/cdu-parteitag-276.html> (дата обращения: 17.05.2025).

⁸ Koalitionsvertrag 2025 // Die Bundesregierung: [сайт]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/koalitionsvertrag-2025-2340970> (дата обращения: 17.05.2025).

⁹ Koalitionsverhandlungen: «Gebrochene Wahlversprechen brennen sich ein» // tagesschau.de: [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/innenpolitik/wahlversprechen-100.html> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁰ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 16.05.2025).

одобрение не менее двух третей депутатов¹¹. После выборов 2025 г. и объявления их результатов стало понятно, что у ХДС/ХСС, даже собрав воедино весь «демократический» центр (СДПГ и «Зеленых»), не получится преодолеть совместное «блокирующее меньшинство» АдГ и «Левых».

Две традиционно оппозиционные партии набрали чуть больше одной трети мест в парламенте, что позволяет им вместе, как оппозиции, отклонять решения по изменениям, вносимым в Основной закон ФРГ. В итоге лидер ХДС Фридрих Мерц решил применить лазейку в законодательстве – «Большая» коалиция провела экстренные заседания старого созыва Бундестага 17 и 18 марта по вопросу реформы долгового тормоза (несмотря на то, что выборы уже прошли). С точки зрения закона данный маневр ничего не нарушает. Пока не было проведено учредительное собрание нового Бундестага (которое состоялось 25 марта) и не был избран новый президент Бундестага, предыдущий созыв оставляет за собой свои законодательные полномочия¹². Но с точки зрения политики данный маневр был считан многими как «отнюдь не честный»¹³. Несмотря на практическое заключение коалиции ХДС/ХСС и СДПГ, в старом созыве Бундестага им все еще не хватало голосов до двух третей. Поэтому в пакет реформы «долгового тормоза», предполагающий выделение средств на оборону, инфраструктуру и инновационные технологии был также включен пункт, включающий выделение 100 миллиардов евро на «климатические» цели¹⁴. Данный пункт был добавлен ради поддержки проекта партией «Зеленых», чтобы парламент смог одобрить поправки к Основному закону ФРГ. 18 марта 2025 г. после долгих и ожесточенных дебатов проект все же был принят. Несмотря на законность данной процедуры, Фридрих Мерц и его правительство сигнализируют о том, что сделают «все, что потребуется для безопасности Германии»¹⁵.

Уже не такая «Большая» коалиция

9 апреля 2025 г. был заключен коалиционный договор под названием «ответственность за Германию» (Verantwortung für Deutschland)¹⁶ и страну ждала очередная т.н. «Большая» коалиция, которая традиционно состояла из двух крупнейших партий Германии: ХДС/ХСС и СДПГ. В новом парламенте «значимость» такой коалиции справедливо ставится под сомнение. Ранее союз двух «народных» партий ФРГ приносил партнерам контроль над минимум 60–65% мест в парламенте. Сейчас же у «Большой» коалиции 2025 г. всего 328 мест из 630, т.е. 52%, что составляет абсолютный минимум для формирования большинства. Как уже было

¹¹ Там же.

¹² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 16.05.2025).

¹³ Bundestag billigt Grundgesetzänderung für Finanzpaket // tagesschau.de: [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/bundestag-finanzpaket-100.html> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Germany's next leader Merz is vowing to do «whatever it takes» on historic \$1.3 trillion infrastructure spending revolution // Fortune Europe: [сайт]. URL: <https://fortune.com/europe/2025/03/13/germany-friedrich-merz-historic-defense-spending-revolution-donald-trump-olaf-scholz-green-party/> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁶ Koalitionsvertrag 2025 // Die Bundesregierung: [сайт]. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/aktuelles/koalitionsvertrag-2025-2340970> (дата обращения: 17.05.2025).

сказано ранее, у ХДС/ХСС не было других вариантов при выборе партии для коалиции. И партнерство с СДПГ принесло коалиции всего 52% мест в парламенте, в то время как предыдущая «светофорная» коалиция получила большинство с помощью 56% мест [4, с. 728]. В контексте работы главного законодательного органа данная разница в 4% является серьезным показателем. Отсюда можно сделать вывод, что из-за спада популярности СДПГ, коалиция уже не может полноправно называться «Большой», т.к. в новом парламенте она получила чуть больше половины мест.

Выборы нового канцлера

25 марта 2025 г. на учредительном собрании нового Бундестага был избран президиум нового парламента. Президентом Бундестага стала Юлия Клёкнер (ХДС), вице-президентами – Андреа Линдхольц (ХСС), Джозефин Ортлеб (СДПГ), Омид Норипур («Зеленые») и Бодо Рамелов («Левые») ¹⁷. По традиции немецкого «брандмауэра» представители АдГ в президиум избраны не были.

После переговоров, как было отмечено ранее, 9 апреля 2025г. ХДС/ХСС и СДПГ подписали совместный коалиционный договор ¹⁸. И 6 мая на втором заседании Бундестага прошли выборы канцлера. По всем правилам это должна была быть просто формальность – партии собираются и голосуют за кандидатуру канцлера (кандидату необходимо набрать 50% + 1 голос) ¹⁹. После этого избранный канцлер и выбранные канцлером министры приносят присягу и заседание заканчивается. Но на втором заседании для будущего канцлера все пошло не по плану. При поддержке всех депутатов коалиции Фридрих Мерц должен был легко занять место канцлера, набрав необходимые для получения должности 316 голосов «за». На втором заседании Бундестага свои голоса отдали 621 депутат (из 630 присутствующих), «против» кандидатуры Мерца проголосовали 307 депутатов, «за» – 310, три воздержались и один голос засчитан недействительным ²⁰.

Таким образом, впервые в истории ФРГ канцлер, сформировавший коалицию, не смог получить поддержку большинства голосов в первом туре голосования. Теоретически предполагая, что все не отдавшие свой голос девять депутатов принадлежат СДПГ и/или ХДС/ХСС, у коалиции есть 319 голосов, которые ее участники должны были отдать «за» канцлера. Данный факт свидетельствует, что далеко не все депутаты доверяют новому канцлеру, а разрыв всего в 3 голоса между одобрением и неодобрением его кандидатуры наводит на мысль об отсутствии у Фридриха Мерца серьезной поддержки внутри парламента ²¹.

¹⁷ Das ist das neue Bundestagspräsidium // Das Parlament: [сайт]. URL: <https://www.das-parlament.de/inland/bundestag/das-ist-das-neue-bundestagspraesidium> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁸ Koalitionsvertrag 2025 // Die Bundesregierung: [сайт]. URL: <https://www.bundesregierung.de/bregde/aktuelles/koalitionsvertrag-2025-2340970> (дата обращения: 17.05.2025).

¹⁹ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 16.05.2025).

²⁰ Merz scheidet im ersten Wahlgang bei Kanzlerwahl // tagesschau.de: [сайт]. URL: <https://www.tagesschau.de/inland/kanzlerwahl-merz-100.html> (дата обращения: 17.05.2025).

²¹ «Мерц получил пощечину». Почему канцлера ФРГ впервые не избрали с первой попытки // МГИМО: [сайт] <https://mgimo.ru/about/news/experts/mercz-poluchil-poshhechinu-pochemu-kanczlera-frg-vpervye-ne-izbrali-s-pervoj-popytki/> (дата обращения: 16.05.2025).

«Провал» в первом туре голосования вызвал бурные обсуждения в парламенте и, что самое главное, внутри партнеров по коалиции. После объявления результатов Фридрих Мерц поспешил удалиться из пленарного зала. Президент Бундестага Юлиа Клёкнер прервала заседание для того, чтобы фракции смогли посоветоваться и определить, когда парламент проведет второй тур голосования. По закону, у парламента есть 14 дней, чтобы провести второй раунд²². Если и в нем Фридрих Мерц не получил бы большинства голосов «за», тогда в третьем раунде ему было бы достаточно простого большинства голосов «за»²³. Изначально ХДС/ХСС заявил, что не будет проводить второй тур выборов в этот же день, отложив принятие решения на неопределенный срок. Но через пять часов депутаты вернулись в пленарный зал – второй тур голосования после совещания с фракциями решили не откладывать. После ряда заявлений лидеров фракций, где многие, в том числе АдГ, «Левые» и «Зеленые», отметили «историчность» данного события, в парламенте провели второй раунд выборов канцлера. Результаты второго голосования были таковы: всего было отдано 618 голосов, из которых 3 оказались недействительными. «Против» кандидатуры Мерца на этот раз проголосовали 289 депутатов, «за» – 325, что позволило Фридриху Мерцу стать первым в истории Германии канцлером, избранным со второй попытки²⁴.

Роль партий Альтернатива для Германии и «Левые» в Бундестаге 21 созыва

В новом Бундестаге у двух оппозиционных партий – АдГ и «Левых» появилась возможность влиять на политику, проводимую правительством «Большой» коалиции. Стоит упомянуть прецедент в парламентах Тюрингии и Саксонии, где АдГ на последних выборах заняла соответственно первое и второе места. В результате партия могла отклонять решения, принимаемые относительно назначения судей и изменений в земельной конституции [6, с. 56]. То есть, по аналогии с земельным парламентом, на федеральном уровне АдГ, объединившись с любой другой партией (более вероятен такой союз с «Левыми»), смогут влиять на проводимые Бундестагом инициативы.

В первую очередь увеличение в два раза количества депутатов от АдГ позволяет так легко игнорировать растущую «угрозу справа»²⁵. Занявшая второе место на федеральных выборах Альтернатива для Германии становится ярким выразителем протестных настроений в стране [7]. В особенности, этот тренд заметен в восточной Германии, где на последних земельных выборах партия АдГ заняла лидирующие места [8, с. 4008], а на федеральных выборах 2025 г. стала самой популярной партией практически во всех избирательных округах в землях восточной Германии (рис. 2).

²² Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland // Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz: [сайт]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/gg/BJNR000010949.html> (дата обращения: 16.05.2025).

²³ Там же.

²⁴ Friedrich Merz mit 325 Stimmen zum Bundeskanzler gewählt // Deutscher Bundestag: [сайт]. URL: <https://www.bundestag.de/dokumente/textarchiv/2025/kw19-de-kanzlerwahl-1062470> (дата обращения: 17.05.2025).

²⁵ Wahl zum 21. Deutschen Bundestag // Die Bundeswahlleiterin: [сайт]. URL: <https://www.bundeswahlleiterin.de/bundeswahlleiter.html> (дата обращения: 16.05.2025).

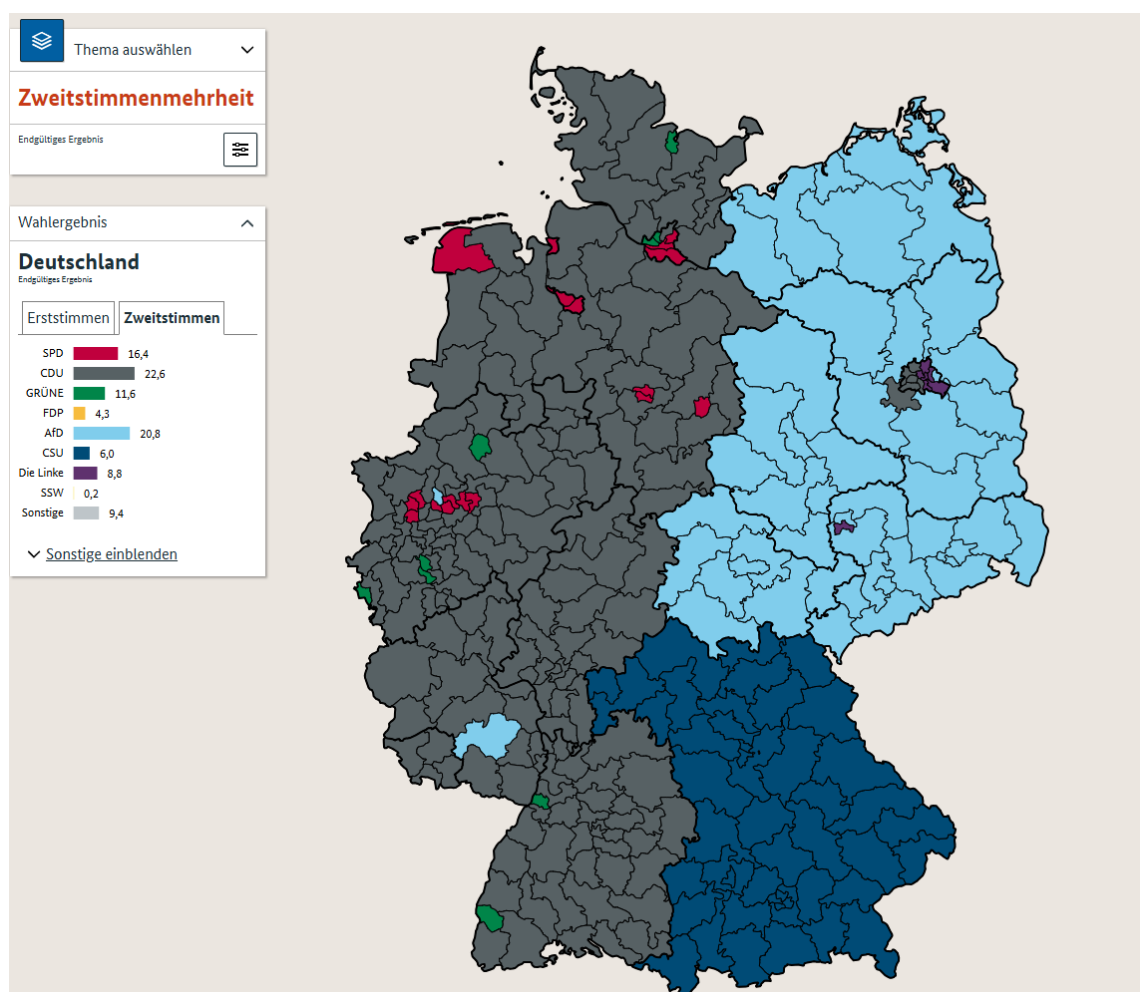

Рис. 2. Карта распределения популярности партий по избирательным округам²⁶
Fig. 2. Most popular party in every German constituency – map.

Данное положение сигнализирует о серьезном политическом кризисе между «востоком» и «западом». Избиратели из восточных земель Германии придерживаются позиций АдГ, в то время как избиратели из западных земель сплотились вокруг ХДС/ХСС. И важно, что поддержка АдГ в восточных землях высока, несмотря на признание практически всех восточных земельных отделений АдГ правоэкстремистскими (за исключением Мекленбург-Передней Померании)²⁷.

Кризис между бывшими территориями ГДР и ФРГ в новом парламенте, как нам представляется, отражается на расстановке сил в Бундестаге – и, в первую очередь, это важно при принятии решений. АдГ и «Левые», обладают блокирующим меньшинством, а также совместно с «Зелеными» в оппозиции их количества мест может хватить на остановку любого законопроекта, требующего простого большинства.

²⁶ По: Wahlatlas – Die Bundeswahlleiterin: [сайт]. URL: [https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/2025/ergebnisse/wahlatlas.html#\(wahlatlas-4f511b16-bb62-403b-860c-68eb306c5540/thema_ZWEITSTIMMENMEHRHEIT_/haeufigkeiten/bundeslaender/\)](https://www.bundeswahlleiterin.de/bundestagswahlen/2025/ergebnisse/wahlatlas.html#(wahlatlas-4f511b16-bb62-403b-860c-68eb306c5540/thema_ZWEITSTIMMENMEHRHEIT_/haeufigkeiten/bundeslaender/)) (дата обращения: 17.05.2025).

²⁷ Wo gelten AfD als gesichert rechtsextrem // md: [сайт]. URL: <https://www.md.de/politik/wo-gelten-afd-und-junge-alternative-als-gesichert-rechtsextrem-und-was-bedeutet-das-BEOYLLR67FCABBNQ6ESSRUZJWM.html> (дата обращения: 17.05.2025).

Обсуждение

Современная Германия сталкивается с множественными проблемами, что, как отмечается исследователями, тенденция современной политической ситуации [12, с. 34; 13, с. 10]. Помимо этого, речь идет и о продолжении углубления кризиса отношений стран Европы с Россией [14, с. 14] и отсутствии значительных продвижений в его устранении, несмотря на значительные изменения в составе парламента Германии. Например, ученый-германист В. Б. Белов утверждает, что улучшения отношений ФРГ и РФ в ближайшее время ждать не стоит [14, с. 14]. Результаты нашего исследования подтверждают эту тенденцию, обращая внимание на новый состав парламента и изменившуюся роль в нем партий «Левые» и АдГ.

Перед правительством «Большой» коалиции стоят множественные вызовы – как внешние, так и внутренние. Вопросы экономического благосостояния граждан ФРГ; рост радикальной оппозиции, антимигрантских настроений и подъем правозащитных движений и партий являются актуальными внутренними проблемами Германии [15, с. 63].

В межгосударственных отношениях начинается эрозия трансатлантических связей и связей внутри ЕС. Наблюдаются множественные конфликты, в которые оказалась втянута Германия²⁸. Правительство во главе с Фридрихом Мерцем понимает эти сложности. И для скорейшего решения данных проблем была сформирована коалиция из двух партий, которые до выборов были жестокими конкурентами. Можно сказать, что такое «быстрое» формирование коалиции – это результат «демократического компромисса» между партиями. Но такой компромисс несет за собой нестабильность и неопределенность из-за недостаточного изучения позиций партнеров и довольно размытых положений договора²⁹.

Из обозначенных в исследовании фактов складывается неблагоприятная картина внутреннего политико-партийного ландшафта в Германии. Сформированная «Большая» коалиция не смогла с первого раза выбрать канцлера, несмотря на большинство голосов в парламенте. Учитывая то, что Бундестаг является высшим законодательным органом в Германии, отсутствие поддержки в нем является серьезным препятствием, если не катастрофой, для правительства. И если мы наблюдали прецедент, что партии-партнеры не смогли выбрать канцлера, то велика вероятность в будущем расхождений парламентариев уже по более острым законодательным вопросам.

Стоит отметить, что Фридрих Мерц даже в собственной партии не смог с первого раза занять место главы партии [1, с. 6]. На выборах главы ХДС он проиграл два раза и только потом смог стать председателем ХДС. Данный факт отмечает спорные позиции лидера новой коалиции еще задолго до вступления в должность

²⁸ Конфликт хозяйственно-политических пространств США и ЕС в эпоху второго Трампа. 10.04.2025 // Российский совет по международным делам (РСМД): [сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/> (дата обращения: 17.05.2025).

²⁹ Мерц и его команда // МГИМО: [сайт] https://mgimo.ru/about/news/experts/merts-i-ego-komanda/?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 17.05.2025).

канцлера. Его также называют «человеком, не любящим идти на компромиссы»³⁰ – и в случае с шатким положением «Большой» коалиции компромиссы внутри нее являются необходимым инструментом продуктивной работы правительства. Неизвестно, будет ли Фридрих Мерц также «бескомпромиссен» в коалиции с СДПГ. С уверенностью можно сказать следующее: если новую коалицию постигнет кризис, то кризисным положением партий истеблишмента вновь воспользуются представители партий Альтернатива для Германии и «Левые», где у первой уже есть мощная пиар-кампания. И, даже несмотря на нестабильный [7, с. 109] (в первую очередь протестно настроенный) электорат АдГ – очередной кризис правительства станет индикатором нестабильности отношений между партиями «демократического центра» и поднимет популярность оппозиционных партий.

Заключение

Выборы 2025 г. ярко показали возросшую тенденцию разделения Германии на две части – теперь и в политическом плане. Непреодоленные экономические барьеры, различия между восприятием политических реалий у двух блоков бывших ГДР и ФРГ вылились в электоральный протест «востока» против «запада». И от действий нового правительства по преодолению этих различий – на этот раз реальных, а не фигуральных, зависит популярность оппозиционных партий в восточных землях.

Увеличение количества депутатов от АдГ вдвое, несомненно, отразится на парламентских обсуждениях проводимой ФРГ внешней политикой и возможного пересмотра отношений с Россией, ведь из всех парламентских партий самой симпатизирующей России считается именно АдГ. Парламентарии этой партии чаще всего упоминают Россию в своих речах [9, с. 214] и требуют возобновления отношений с бывшим восточным партнером. За восстановление «конструктивных» отношений с Россией выступают и «Левые» [10, с. 245]. Как минимум, одна треть депутатов не разделяют «крайне негативное» отношение к России, которое на данный момент свойственно политическому истеблишменту ФРГ. Но если Альтернатива для Германии настроена в большей степени на восстановление сотрудничества и тесных контактов с Россией, то «Левые» в своих намерениях более сдержаны [11, с. 263].

У партий «Левые» и АдГ есть возможность заблокировать (или, по крайней мере, осложнить) принятие закона, направленного против сотрудничества с Россией. Однако, если лидеры «Левых» сочтут законопроект оправданным – они, как и ранее, присоединятся к «демократическому центру» Бундестага, настроенному отрицательно по отношению к российской политике. Поэтому важным изменением в изменении отношений ФРГ и РФ является возможность значительно возросшей оппозиции препятствовать только серьезным и радикальным мерам, направленным против действий российского правительства.

В результате исследования был сделан вывод о нестабильном положении сформированной «Большой» коалиции, недостаточной поддержке правительства и лидера коалиции Фридриха Мерца в парламенте, а также о возросшей роли оппозиции

³⁰ Keine Kompromisse: wie Friedrich Merz die demokratische Mitte spaltet // Blätter für deutsche und internationale Politik: [сайт]. URL: <https://www.blaetter.de/ausgabe/2025/maerz/keine-kompromisse-wie-friedrich-merz-die-demokratische-mitte-spaltet> (дата обращения: 17.05.2025).

в парламенте Германии. В перспективе у правительственной коалиции есть риски потерять поддержку в парламенте, вследствие чего оппозиционные партии совместными усилиями смогут отклонять законопроекты правительства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.Б. Новый председатель ХДС Ф. Мерц – новые перспективы для партии? // Аналитические записки Института Европы РАН. 2022. № 1(29). С. 5–12. <https://doi.org/10.15211/analytics1120220513>. EDN: **YXLDKF**.
2. Рукавицын П.М. Недостатки стратегического целеполагания во внутренней и внешней политике ФРГ // Международные отношения в условиях новых угроз безопасности: Сборник докладов Третьей международной научно-практической конференции, Москва, 25–26 апреля 2024 года. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2025. С. 13–19. EDN: **IVBFCV**.
3. Люкшин К.С. Развал коалиции «светофор»: причины и последствия // Актуальные исследования. 2025. № 15–2 (250). С. 84–87. EDN: **UVRXRP**.
4. Ручкин Н.Д., Вовенда А.В. «Зеленые» в современном правительстве Германии. Противоречия и перспективы «светофорной» коалиции // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2023. Т. 12. № 6 (52). С. 726–734. <https://doi.org/10.35775/PSI.2023.52.6.018>. EDN: **KIYKJK**.
5. Дмитриев Д.А., Зарицкий Б.Е. Проблема государственной задолженности Германии // Мировое и национальное хозяйство. 2022. № 3–4 (60). С. 48–65. EDN: **FSZYNZ**.
6. Волобуев И.В., Слинко А.А. АдГ и перспективы формирования правительства // Социально-политические процессы в современном мире: взгляд молодых: Материалы 6-й студенческой научно-практической конференции, Воронеж, 25 октября 2024 года. Воронеж: Редакционно-издательский отдел Воронежского филиала РАНХиГС, 2024. С. 55–58. EDN: **IMLERG**.
7. Рукавицын П.М. Альтернатива для Германии: реальная угроза справа? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2019. № 3 (836). С. 102–111. EDN: **BRWNGE**.
8. Ручкин Н.Д., Иванников Н.С. Достижения левых и правых популистов на последних выборах в Германии // Вопросы политологии. 2024. Т. 14, № 11(111). С. 4000-4010. EDN: **QWKQKY**.
9. Морозов В.С. Россия в речах депутатов "альтернативы для Германии" во второй год работы Бундестага XX созыва: количественный анализ // Клио-2023: Материалы Всероссийской ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых исследователей, Иркутск, 23–24 ноября 2023 года. Иркутск: Иркутский государственный университет, 2024. С. 209–214. EDN: **DZPKJB**.
10. Пичугин С. А. Образ России в новых предвыборных программах партий немецкого бундестага // Власть. 2024. Т. 32. № 4. С. 242–248. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>. EDN: **XCKLSB**.
11. Ночвина Б.А. Партия «Левые» в современной партийно-политической системе ФРГ: поиск идентичности // Власть. 2024. Т. 32. № 5. С. 259–264. <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-259-264>. EDN: **ERTSUU**.
12. Терникова Д.О. Геополитический статус ФРГ в рамках политики «Смены эпох» // Парадигмы истории и общественного развития. 2024. Вып. 29. С. 30–34. EDN: **VZSMYU**.
13. Соколов А.П. Понятие безопасности во внешней политике ФРГ // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 4 (40). С. 7–15. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran42024715>. EDN: **GEOMLJ**.
14. Белов В.Б. Углубление кризиса отношений Германии с Россией в 2023–2024 гг. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2024. № 1 (37). С. 5–16. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran12024516>. EDN: **ECVUGR**.

15. Белов В.Б. Экономика Германии: основные итоги рецессионного 2024 г. и вызовы 2025 г. // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2025. № 1 (43). С. 53–66. <http://doi.org/10.15211/vestnikieran120255366>. EDN: EXWURX.

REFERENCE

1. Belov, V.B. The New Chairman of the CDU F. Merz – New Possibilities and Prospects for the Christian Democrats? *Analytical Papers of the Institute of Europe RAS*. 2022. No. 1 (29). P. 5–12. (In Russian). <https://doi.org/10.15211/analytics1120220513>. EDN: YXLDKF.
2. Rukavicyn P.M. Shortcomings of Strategic Goal-Setting in Germany's Domestic and Foreign Policy. *Mezhdunarodnye otnosheniya v usloviyah novyh ugroz bezopasnosti [International Relations in the Context of New Security Threats]*: Sbornik dokladov Tretej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 25–26 aprelya 2024 goda. Moscow: Moscow State Linguistic University. 2025. P. 13–19. (In Russian). EDN: IVBFCV.
3. Lyukshin, K.S. The Collapse of the Svetofor Coalition: Causes and Consequences. *Current research*. 2025. No. 15–2 (250). P. 84–87. (In Russian). EDN: UVRXRP.
4. Ruchkin, N.D., Vovenda A.V. «Greens» in the Modern German Government. Contradictions and Prospects of the «Traffic-Light» Coalition. *Eurasian Union: International Relations Issues*. 2023. Vol. 12. No. 6 (52), P. 726–734. (In Russian). EDN: KIYKJK.
5. Dmitriev, D.A., Zaritskiy, B.E. The Problem of Government Debt in Germany. *World and National Economy*. 2022. No. 3–4 (60). P. 48–65. (In Russian). EDN: FSZYNZ.
6. Volobuev, I.V., Slinko, A.A. AfD and the Prospects for Forming a Government. *Socialno-politicheskie processy v sovremennom mire: vzglyad molodyh [Social and Political Processes in the Modern World: the View of Young People]*. Materialy 6-j studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Voronezh, 25 oktyabrya 2024 goda. Voronezh: Redakcionno-izdatel'skij otdel Voronezhskogo filiala RANHiGS. 2024. P. 55–58. (In Russian). EDN: IMLERG.
7. Rukavitsyn, P.M. Is Alternative for Germany a Credible Threat from the Right? *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Science*. 2019. No. 3 (836). P. 102–111. (In Russian). EDN: BRWNGE.
8. Ruchkin, N.D., Ivannikov, N.S. The Achievements of the Left-Wing and Right-Wing Populists in Last German Elections. *Political science issues*. 2024. Vol. 14. No. 11 (111). P. 4000–4010. (In Russian). EDN: QWKQKY.
9. Morozov, V.S. Russia in AfD members' Speeches in Second Year of 20th Bundestag: Quantitative Analysis. *Klio-2023: Materialy Vserossijskoj ezhegodnoj nauchnoj konferencii studentov, aspirantov i molodyh issledovatele [Klio-2023: Proceedings of the All-Russian Annual Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Researchers]*, Irkutsk, 23–24 noyabrya 2023 goda. Irkutsk: Irkutsk State University, 2024. P. 209–214. (In Russian). EDN: DZPKJB.
10. Pichugin, S.A. Russia's Perception in New Bundestag Parties' Campaign Programms. *The power*. 2024. Vol. 32. No. 4. P. 242–248. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-4-242-248>. EDN: XCKLSB.
11. Nochvina, B.A. The «Left» Party in Modern Political Party System of Germany. *The power*. 2024. Vol. 32. No. 5. P. 259–264. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2071-5358-2024-5-259-264>. EDN: ERTSUU.
12. Ternikova, D.O. The Geopolitical Status of Germany in the Framework of the "Change of Epochs" Policy. *Historical and Social Development Paradigms*. 2024. Iss. 29. P. 30–34. (In Russian). EDN: VZSMYU.
13. Sokolov, A.P. The Concept of Security in German Foreign Policy. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2024. No. 4 (40). P. 7–15. (In Russian). <http://doi.org/10.15211/vestnikieran42024715>. EDN: GEOMLJ.
14. Belov, V.B. Deepening Crisis in Germany's Relations with Russia in 2023–2024. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2024. No. 1 (37). P. 5–16. (In Russian). <http://doi.org/10.15211/vestnikieran12024516>. EDN: ECVUGR.

15. Belov, V.B. The German Economy: Recession of 2024 and Challenges for 2025. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2025. No. 1 (43). P. 53–66. (In Russian). <http://doi.org/10.15211/vestnikieran120255366>. EDN: EXWURX.

Сведения об авторах / Information about authors

Ручкин Никита Дмитриевич – бакалавр, Высшая школа международных отношений Гуманитарного института; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: ruchkin.nd@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0006-6680-7802

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Ruchkin Nikita D. – Bachelor, Higher School of International Relations, Institute of Humanities; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: ruchkin.nd@edu.spbstu.ru

ORCID: 0009-0006-6680-7802

The author confirms that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 20.05.2025.

Одобрена после рецензирования 01.07.2025.

Принята date 07.07.2025.

Received 20.05.2025.

Approved after reviewing 01.07.2025.

Accepted 07.07.2025.

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

научная статья / research article

УДК: 001.62(091)+93/94

EDN: [FNRGJF](#)

DOI: 10.48612/RG/RGW.28.3.11

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-Nc 4.0\)](#)

Кафедра физической электроники СПбПУ: становление и развитие Ленинградской-Петербургской научной школы

Кефели Игорь Федорович

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
Санкт-Петербург, Россия
 geokefeli@mail.ru

Кorableв Вадим Васильевич

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого
Санкт-Петербург, Россия
korablev@spbstu.ru

Аннотация

Введение. Научная школа – это исторически сложившаяся форма организации, где ключевыми аспектами выступают не только генерация научных идей, но и подготовка новых ученых для сохранения традиций, передачи знаний и обеспечения жизнеспособности науки как социально-исторической системы. Современная наука немыслима без организации и развития научных школ, представляющих собой организованные группы исследователей, которые создают и транслируют новые знания, обладают механизмом самовоспроизводства. Ярким примером научной школы в области естественных наук является кафедра физической электроники Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ).

Материалы и методы. Теоретико-методологической основой исследования послужила теория коммуникативных процессов в науке и концепции научной школы. Для анализа использованы публикации и материалы диссертаций сотрудников кафедры физической электроники СПбПУ. Для идентификации и анализа кафедры как научной школы применялись следующие методы: системный, сравнительный, историко-генетический, историко-типологический, метод исторической периодизации, а также социологический подход, рассматривающий научную школу как социальный институт.

Результаты. Анализ деятельности кафедры физической электроники СПбПУ подтвердил ее высокий статус как признанной научной школы, имеющей авторитет как в

России, так и за рубежом. Исследование показало, что на протяжении всей истории кафедры возглавляли авторитетные ученые (академик П.И. Лукирский, Л.Н. Добрецов, М.А. Еремеев, А.Р. Шульман), заложившие основы научной школы, ключевыми характеристиками которой являются: единство научных интересов, актуальность исследований, высокий уровень научных результатов, преемственность поколений и ведущая роль лидера в развитии новых направлений физической электроники.

Заключение. Организация и деятельность научной школы физической электроники СПбПУ обеспечивает подготовку первоклассных специалистов, демонстрирующих выдающиеся научные достижения, конкурентоспособных на международном уровне. Полученные результаты кафедры отчетливо отражают тенденции и закономерности развития данной научной школы. Сохранение и развитие ее богатого научного потенциала является необходимым условием для дальнейшего прогресса научных исследований в области физической электроники.

Ключевые слова: научные школы; естественные науки; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого; Первый Петроградский политехнический институт имени М.И. Калинина; кафедра физической электроники

Для цитирования: Кефели И.Ф., Кораблев В.В. Кафедра физической электроники СПбПУ: становление и развитие Ленинградской-Петербургской научной школы // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 182–198. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.11.

© Кефели И.Ф., Кораблев В.В., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

The Department of Physical Electronics, SPbPU: Formation and Development of the Leningrad-Petersburg Research School in Physical Electronics

Igor F. Kefeli

North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia
 geokefeli@mail.ru

Vadim V. Korablev

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
korablev@spbstu.ru

Abstract

Introduction. A scientific school is a historically established form of organization where the key aspects are not only the generation of scientific ideas, but also the training of new scientists to preserve traditions, transfer knowledge and ensure the viability of science as a socio—historical system. Modern science is inconceivable without scientific schools, which are organized groups of researchers who create and transmit new knowledge and have a mechanism of self-reproduction. A striking example of such a school in the field of natural sciences is the Department of Physical Electronics at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (SPbPU).

Materials and Methods. The theoretical and methodological basis of the research was the work on the theory of communicative processes in science and the concept of a scientific school. The works of the staff of the Department of Physical Electronics of SPbPU are widely used. The following methods were used to identify and analyze the department as a scientific school: systematic, comparative, historical-genetic, historical-typological, historical periodization method, as well as a sociological approach that considers a scientific school as a social institution.

Results. An analysis of the activities of the SPbPU Department of Physical Electronics confirmed its high status as a recognized scientific school with authority both in Russia and abroad.

The study showed that throughout its history, the department has been headed by reputable scientists (academicians P.I. Lukirsky, L.N. Dobretsov, M.A. Eremeev, A.R. Shulman), who laid the foundations of the school. The key characteristics of the school are: the unity of scientific interests, the relevance of research, the high level of scientific results, the continuity of generations and the leading role of the leader in the development of new areas of physical electronics.

Conclusion. The organization and activities of the Scientific School of Physical Electronics of St. Petersburg State University provide training for first-class specialists who demonstrate outstanding scientific achievements and are internationally competitive. The scientific results of the department clearly reflect the trends and patterns of development of this scientific school. The preservation and development of its rich scientific potential is a prerequisite for the further progress of scientific research in the field of physical electronics.

Keywords: Research Schools; Natural Sciences; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University (SPbPU); First Petrograd Polytechnic Institute named after M.I. Kalinin; Department of Physical Electronics

For citation: Kefeli, I.F., Korablev, V.V. The Department of Physical Electronics, SPbPU: Formation and Development of the Leningrad-Petersburg's Research School in Physical Electronics. *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 182–198. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.11.

© Kefeli, I.F., Korablev, V.V., 2025. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Введение

Система подготовки высококвалифицированных кадров, способных к прикладным исследованиям, возникла в Советском Союзе в 1920-е гг. как ответ на необходимость использования в промышленности последних достижений науки и техники. Приоритет введения научной лаборатории в сферу высшего технического образования принадлежит академику Абраму Федоровичу Иоффе (1880–1960)¹. По его инициативе в Первом Петроградском политехническом институте имени М.И. Калинина был организован физико-механический факультет. Перед факультетом была поставлена задача подготовки инженеров-исследователей, обладающих глубокими знаниями по фундаментальным наукам: математике, физике и классической инженерной подготовке, а также получивших во время обучения достаточный опыт самостоятельной работы по решению конкретных научно-технических задач.

Для реализации этой идеи А.Ф. Иоффе предложил концепцию, основой которой является непосредственное включение в учебный процесс самостоятельной научно-исследовательской работы студентов по решению актуальных проблем науки и техники в действующих подразделениях под руководством ведущих специалистов. В сочетании с фундаментальной общетеоретической и инженерной подготовкой это должно было способствовать более глубокому усвоению теоретических знаний, обеспечивать приобретение навыков и умений творческой работы, позволять выявить и развить склонность выпускников к различным видам профессиональной деятельности и облегчить их последующую адаптацию при работе непосредственно на

¹ Смелов В.А. Политехнический институт. Тридцатые годы. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008. 356 с. С. 37.

производстве. Концепция, предложенная А.Ф. Иоффе, впоследствии подтвердила свою эффективность и получила широкое распространение.

В годы предвоенных пятилеток, в ходе индустриализации страны, была высокой потребность в высококвалифицированных инженерах-физиках [1]. По инициативе А.Ф. Иоффе [2] на факультете были созданы новые кафедры: радиофизики, физики диэлектриков, технической электроники. На них работали академики АН СССР: А.Ф. Иоффе, Н.Д. Папалески (1880–1947)², А.А. Чернышев (1882–1940) [3], члены-корреспонденты АН СССР Я.И. Френкель (1894–1952) [4], Д.А. Рожанский (1882–1936) [5]³, А.Ф. Вальтер (1898–1941)⁴, профессора П.С. Тартаковский (1895–1940)⁵, Н.Н. Циклинский (1884–1938)⁶. Все они заложили основы известных в Советском Союзе и за рубежом научных школ.

Обзор литературы

Современная наука неразрывно связана с развитием научных школ. Это положение становится особенно актуальным в XXI в., когда мировая наука достигла значительных успехов. Научная школа способна выступать отправной точкой для новых открытий и дать четкую перспективу дальнейшего развития науки. В качестве примера можно назвать отечественные научные школы в естественных науках: физической электроники во Фрязино⁷, Московском государственном университете⁸ и др. Следует отметить фундаментальное издание «Петербургская-Ленинградская школа электроники», посвященное развитию этой дисциплины в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого⁹. Издание состоит из трех разделов: «Академическая школа петербургской электроники», «Вклад ученых высшей школы Ленинграда-Петербурга в развитие электроники» и «Промышленные предприятия электроники Санкт-Петербурга».

Авторы данной публикации ставят перед собой задачу исследовать деятельность кафедры физической электроники Политехнического университета, рассматривая ее как научную «Петербургскую-Ленинградскую школу»¹⁰, а также проанализировать основные этапы ее становления и практические результаты деятельности.

² Храмов Ю.А. Физики: Биографический справочник / Под ред. А. И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. С. 206.

³ Рожанский И.Д., Рожанская М.М., Филонович С.Р. Дмитрий Аполлинариевич Рожанский / Отв.ред. В.П. Визгин. М.: Наука, Научно-биографическая литература, 2003. 160 с.

⁴ Храмов Ю.А. Физики: Биографический справочник / Под ред. А. И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. С. 54.

⁵ Рыцарь новой физики. К 100-летию со дня рождения П.С. Тартаковского // Вестник Российской Академии Наук. 1995. Т. 65. № 5. С. 443–451.

⁶ Циклинский Николай Николаевич // Большая советская энциклопедия. 3-е издание. М.: Советская энциклопедия, 1969. Том 28. [сайт]. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2803.htm#p3143> (дата обращения: 05.08.2025).

⁷ Фрязинская школа электроники. К 80-летию электронной промышленности в наукограде Фрязино / Под ред. А. А. Борисова, сост. и подгот. к изданию А. Г. Михальченков. Москва: Янус-К, 2012. 624 с.

⁸ Кафедре физической электроники 85 лет. Юбилейный сборник. М.: Физический факультет МГУ, 2016. 88 с. [эл. доступ]. URL: <http://physelec.phys.msu.ru/files/books/physelec85.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).

⁹ Петербургская-Ленинградская школа электроники / Глав. ред. Ж.И. Алфёров. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. 658 с.

¹⁰ Научная группа «Физическая электроника» // Высшая инженерно-физическая школа

Материалы и методы

Теоретико-методологической базой послужили работы, анализирующие понятие коммуникативных процессов в науке и, в частности, понятие научной школы. Широко использованы работы сотрудников кафедры физической электроники, позволяющие определить научные направления школы.

Для определения конкретной научной школы использованы следующие методы: системный, сравнительный, историко-генетический, историко-типологический, метод исторической периодизации, а также социологический подход, рассматривающий научную школу как социальный институт. Эмпирические методы стали основными для изучения научной школы. Анализ научных исследований, диссертаций; научно-методических работ, проведенные сотрудниками кафедры, позволили определить основные научные направления кафедры физической электроники университета.

Кафедру технической электроники в сентябре 1937 г. возглавил выдающийся физик, ближайший сподвижник академика А.Ф. Иоффе – профессор Петр Саввич Тартаковский¹¹. Это была первая в Советском Союзе научно-образовательная структура, призванная готовить инженеров-физиков для фундаментальных и прикладных исследований, направленных на разработку и создание новых электронных приборов и устройств в интересах бурно развивающейся электронной промышленности страны.

П.С. Тартаковский установил контакты с ведущими специалистами заводов, занимавшимися решением проблем создания и обеспечения радиотехнической промышленности страны современной элементной базой. Это позволило ему выделить ряд направлений научных исследований, на которые ориентировались сотрудники, аспиранты и студенты кафедры: эмиссия электронов твердыми телами (термо- и вторичная эмиссия, фотоэффект), газовый разряд, электронная проводимость полупроводников и диэлектриков, структурный анализ. Начались исследования, однако в октябре 1940 г. П.С. Тартаковский скоропостижно скончался.

Второе рождение кафедры произошло в 1946 г., когда ее возглавил академик Петр Иванович Лукирский (1894–1954) [6]. Официально это произошло 1 сентября 1947 г. Он постарался наладить тесную связь с производством, в частности с заводом «Светлана». На кафедру были привлечены сотрудники завода, в цехах предприятия организована практика для студентов. Была возрождена работа по сочетанию фундаментального теоретического образования с самостоятельной научно-исследовательской работой студентов.

П.И. Лукирскому¹² удалось создать на кафедре сплоченный коллектив энергичных преподавателей и ученых: А.Р. Шульман¹³, Л.А. Сена¹⁴, В.Н. Лепешинская¹⁵, М.А. Ереев, В.М. Кельман¹⁶ продолжили заложенные им научные традиции. Был создан

СПбПУ: [сайт]. URL: <https://hsep.spbstu.ru/physel> (дата обращения: 05.08.2025).

¹¹ Политехник. 31.05.1995. № 14 (3139). С. 3.

¹² Храмов Ю.А. Физики: Биографический справочник / Под ред. А. И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. С. 171.

¹³ Политехник. 23.06.1966. № 21 (1999). С. 3.

¹⁴ Политехник. 24.01.1997. № 1 (3179). С. 3.

¹⁵ Политехник. 04.06.1997. № 13 (3191). С. 1.

¹⁶ Храмов Ю.А. Физики: Биографический справочник / Под ред. А. И. Ахиезера. Изд. 2-е, испр. и дополн. М.: Наука, Главная редакция физико-математической литературы, 1983. С. 129.

прочный фундамент для продолжения начатых еще до войны исследований по важнейшим направлениям электроники. В их основу были положены идеи П.И. Лукирского, высказанные им в работе «О фотоэффекте» [7] и получившие впоследствии всеобщее признание:

1. Эмиссионная электроника позволяет не только улучшать характеристики различных электронных приборов и устройств, но и получать информацию о физико-химических свойствах эмиттера, включая его электронную и кристаллическую структуру.

2. Поверхность твердого тела, ответственная за все эмиссионные процессы, является особой «субстанцией» и должна отличаться по своим свойствам от массивного материала.

Эти идеи определили главное направление дальнейшего развития кафедры в области эмиссионной электроники вплоть до наших дней, что привело к конкретным результатам. В 1952 г. А.Р. Шульман предложил и применил на практике принципиально новый метод одиночных импульсов для исследования вторичной эмиссии диэлектриков, который впоследствии стал общепринятым [8]. В 1954 г. В.Н. Лепешинская опубликовала первые работы по вторичной эмиссии магниевых и бериллиевых сплавов, ставших в дальнейшем основными материалами, используемыми при создании отечественных вторично-электронных умножителей [9].

Заслуги П.И. Лукирского перед мировой наукой огромны. Можно привести только один пример: разработанный им метод сферического конденсатора подтвердил фотоэлектрическое уравнение Эйнштейна и дал точное для времени этих опытов значение постоянной Планка. Этот результат долгие годы входил во все таблицы физических величин во всем мире.

Академик П.И. Лукирский семь лет заведовал кафедрой, он внес большой вклад в формирование новой отрасли науки – физической электроники. Именно он в настоящее время признан родоначальником этого направления в науке. Его безвременная кончина оборвала исключительную плодотворную деятельность по становлению физической электроники в Политехническом институте.

С 1954 г. по 1960 г. кафедру возглавлял ученик П.И. Лукирского, Леонтий Николаевич Добрецов (1904–1968)¹⁷. Ему удалось укрепить связи с промышленностью и существенно улучшить материально-техническую базу кафедры. На ней была создана отраслевая лаборатория Министерства электронной промышленности.

Л.Н. Добрецов продолжил начатые П.И. Лукирским исследования по всем актуальным вопросам электроники, и, в первую очередь, полупроводников. Это направление привело к созданию в 1957 г. самостоятельной кафедры физики полупроводников и наноэлектроники [10].

Большое внимание Л.Н. Добрецов уделял изданию учебников для студентов [11]. Благодаря своему энциклопедическому характеру эти издания сохранили актуальность и в наши дни. Большое внимание на кафедре уделялось совершенствованию экспериментальной техники эмиссионной электроники, что позволило получить новые результаты мирового уровня [12].

¹⁷ Из российской глубинки – в науку: научная династия Келлей-Добрецовых / Редактор-составитель Н.А. Притвиц. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2009. 242 с.

С 1960 г. кафедрой руководил Михаил Александрович Еремеев (1902–1977)¹⁸. Он был приглашен в Политехнический институт в 1945 г. из Физико-технического института РАН П.И. Лукирским. На кафедре М.А. Еремеев активно занимался изучением взаимодействия ускоренных ионов с веществом, став основоположником этого направления [13]. Одним из важных результатов его исследований было установление того факта, что рассеяние ионов в твердом теле должно рассматриваться как результат парных взаимодействий между ионом и отдельными атомами [14].

М.А. Еремеев, начиная с середины 1950-х гг., совместно со своими учениками Н.Н. Петровым, И.А. Аброяном детально исследовал закономерности выхода в вакуум электронов (ионно-электронной эмиссии) из металлов, полупроводников и диэлектриков, облучаемых ускоренными ионами [15]. М.А. Еремеев в 1963 г. передал руководство кафедрой Аркадию Романовичу Шульману (1906–1970)¹⁹, руководившему кафедрой до своей кончины летом 1970 г.

В начале 1950-х гг. на кафедре вопросами эмиссии термо- и вторичных электронов активно занимались А.Р. Шульман, В.Н. Лепешинская, Н.Г. Баньковский. Со второй половины 1950-х гг. ряд сотрудников кафедры активно стали заниматься вопросами взаимодействия электронов широкого диапазона энергии с веществом: выделением из общего энергетического спектра вторичных электронов тех групп электронов, которые лежат в определенном интервале энергий, установлением роли потенциального барьера на границе «*твердое тело – вакуум*» в эмиссии электронов. Эти проблемы стали в центре внимания С.А. Фридрихова [16], В.Л. Борисова, Н.П. Бажановой, И.Р. Каничевой, М.Л. Капицы, Ю.А. Морозова, Д.А. Ганичева.

Были детально изучены механизмы взаимодействия медленных электронов с металлами, полупроводниками и диэлектриками (С.А. Фридрихов, Д.А. Ганичев [17], Н.П. Бажанова [18]), установлены особенности формирования энергетических спектров вторичных электронов в широком интервале энергий (С.А. Фридрихов, Н.П. Бажанова, Д.А. Ганичев, Ю.А. Морозов [19], М.Л. Капица), в исследованиях В.Л. Борисова [20] и В.Н. Лепешинской изучен широкий класс эффективных эмиттеров вторичных электронов.

Важным событием для кафедры стало создание на ней лаборатории электронной оптики (В.М. Кельман [21], К.Г. Уткин [22]). Это позволило решить вопросы, связанные с совершенствованием энергоанализа эмитированных электронов. Дальнейшее развитие существующих и разрабатываемых новых методов исследования вторично-эмиссионных параметров (ВЭП) твердых тел всегда было в центре внимания коллектива кафедры в течение многих десятилетий, что выдвинуло ее в ряд лидеров мирового уровня по данной проблеме.

На кафедре был разработан метод одиночных импульсов для исследования ВЭП диэлектриков, компенсационные методы регистрации ВЭП твердых тел, усовершенствованы методы регистрации спектров вторичных элементов.

¹⁸ Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник. Справочная книга / Составитель Н.П. Гербылева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. С. 24.

¹⁹ Санкт-Петербургский государственный политехнический университет – историко-культурный архитектурный памятник. Справочная книга / Составитель Н.П. Гербылева. СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2002. С. 31.

К концу 1950-х – началу 60-х гг. с целью более детального изучения вопросов, связанных с установлением длины пробега электронов данной энергии в веществе, с их рассеиванием и поглощением, на кафедре были поставлены работы по вторичной электронной эмиссии «на прострел» (исследования И.Р. Каничева [23]). Они потребовали освоения методик приготовления тонких «свободных» пленок из исследуемых материалов, изготовления специальных экспериментальных приборов, конструктивно отличающихся от применяемых при исследовании ВЭП веществ в опытах «на отражение».

В те годы кафедра также являлась научным центром по исследованию эмиссионных свойств материалов. Были созданы лаборатория высокого вакуума, оборудованная 14 откачными установками, системами ВЧ-отжига²⁰, установками по напылению тонких пленок; стеклодувная мастерская; монтажная и механическая мастерская. Все это позволило изготавливать сложные экспериментальные приборы для любого направления исследований ВЭП веществ; многие из них оснащались энергоанализаторами, электронными пушками, масс-спектрометрами, высоковакуумными манометрами и средствами откачки. Все это оборудование конструировалось и монтировалось на кафедре.

Созданная на кафедре опорная лаборатория Министерства радиотехнической промышленности (впоследствии ставшая отраслевой лабораторией Министерства электронной промышленности) стала своеобразным связующим звеном кафедры с промышленными предприятиями. Более 30 лет лабораторию курировал заместитель директора НИИ «Исток» (г. Фрязино), выпускник Ленинградского политехнического института, академик Н.Д. Девятков (1907-2001). Сотрудники кафедры проводили научно-исследовательские работы в области катодной электроники для НИИ «Исток», НПО «Светлана», «Электрон» и других организаций. В выполнении этих работ участвовали все студенты старших курсов.

Стремительно совершенствовалась техника эксперимента: улучшались конструкции энергоанализаторов электронов, электронных пушек, методики компенсации локальных магнитных полей при работе с медленными электронами. Ю.А. Морозовым был создан уникальный, полностью автоматизированный комплекс по исследованию вторично-эмиссионных характеристик различных веществ [19]. Это было сделано еще до появления персональных компьютеров.

Организованный академиком П.И. Лукирским кафедральный семинар по актуальным вопросам эмиссионной электроники привлекал внимание ученых не только университета, но и других учебных и научно-исследовательских организаций города.

По инициативе Н.Д. Девяткова на кафедре была создана лаборатория физики газовых лазеров, которую возглавил С.А. Фридрихов. Тематика лаборатории была направлена на исследование физики активных сред газоразрядных лазеров (Т.М. Перчанок, Д.К. Терехин [24], А.Э. Фотиади [25], С.А. Фридрихов), взаимодействия лазерного излучения с веществом, в том числе и биологической природы (М.М. Бутусов [26], В.И. Малюгин, А.В. Соколов, А.Э. Фотиади [27], а также вопросов, связанных с развитием когерентной оптики (М.М. Бутусов, С.Н. Гуляев, Н.В. Ермаков, В.И. Малюгин).

²⁰ Высокочастотного отжига.

В то же время на кафедре начались работы по детальному исследованию вторично-эмиссионных свойств монокристаллов полупроводников (И.А. Аброян [28], А.И. Титов [29], В.В. Кораблев [30], Ю.А. Морозов) и тугоплавких металлов [31].

В период с 1965 по 1970 г. отчетливо проявился научно-методический опыт в изучении механизмов эмиссии вторичных электронов в энергетических спектрах эмитированных электронов. Основные результаты изучения анизотропии вторично-эмиссионных свойств монокристаллов (Ю.А. Морозов, В.В. Кораблев), требовавшие хорошо контролируемых поверхностей объектов исследования, были получены с применением передовых для того времени методов электронной спектроскопии – электронной Оже-спектроскопии (ЭОС)²¹ и спектроскопии потерь энергии электронов (СПЭЭ).

А.Р. Шульман и С.А. Фридрихов совместно начали работы над монографией, обобщающей накопленный опыт использования вторично-эмиссионных методов для диагностики поверхности различных металлов. Кончина А.Р. Шульмана в июне 1970 г. оборвала его работу над рукописью. С.А. Фридрихов завершил работу в 1975 г., и в 1977 г. книга была опубликована Главной редакцией физико-математической литературы издательства «Наука» [32]. Монография стала первой в СССР работой о современных методах исследования поверхности твердого тела с помощью электронных пучков. Она и сейчас пользуется большой популярностью среди тех, кто использует методы электронной спектроскопии и диагностику поверхности твердого тела.

В эти годы продолжали расширяться связи кафедры с промышленностью: НИИ «Прометей», Институт медико-биологических проблем в Москве, Институт ядерных исследований в Обнинске, НИИ «Электронстандарт».

На кафедре был внедрен растровый электронно-лучевой метод исследования распределения работы выхода по поверхности (В.В. Ионов [33], В.В. Кораблев [31]), позволивший расширить возможности исследования одной из важнейших макрохарактеристик поверхности.

Большой вклад в совершенствование электронной спектроскопии поверхности твердых тел (ЭСПТТ) внесла лаборатория электронной оптики и ее руководитель Ю.К. Голиков [34]. Лаборатория разрабатывала новые типы энергоанализирующих систем электронов, позволившие повысить энергетическое разрешение и чувствительность методов ЭСПТТ (С.Н. Давыдов [35], Н.К. Краснова).

В конце 1980-х – начале 90-х гг. вклад в развитие актуальных методов электронной спектроскопии поверхности внесли работы Н.П. Бажановой [18] с коллегами (В.В. Кораблевым, Е.Б. Осарковым). Речь идет о методах спектроскопии полного тока вторичных электронов, суть которых состоит в анализе тонкой структуры на кривых зависимости тока вторичных электронов от энергии первичных электронов.

В настоящее время кафедра активно занимается исследованиями в области полевой эмиссии с различных углеродных наноструктур. Ее принципиальное отличие от эмиссии с металлов заключается в существенно меньших электрических полях, определяющих пороги эмиссии. Необходима разработка новых теоретических

²¹ Оже-спектроскопия – по имени французского физика Пьера Виктора Оже, первооткрывателя эффекта распределения по энергии электронов на оболочках атомов.

представлений, лежащих в основе полевой эмиссии сложных наноразмерных углеродных систем. Это важно не только для понимания физических процессов, протекающих на поверхности углеродных эмиттеров, но и при разработке технологий создания нового поколения катодных материалов.

Кафедра совместно с Физико-техническим институтом им. А.Ф. Иоффе занимается изучением новых катодов на основе так называемого нанопористого углерода (НПУ), полученного термохимической обработкой различных карбидов. При этом в результате обработки из карбидной матрицы вытравливается карбидообразующий элемент, и остается углеродный остов, представляющий собой высокопористую систему с объемом до 70–75 % общего объема. Выявлены основные закономерности, связывающие эмиссионную способность получаемых на основе нано-пористых углеродных катодов с исходным материалом и параметрами термохимической обработки. Установлено влияние внешних воздействий на работоспособность полевых эмиттеров.

Впервые изучены эмиссионные характеристики тонких углеродных пленок, выращенных на полупроводниковых подложках (работы ведутся совместно с ЦНИИМ²²). Установлена роль покрытия и подложки в формировании эмиссионной способности полевого катода. Показано, что при толщине углеродного слоя в несколько нанометров уже нельзя пользоваться традиционными моделями электронного строения твердого тела; необходимо использовать формализм квантовых точек для описания полученной электронной подсистемы, которая в конечном итоге и ответственна за физические характеристики изучаемого объекта. Полученные результаты по полевой эмиссии таких систем по своим характеристикам в несколько раз превышают известные мировые аналоги. Объем полученных экспериментальных результатов позволяет приступить к разработке новых теоретических представлений о закономерностях полевой эмиссии наноразмерных структур.

Особо выделяется цикл работ, посвященных электронной эмиссии из полупроводников, которая не поддается описанию с позиций известных теорий эмиссии электронов (А.В. Архипов, С.Н. Давыдов, П.Г. Габдуллин, В.В. Кораблев). Сотрудниками кафедры была установлена зависимость электронной эмиссии полупроводников от структуры и распределения электроактивных дефектов в области в области пространственного заряда, и оценены изменения плотности эмиссионного тока от параметров системы (В.Б. Бондаренко, В.В. Кораблев). Определено влияние естественного размерного эффекта на состояние поверхности. Показано, что вследствие установления равновесного распределения заряженной примеси эмиссионный ток становится экспоненциально большим (П.Г. Габдуллин, В.В. Кораблев). Даны рекомендации по практическому использованию установленных закономерностей.

В настоящее время кафедра продолжает исследования подсистемы полупроводниковых структур в рамках одномерной модели изгиба зон (В.Б. Бондаренко, С.Н. Давыдов, А.В. Филимонов) [36; 37], что является подтверждением традиции научной школы. Важным направлением сегодняшних исследований стали фундаментальные разработки хаотического потенциала на поверхности полупроводников в различных условиях, которые показали

²² АО «Центральный научно-исследовательский институт материалов (ЦНИИМ)»: [сайт]. URL: <https://www.cniim.spb.ru/> (дата обращения: 01.08.2025).

необходимость проведения исследований гетероконтактов на основе нитридов (В.Б. Бондаренко, А.В. Филимонов) [38; 39]. Эти исследования позволили понять многие наблюдаемые закономерности поведения поверхностного потенциала, в частности, показать, в каких условиях хаотический потенциал перестает быть мелкомасштабным и необходимо учитывать частичную локализацию поверхностных состояний. Это новое направление в работе кафедры, с одной стороны, закрепляет приоритет научных разработок в этой области, с другой – подчеркивает преемственность научных исследований и в очередной раз закрепляет за кафедрой статус передовой научной школы в физической электронике.

Сотрудники кафедры физической электроники подготовили и опубликовали ряд учебных пособий по актуальным вопросам вторично-эмиссионной спектроскопии [40], физической электроники [41] и физики поверхности [42].

Результаты исследования

На основании проведенного анализа авторами выделены следующие этапы формирования научной школы в области физической электроники в Ленинградском политехническом институте (Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого):

1 этап – 1920–1940-е гг.: профессор П.С. Тартаковский, ближайший сподвижник академика А.Ф. Иоффе, создал первую в СССР научно-образовательную структуру для инженеров-физиков по разработке и созданию новых электронных приборов.

2 этап – 1946–1954 гг. связан с именем П.И. Лукирского, считающимся родоначальником отечественной физической электроники.

3 этап – 1954 – начало 1960-х гг. определяется научными разработками учениками П.И. Лукирского: М.А. Еремеевым, А.Р. Шульманом, Л.Н. Добрецовым.

4 этап – 1960 – начало 1990-х гг.: кафедра развивает научно-методический опыт, основанный на прочной связи с промышленностью, создаются новые лаборатории по изучению механизмов эмиссии вторичных электронов в энергетических спектрах эмитированных электронов.

5 этап – 1990-е – 2020-е гг.: кафедра разрабатывает новые направления: исследования в области полевой эмиссии с различных углеродных наноструктур, эмиссионные характеристики тонких углеродных пленок, а также были даны практические рекомендации по их использованию.

На современном этапе продолжают исследования подсистем полупроводниковых структур, фундаментальные разработки хаотического потенциала на поверхности полупроводников.

На протяжении всей истории кафедру возглавляли авторитетные ученые (академик П.И. Лукирский, Л.Н. Добрецов, М.А. Еремеев, А.Р. Шульман), что обеспечило стабильное развитие научной школы.

Заключение

За время своего существования кафедра физической электроники Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (СПбПУ) подготовила свыше 50 докторов и более 100 кандидатов наук в области физической электроники и смежных дисциплин. Кафедра вносит значительный вклад в подготовку

высококвалифицированных кадров для научной и промышленной сфер как в России, так и за рубежом.

Продолжая фундаментальные исследования в области физики полупроводников, кафедра утвердила свой статус научной школы в данном направлении. Под руководством выдающихся ученых – академиков П.И. Лукирского, В.Е. Голанта, члена-корреспондента АН СССР Я.И. Френкеля, профессоров Л.Н. Добрецова, М.А. Еремеева, А.Р. Шульмана – были сформированы продуктивные научные коллективы. Дальнейшее развитие материально-технической базы школы связано с созданием специализированных лабораторий под руководством академиков Н.Д. Девяткова, В.М. Кельмана, профессоров К.Г. Уткина, С.А. Фридрихова. Важную роль в научной коммуникации играли регулярные научно-методические семинары с участием профессоров В.В. Кораблева, И.А. Аброяна, Н.Н. Петрова, а также студентов кафедры.

Авторы настоящего исследования разделяют позицию академика РАН А.В. Гапонова-Грехова, подчеркивающего значение научных школ и коллективов: «Наука бывшего СССР... была сильна в силу того, что... во многом сохранила ту структуру и традиции, в которых зародилась великая европейская наука начала XX в. Речь идет о той структуре науки, которая базируется на существовании и развитии научных коллективов и школ» [43. С. 74]. Опыт кафедры физической электроники СПбПУ Петра Великого может служить ярким подтверждением этой мысли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Щекатунов О.В., Малыхин К.Г. Промышленные кадры России в 20–30-е годы XX века в отечественной историографии // Научный диалог. 2020. № 7. С. 431–449. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-431-449>. EDN: EREPZT.
2. Иоффе А.Ф. Отчет о работе физико-технического института // Успехи физических наук. 1936. Т. XVI. Вып. 7. С. 847–871. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0016.193607c.0847>.
3. Рогинский В.Ю., Чернышёва М.А. Александр Алексеевич Чернышёв, 1882–1940. М.: Наука, 1998. 120 с.
4. Кесаманлы Ф.П. Ученые политехники, прославившие нашу страну. Член-корреспондент АН СССР Яков Ильич Френкель (К 120-летию со дня рождения) // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. 2014. № 1 (190). С. 246–254. EDN: SAGUTL.
5. Рожанский И.Д., Рожанская М.М., Филонович С.Р. Дмитрий Аполлинариевич Рожанский / Отв. ред. В.П. Визгин. М.: Наука, 2003. 160 с.
6. Мурин А. Академик Пётр Иванович Лукирский // Успехи физических наук. 1955. Март. Т. LV. Вып. 3. С. 289–298. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0055.195503a.0289>.
7. Лукирский П.И. О фотоэффекте. Ленинград, Москва: Государственное технико-теоретическое издательство, 1933. 94 с.
8. Шульман А.Р. Исследование особенностей вторичной электронной эмиссии диэлектриков и металлов: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1956. 22 с.
9. Лепешинская В.Н. Вторичная электронная эмиссия эффективных эмиттеров из окиси магния и окиси бериллия на основе сплавов: дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина 1961. 367 с.
10. Ильин В.И., Фирсов Д.А. Полупроводниковая наноэлектроника в Политехническом университете // Петербургская–Ленинградская школа электроники / Глав. ред. Ж.И. Алфёров. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С. 406–416.
11. Добрецов Л.Н. Атомная физика: учебное пособие для вузов. М.: Физматгиз, 1960. 348 с.

12. Добрецов Л.Н., Гомоюнова М.В. Эмиссионная электроника. Москва: Наука, 1966. 564 с.
13. Еремеев М.А. Исследование соударения ионов с поверхностью: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1953. 15 с.
14. Еремеев М.А. Испускание электронов и отражение ионов от поверхности металла // Доклады Академии наук СССР. 1951. Т. 79. С. 775.
15. Аброян И.А., Еремеев М.А., Петров Н.Н. Возбуждение электронов в твердых телах сравнительно медленными атомными частицами // Успехи физических наук. 1967. Т. 92. Вып. 1. С. 105–157. <https://doi.org/10.3367/UFNr.0092.196705e.0105>.
16. Фридрихов С.А. Исследование закономерностей эмиссии вторичных электронов в сильных электрических и магнитных полях: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1970. 25 с.
17. Ганичев Д.А. Исследование взаимодействия электронов малых энергий с металлами и полупроводниками: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1963. 18 с.
18. Бажанова Н.П. Упругое отражение электронов и вторичная электронная эмиссия системы вольфрам – окись бария при малых энергиях первичных электронов (1÷150 эВ): автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1969. 18 с.
19. Морозов Ю.А. Отражение электронов средних энергий от твердых тел: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1973. 10 с.
20. Борисов В.Л. Вторичная электронная эмиссия окиси магния: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1964. 15 с.
21. Кельман В.М. Электронная оптика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 1968. 176 с.
22. Уткин К.Г. Исследование электроннооптических систем с большой плотностью тока эмиссии методом моделирования на резиновой мембране: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский физико-технический институт, 1960. 13 с.
23. Каничева И.Р. Прохождение и обратное отражение электронов в тонких свободных пленках веществ: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1965. 12 с.
24. Терехин Д.К. Влияние магнитного поля на работу гелий-неонового лазера: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1970. 11 с.
25. Фотиади А.Э. Влияние магнитного поля на работу аргонового лазера: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1972. 15 с.
26. Бутусов М.М. Исследования структуры и динамики поверхностей методами голографии и когерентной оптики: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1975. 26 с.
27. Фотиади А.Э. Кинетика активных сред газоразрядных лазеров постоянного тока на переходах атомов и ионов: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный технический университет, 1993. 32 с.
28. Аброян И.А. Вторичная эмиссия и изменение электрических свойств некоторых полупроводников под влиянием ионной бомбардировки: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1963. 12 с.
29. Титов А.И. Взаимодействие заряженных частиц средних энергий с монокристаллическим германием: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1970. 12 с.
30. Кораблев В.В. Анизотропия вторично-эмиссионных свойств монокристаллов: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1971. 9 с.
31. Кораблев В.В. Влияние кристаллической структуры вещества на процессы рассеяния и эмиссии вторичных электронов: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1983. 32 с.

32. Шульман А.Р., Фридрихов С.А. Вторично-эмиссионные методы исследования твердого тела. М.: Наука. 1977. 550 с.
33. Ионов В.В. Исследование эмиссионных свойств поверхностей неоднородных эмиттеров растровым электронно-лучевым методом: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1976. 12 с.
34. Голиков Ю.К. Инструментальная корпускулярная оптика как основа экспериментальной физической электроники // Петербургская–Ленинградская школа электроники / Глав. ред. Ж.И. Алфёров. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2013. С. 416–421.
35. Давыдов С.Н. Электростатические системы монохроматизации и энергоанализа электронных потоков: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Ленинград: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1990. 16 с.
36. Бондаренко В.Б., Давыдов С.Н., Филимонов А.В. Естественные неоднородности потенциала на поверхности полупроводника при равновесном распределении примеси // Физика и техника полупроводников. 2010. Т. 44. № 1. С. 44–47. EDN: RCQANV.
37. Бондаренко В.Б., Филимонов А.В. Хаотический потенциал на поверхности компенсированного полупроводника в условиях самоорганизации электрически активных дефектов // Физика и техника полупроводников. 2015. Т. 49. № 9. С. 1223–1226. EDN: UJMCHJ.
38. Бондаренко В.Б., Филимонов А.В., Kumar R. Хаотический потенциал заряженных дислокаций в гетероконтактах III-нитридов // Письма в Журнал технической физики. 2021. Т. 47. № 1. С. 12–14. <https://doi.org/10.21883/PJTF.2021.01.50450.18532>. EDN: TXOREI.
39. Филимонов А.В., Бондаренко В.Б. Хаотический потенциал заряженных дислокаций в гетероконтактах III-нитридов при локализации двумерного электронного газа // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Физико-математические науки. 2024. Т. 17. № 1. С. 21–28. <https://doi.org/10.18721/JPM.17102>. EDN: OKFJGU.
40. Бажанова Н.П., Кораблев В.В., Кудинов Ю.А. Актуальные вопросы вторично-эмиссионной спектроскопии: учебное пособие. Л.: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1985. 88 с. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/si20-543>.
41. Кораблев В.В. Электронная Оже-спектроскопия: учебное пособие. Л.: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1973. 62 с.
42. Дорожкин А.А., Петров Н.Н. Ионная Оже-спектроскопия: учебное пособие. Л.: Ленинградский политехнический институт им. М.И. Калинина, 1983. 72 с. <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/si20-991>.
43. Гапонов-Грехов А.В. Теорема существования. Размышления о науке и обществе. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2001. 155 с.

REFERENCES

1. Shekatunov O.V., Malykhin K.G. Industrial Labour Force of Russia in 20–30s of XX Century in Russian Historiography. *Scientific Dialogue*. 2020. No. 7. P. 431–449. (In Russian). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-431-449>. EDN: EREPZT.
2. Ioffe A.F. Otchet o rabote fiziko-tehnicheskogo instituta [Report on the Work of the Physics and Technology Institute]. *Uspehi fizicheskikh nauk [Advances in Physical Sciences]*. 1936. Vol. XVI. Iss. 7. P. 847–871. (In Russian). <https://doi.org/10.3367/UFNr.0016.193607c.0847>.
3. Roginsky V.Yu., Chernysheva M.A. Alexander Alekseevich Chernyshev, 1882–1940. М.: Nauka, 1998. 120 p. (In Russian).
4. Kesamanly F.P. Scientists-Polytechnics, Glorified Our Country. Corresponding Member of the AS USSR Yakov Frenkel (the 120th Anniversary of His Birth). *St. Petersburg Polytechnic University Journal of Engineering Sciences and Technology*. 2014. No. 1 (190). P. 246–254. (In Russian). EDN: SAGUTL.
5. Rozhansky I.D., Rozhanskaya M.M., Filonovich S.R. Dmitry Apollinariyevich Rozhansky. Ed. by V.P. Vizgin. М.: Nauka, 2003. 160 p. (In Russian).
6. Murin A. Akademik Pjotr Ivanovich Lukirskij [Academician Peter Ivanovich Lukirsky]. *Uspehi fizicheskikh nauk [Advances in Physical Sciences]*. 1955. Vol. LV. Iss. 3. P. 289–298. (In Russian). <https://doi.org/10.3367/UFNr.0055.195503a.0289>.

7. Lukirsky P.I. O fotojeffekte [About the Photo Effect]. Leningrad, Moscow: Gosudarstvennoe tehniko-teoreticheskoe izdatelstvo [State Technical and Theoretical Publishing House], 1933. 94 p. (In Russian).
8. Shulman A.R. Issledovanie osobennostej vtorichnoj jelektronnoj jemissii dijelektrikov i metallov [Investigation of the Features of Secondary Electron Emission of Dielectrics and Metals]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1956. 22 p. (In Russian).
9. Lepeshinskaya V.N. Vtorichnaja jelektronnaja jemissija jeffektivnyh jemitterov iz okisi magnija i okisi berillija na osnove splavov [Secondary Electron Emission of Efficient Magnesium Oxide and Beryllium Oxide Alloy Emitters]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1961. 367 p. (In Russian).
10. Ilyin V.I., Firsov D.A. Poluprovodnikovaja nanoelektronika v Politehnicheskom universitete [Semiconductor Nanoelectronics at the Polytechnic University]. *Peterburgskaja–Leningradskaja shkola elektroniki [Petersburg-Leningrad School of Electronics]*. Ed. by Zh.I. Alferov. SPb.: Izd-vo SPbGETU «LETI», 2013. P. 406–416. (In Russian).
11. Dobretsov L.N. Atomnaja fizika [Atomic Physics]. Uchebnoe posobie dlja vtuzov. Moscow: Fizmatgiz, 1960. 348 p. (In Russian).
12. Dobretsov L.N., Gomoyunova M.V. Emissionnaja elektronika [Emission Electronics]. Moscow: Nauka, 1966. 564 p. (In Russian).
13. Eremeev M.A. Issledovanie soudarenija ionov s poverhnostju [Study of Ion Impacts on Surfaces]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1953. 15 p. (In Russian).
14. Eremeev M.A. Ispuskanie elektronov i otrazhenie ionov ot poverhnosti metalla [Emission of Electrons and Reflection of Ions from the Metal Surface]. *Doklady Akademii nauk SSSR [Reports of the USSR Academy of Sciences]*. 1951. Vol. 79. P. 775. (In Russian).
15. Abroyan I.A., Eremeev M.A., Petrov N.N. Vozbuzhdenie elektronov v tverdyh telah sravnitelno medlennymi atomnymi chasticami [Excitation of Electrons in Solids by Relatively Slow Atomic Particles]. *Uspehi fizicheskikh nauk [Advances in Physical Sciences]*. 1967. Vol. 92. Iss. 1. P. 105–157. (In Russian). <https://doi.org/10.3367/UFNr.0092.196705e.0105>.
16. Fridrikhov S.A. Issledovanie zakonornostej jemissii vtorichnyh jelektronov v silnyh jelektricheskikh i magnitnyh poljah [Investigation of the Patterns of Emission of Secondary Electrons in Strong Electric and Magnetic Fields]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1970. 25 p. (In Russian).
17. Ganichev D.A. Issledovanie vzaimodejstvija elektronov malyh energij s metallami i poluprovodnikami [Investigation of the Interaction of Low-Energy Electrons with Metals and Semiconductors]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1963. 18 p. (In Russian).
18. Bazhanova N.P. Uprugoe otrazhenie elektronov i vtorichnaja jelektronnaja emissija sistemy volfram – okis barija pri malyh energijah pervichnyh elektronov (1÷150 jeV) [Elastic Electron Reflection and Secondary Electron Emission of the Tungsten-Barium Oxide System at Low Primary Electron Energies (1÷150 eV)]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1969. 18 p. (In Russian).
19. Morozov Yu.A. Otrazhenie elektronov srednih energij ot tverdyh tel [Reflection of Medium-Energy Electrons from Solids]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1973. 10 p. (In Russian).
20. Borisov V.L. Vtorichnaja jelektronnaja emissija okisi magnija [Secondary Electron Emission of Magnesium Oxide]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1964. 15 p. (In Russian).
21. Kelman V.M. Elektronnaja optika [Electronic Optics]. 2nd edition supplemented. Moscow: Nauka, 1968. 176 p. (In Russian).
22. Utkin K.G. Issledovanie elektronnoopticheskikh sistem s bolshoj plotnostju toka emissii metodom modelirovanija na rezinovoj membrane [Investigation of Electron-Optical Systems with High Emission Current Density by Modeling on a Rubber Membrane]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Institute of Physics and Technology, 1960. 13 p. (In Russian).

23. Kanicheva I.R. Prohozhdenie i obratnoe otrazhenie elektronov v tonkih svobodnyh plenках veshhestv [Transmission and Back Reflection of Electrons in Thin Free Films of Substances]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1965. 12 p. (In Russian).
24. Terekhin D.K. Vlijanie magnitnogo polja na rabotu gelij-neonovogo lazera [The Influence of a Magnetic Field on the Operation of a Helium-Neon Laser]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1970. 11 p. (In Russian).
25. Fotiadi A.E. Vlijanie magnitnogo polja na rabotu argonovogo lazera [The Influence of a Magnetic Field on the Operation of an Argon Laser]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1972. 15 p. (In Russian).
26. Butusov M.M. Issledovaniya struktury i dinamiki poverhnostej metodami golografii i kogerentnoj optiki [Investigations of the Structure and Dynamics of Surfaces by Methods of Holography and Coherent Optics]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1975. 26 p. (In Russian).
27. Fotiadi A.E. Kinetika aktivnyh sred gazorazrjadnyh lazerov postojannogo toka na perehodah atomov i ionov [Kinetics of Active Media of Direct Current Gas-Discharge Lasers on Transitions of Atoms and Ions]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. SPb: Saint Petersburg State Technical University, 1993. 32 p. (In Russian).
28. Abroyan I.A. Vtorichnaya emissiya i izmenenie elektricheskikh svoystv nekotoryh poluprovodnikov pod vlijaniem ionnoj bombardirovki [Secondary Emission and Changes in the Electrical Properties of Some Semiconductors Under the Influence of Ion Bombardment]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1963. 12 p. (In Russian).
29. Titov A.I. Vzaimodejstvie zarjzhennyh chastic srednih jenergij s monokristallicheskim germaniem [Interaction of Charged Particles of Medium Energies with Monocrystalline Germanium]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1970. 12 p. (In Russian).
30. Korablev V.V. Anizotropiya vtorichno-emissionnyh svoystv monokristallov [Anisotropy of Secondary Emission Properties of Single Crystals]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1971. 9 p. (In Russian).
31. Korablev V.V. Vlijanie kristallicheskoj struktury veshhestva na processy rassejanija i jemissii vtorichnyh jelektronov [The Influence of the Crystal Structure of Matter on the Processes of Scattering and Emission of Secondary Electrons]. Author's abstract. dis. ... Doctor of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1983. 32 p. (In Russian).
32. Shulman A.R., Fridrikhov S.A. Vtorichno-emissionnye metody issledovaniya tverdogo tela [Secondary Emission Methods of Solid State Research]. Moscow: Nauka. 1977. 551 p. (In Russian).
33. Ionov V.V. Issledovanie emissionnyh svoystv poverhnostej neodnorodnyh emitterov rastrovym elektronno-luchevym metodom [Investigation of Emission Properties of Surfaces of Inhomogeneous Emitters by Scanning Electron Beam Method]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1976. 12 p. (In Russian).
34. Golikov Yu.K. Instrumentalnaja korpuskuljarnaja optika kak osnova eksperimentalnoj fizicheskoj elektroniki [Instrumental Corpuscular Optics as the Basis of Experimental Physical Electronics]. *Peterburgskaja-Leningradskaja shkola elektroniki [Petersburg-Leningrad School of Electronics]*. Ed. by Zh.I. Alferov. SPb.: Izd-vo SPbGETU «LETI», 2013. P. 416–421. (In Russian).
35. Davydov S.N. Elektrostaticheskie sistemy monohromatizacii i energoanaliza elektronnyh potokov [Electrostatic Systems of Monochromatization and Energy analysis of electronic flows]. Author's abstract. dis. ... Candidate of Physical and Mathematical Sciences. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1990, 16 p. (In Russian).
36. Bondarenko V.B., Davydov S.N., Filimonov A.V. Inherent Potential Inhomogeneity on the Semiconductor Surface for Equilibrium Impurity Distribution // *Semiconductors*. 2010. Vol. 44. No. 1. P. 41–44. <https://doi.org/10.1134/S1063782610010069>. EDN: MXDPYH.

37. Bondarenko V.B., Filimonov A.V. On a Chaotic Potential at the Surface of a Compensated Semiconductor under Conditions of the Self-Assembly of Electrically Active Defects. *Semiconductors*. 2015. Vol. 49. No. 9. P. 1187–1190. <https://doi.org/10.1134/S1063782615090080>. EDN: UZXFER.
38. Bondarenko V.B., Filimonov A.V., Kumar R. A Chaotic Potential of Charged Dislocations in Group III-Nitride Heterojunctions. *Technical Physics Letters*. 2021. Vol. 47. No. 1. P. 8–10. <https://doi.org/10.1134/S1063785021010053>. EDN: LMXYLТ.
39. Filimonov A.V., Bondarenko V.B. A Chaotic Potential of Charged Dislocations in Group III-nitride Heterojunctions During Localization of a Two-Dimensional Electron Gas. *St. Petersburg State Polytechnical University Journal. Physics and Mathematics*. 2024. Vol. 17. No. 1. P. 21–28. <https://doi.org/10.18721/JPM.17102>. EDN: OKFJGU.
40. Bazhanova N.P., Korablev V.V., Kudinov Yu.A. Aktualnye voprosy vtorichno-emissionnoj spektroskopii [Actual Issues of Secondary Emission Spectroscopy]. Uchebnoe posobie. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1985. 88 p. (In Russian). <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/si20-543>.
41. Korablev V.V. Elektronnaja Ozhe-spektroskopija [Electronic Auger Spectroscopy]. Uchebnoe posobie. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1973. 62 p. (In Russian).
42. Dorozhkin A.A., Petrov N.N. Ionnaja Ozhe-spektroskopija [Ion Auger Spectroscopy]. Uchebnoe posobie. Leningrad: Leningrad Polytechnic Institute Named after M.I. Kalinin, 1983, 72 p. (In Russian). <https://doi.org/10.18720/SPBPU/2/si20-991>.
43. Gaponov-Grekhov A.V. Teorema sushhestvovaniya. Razmyshleniya o nauke i obshhestve [The Existence Theorem. Reflections on Science and Society]. Nizhnij Novgorod: IPF RAS, 2001. 155 p. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, директор проекта научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции; Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

E-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

Кorableв Вадим Васильевич – доктор физико-математических наук, профессор, советник при ректорате; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: korablev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-4363-9352

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Kefeli Igor F. – Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Center for Geopolitical Expertise; North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

E-mail: geokefeli@mail.ru

ORCID: 0000-0002-6889-8924

Korablev Vadim V. – Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Professor, Advisor to the Rector's Office; Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: korablev@spbstu.ru

ORCID: 0000-0002-4363-9352

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 11.07.2025.
Одобрена после рецензирования 14.08.2025.
Принята 19.08.2025.

Received 11.07.2025.
Approved after reviewing 14.08.2025.
Accepted 19.08.2025.

ОБЗОРЫ. РЕЦЕНЗИИ. КОНФЕРЕНЦИИ REVIEWS. CONFERENCES

обзорная статья / overview article

УДК: 327

EDN: [GNDWEU](#)

DOI: [10.48612/RG/RGW.28.3.12](#)

Научная специальность ВАК:

5.5.4. Международные отношения, глобальные, региональные исследования

Контент доступен под лицензией [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)
This work is licensed under [Creative Commons Attribution-Noncommercial 4.0 International License \(Cc By-NC 4.0\)](#)

Цифровое государство в глобальной перспективе: новые возможности и тенденции изучения (материалы симпозиума, г. Санкт-Петербург, 23–25 июня 2025 г.)

Болгов Радомир Викторович

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия
 rbolgov@yandex.ru

Чугунов Андрей Владимирович

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия
usfmo@rambler.ru

Филатова Ольга Георгиевна

Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет ИТМО
Санкт-Петербург, Россия
filatovo@gmail.com

Аннотация

Бурное развитие цифровых технологий не только создает возможности для прогресса, но и формирует серьезные вызовы и противоречия в обществе. Для их обсуждения 23-25 июня 2025 г. в Санкт-Петербурге прошли мероприятия объединенной конференции «Интернет и современное общество». В предлагаемой обзорной статье по итогам конференции приводятся основные направления работы в целом и, в частности, научного симпозиума «Цифровое государство в глобальной перспективе», состоявшегося в рамках VIII Международной конференции по электронному управлению “Digital Transformation in Governance and Society”. Симпозиум стал платформой для обсуждения исследований цифрового государства в глобальном контексте и взаимодействия между экспертами в сфере цифровой трансформации государственного управления. Ключевыми направлениями и темами симпозиума стали цифровые стратегии международных организаций, развитие цифровых платформ и экосистем, политика в сфере искусственного интеллекта, цифровая дипломатия, управление Интернетом,

социальные медиа в контексте международных отношений и т.д. В текущем номере журнала «Россия в глобальном мире» (т. 28, вып. 3) в разделе «Мир и цифровая трансформация» опубликованы статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на симпозиуме «Цифровое государство в глобальной перспективе», и рекомендованные программным комитетом для публикации. Конференция завершилась Пленарной сессией, на которой участники обсудили направления дальнейшего развития конференции и другие организационные вопросы. Можно утверждать, что научный симпозиум «Цифровое государство в глобальной перспективе» имеет потенциал перерасти из небольшого мероприятия в широкую платформу для дальнейшей научной дискуссии. Данное мероприятие может быть интересно экспертному сообществу, ученым, исследующим политические эффекты цифровых технологий, а также широкой аудитории.

Ключевые слова: цифровое государство; цифровая трансформация; Россия; Интернет; искусственный интеллект; цифровое управление

Финансирование: Статья подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда и Санкт-Петербургского научного фонда № 23-18-20079 «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» (<https://rscf.ru/project/23-18-20079/>).

Для цитирования: Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г. Цифровое государство в глобальной перспективе: новые возможности и тенденции изучения // Россия в глобальном мире. 2025. Т. 28. Вып. 3. С. 199–206. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.12.

© Болгов Р.В., Чугунов А.В., Филатова О.Г., 2025. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Digital State in a Global Perspective: New Opportunities and Trends of Research (Review of the Symposium, St. Petersburg, June 23–25, 2025)

Radomir V. Bolgov

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
Saint Petersburg, Russia
 rbolgov@yandex.ru

Andrei V. Chugunov

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
Saint Petersburg, Russia
usfmo@rambler.ru

Olga G. Filatova

Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics
Saint Petersburg, Russia
filatovo@gmail.com

Abstract

The rapid development of digital technologies not only creates opportunities for progress, but also creates serious challenges and contradictions in society. To discuss them, the events of the joint conference "Internet and Modern Society" were held in St. Petersburg on June 23-25, 2025. The article on the results of the conference presents the main areas of work as a whole and, in particular, the scientific symposium "Digital State in Global Perspective" held within the framework of the 8th International Conference on Digital Transformation in Governance and Society. The symposium became a platform for discussing research on the digital state in the global context and interaction between experts in the field of digital transformation of public administration. The key directions and

topics of the symposium were digital strategies of international organizations, the development of digital platforms and ecosystems, artificial intelligence policies, digital diplomacy, Internet governance, social media in international relations, etc. This issue of the journal "Russia in the Global World" (Volume 28, Issue 3) publishes articles prepared on the basis of the reports presented at this symposium and recommended by the IMS-2025 program committee for publication in the journal. The conference concluded with a Plenary Session, at which participants discussed directions for further development of the conference and other organizational issues. It can be stated that the scientific symposium "Digital State in Global Perspective" has the potential to grow from a small event into a broad platform for further scientific discussion. This event may be of interest to the expert community, scientists studying the political effects of digital technologies, as well as a wider audience.

Keywords: digital state; digital transformation; Russia; Internet; artificial intelligence; digital governance

Funding: The article was supported by the Russian Science Foundation and St. Petersburg Science Foundation Grant No. 23-18-20079 "The Social Efficacy of Electronic Interaction between Citizens and the Government: The Case of Urban Digital Services in St. Petersburg" (<https://rscf.ru/en/project/23-18-20079/>).

For citation: Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Filatova, O.G. Digital State in a Global Perspective: New Opportunities and Trends of Research (Review of the Symposium, St. Petersburg, June 23–25, 2025). *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28. Iss. 3. P. 199–206. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.3.12.

© Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Filatova, O.G., 2025. Published by Peter the Great St Petersburg Polytechnic University.

Быстрый рост цифровых технологий порождает не только перспективы прогресса, но и существенные проблемы и противоречия в общественной жизни. Для их обсуждения 23–25 июня 2025 г. в Университете ИТМО (г. Санкт-Петербург) прошли мероприятия объединенной конференции «Интернет и современное общество» (Internet and Modern Society, IMS-2025, <https://ims.itmo.ru/>). Основные мероприятия конференции уже традиционно предварил выездной международный симпозиум «Интерактивные системы и технологии информационного общества» (Interactive Systems & Information Society Technologies), состоявшийся 5–7 мая 2025 г. в Дубае. Организаторами выступили Институт технологии и науки Бирла в Пилани (кампус в Дубае, Объединенные Арабские Эмираты), Университет ИТМО (Россия), Новосибирский государственный технический университет (Россия), Федеральный университет Парана (Бразилия). На симпозиуме были представлены научные доклады, подготовленные авторскими коллективами из России, Объединённых Арабских Эмиратов, Индии и других стран, а также прошёл конкурс студенческих исследовательских работ.

Основными мероприятиями объединённой конференции IMS-2025 стали:

- VIII Международная конференция по электронному управлению / 8th International Conference Digital Transformation in Governance and Society (DTGS-2025);
- Международный семинар «Компьютерная лингвистика» / Computational Linguistics (CompLing-2025);
- Международный семинар «Искусство и инновации в музеях» / International Art and Innovation in Museums Seminar (AIMs 2025);

- Вторая часть международного семинара Interactive Systems & Information Society Technologies (InterSys-2025);
- Международный семинар «Киберпсихология и цифровая педагогика» / Cyberpsychology and Post-AI Education (PsyAI-2025);
- научно-практический симпозиум «Этико-правовые аспекты цифровой трансформации»;
- тематические сессии «Информационные системы для науки и образования», «Культурология киберпространства», «Электронное обучение и дистанционные образовательные технологии».

На сессиях конференции IMS-2025 было представлено более 150 докладов (141 в Санкт-Петербурге и 15 в Дубае). В конференции приняли участие более 400 представителей университетов и научных организаций, сотрудников государственных учреждений и коммерческих компаний, общественных деятелей и деятелей цифрового искусства из Англии, Индии, Италии, Китая, Объединённых Арабских Эмиратов, России, Саудовской Аравии, Соединённых Штатов Америки, Узбекистана, Франции и других стран.

Конференция открылась пленарным заседанием, где выступили три докладчика:

1. Развитие проекта Единая карта петербуржца: перспективы и вызовы.

(Валентина Романовна Козырева, заместитель директора Санкт-Петербургского государственного казенного учреждения «Центр информационного сопровождения»);

2. Применение искусственного интеллекта для повышения качества цифровых сервисов управления городской средой (Сергей Владимирович Иванов, руководитель лаборатории «Искусственный интеллект в градостроительстве»);

3. Экосистема сервисов для работы с научно-технической информацией, как инструмент развития нового поколения исследователей (Антон Витальевич Маевский, директор по продуктам и технологиям ООО «Инвенторус»).

Несмотря на то, что тематика конференции IMS устоялась, и большая часть тем мероприятий повторяется из года в год [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12; 13], дискуссия в рамках конференции помогла выявить новые направления для исследований, вошедшие в программу IMS-2025. Одним из них стал научный симпозиум «Цифровое государство в глобальной перспективе», проведенный впервые в 2025 г., который состоялся на IMS-2025 в рамках VIII Международной конференции по электронному управлению «Digital Transformation in Governance and Society» (DTGS-2025, <https://ims.itmo.ru/dtgs/>). В программный комитет вошли более 100 признанных экспертов со всего мира.

Симпозиум стал платформой для обсуждения исследований цифрового государства в глобальном контексте и взаимодействия между экспертами в сфере цифровой трансформации государственного управления. Ключевыми направлениями и темами симпозиума стали цифровые стратегии международных организаций, развитие цифровых платформ и экосистем, политика в сфере искусственного интеллекта, цифровая дипломатия, управление Интернетом, социальные медиа в контексте международных отношений и т.д. В данном выпуске журнала «Россия в глобальном мире» предложены статьи, подготовленные на основе докладов, представленных на этом симпозиуме, и рекомендованные программным комитетом

IMS-2025 для публикации. Все материалы прошли двойное слепое рецензирование как со стороны программного комитета конференции, так и со стороны редакции журнала, принимавшей окончательное решение о публикации текстов.

Большой интерес вызвал также научно-практический семинар «Цифровые городские сервисы: потенциал и барьеры развития», посвященный промежуточным итогам научного проекта «Исследование социальной результативности электронного взаимодействия граждан и власти в Санкт-Петербурге на примере городских цифровых сервисов» [14].

Участники семинара констатировали, что в российских регионах и, в частности, в Санкт-Петербурге, развивается система городских сервисов, предоставляющая гражданам различные возможности для цифрового взаимодействия с органами власти, но, тем не менее, на этом пути заметны барьеры, связанные с межведомственным взаимодействием и рядом других сложностей, что делает тему цифровых сервисов чрезвычайно актуальной для дальнейшего исследования.

Конференция завершилась Пленарной сессией, на которой участники обсудили направления дальнейшего развития конференции и другие организационные вопросы. Помимо международного научного диалога организаторы IMS ставят перед собой задачу внести вклад в развитие российской школы исследований цифровой политики. В симпозиуме, помимо представителей университетов и научных организаций Санкт-Петербурга, выступали участники из других городов России – Москва, Ульяновск, Ярославль и др. При этом Санкт-Петербург, имея высокий потенциал, остается центром изучения цифрового государства на отечественном и международном уровне.

Организаторы хотели бы поблагодарить всех, кто сделал возможным это мероприятие. Особенно выражаем нашу благодарность членам Программного комитета за их вклад в подготовку мероприятия, а также редколлегии журнала «Россия в глобальном мире» за возможность публикации исследований участников. Мы благодарим докладчиков за презентации и председателей тематических сессий за ведение плодотворных дискуссий. Уже сейчас можно сказать, что научный симпозиум «Цифровое государство в глобальной перспективе» имеет потенциал перерасти из небольшого мероприятия в широкую платформу для дальнейшей научной дискуссии. Материалы симпозиума и его тематические направления могут быть интересны экспертному сообществу, ученым, исследующим политические эффекты цифровых технологий, а также широкой аудитории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bakaev, M., Bolgov, R., Chugunov, A., Pereira, R., Elakkiya, R., Zhang, W. IMS-2023 Editorial. In: Bolgov, R., et al. (eds) Digital Geography. IMS 2023. Springer Geography. F3643. Springer, Cham, 2024. P. v-vi.
2. Bakaev, M., Bolgov, R., Chizhik, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Elakkiya, R., Pereira, R., Zhang, W. Digital Geography 2024 Editorial. In: Bolgov, R., et al. (eds) Digital Geography. Proceedings of the International Conference on Internet and Modern Society (IMS 2024). Springer Geography. Springer, Cham, 2025. P. v-vi.
3. Mukhamediev, R., Pereira, R., Mityagin, S., Bolgov, R. IMS-2022 Editorial. In: Bolgov, R., Mukhamediev, R., Pereira, R., Mityagin, S. (eds) Digital Geography. IMS 2022. Springer Geography. F2317. Springer, Cham. P. V.
4. Bolgov, R.V., Borisov, N.V., Chugunov, A.V., Prokudin, D.E., Voiskounsky, A.E., Zakharov, V.P. 24rd

- International Conference “Internet and Modern Society” IMS 2021 Editorial. In: 2021 International Conference “Internet and Modern Society”, IMS 2021. CEUR Workshop Proceedings. Volume 3090.
5. Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Voiskounsky, A.E. IMS 2020 editorial. In: 2020 International Conference “Internet and Modern Society”, IMS 2020. CEUR Workshop Proceedings. Volume 2813.
 6. Bolgov, R.V., Borisov, N.V., Smorgunov, L.V., Tolstikova, I.I., Zakharov, V.P. IMS 2017 Editorial. In: ACM International Conference Proceeding Series, Volume Part F133135. 2017 International Conference on Internet and Modern Society, IMS 2017; St. Petersburg; Russian Federation; 21 June 2017 - 24 June 2017. Pp. iii-iv.
 7. Chugunov, A., Kabanov, Y., Bolgov, R., Kampis, G., Wimmer, M. et al. Digital Transformation and Global Society, Preface for DTGS'16. In: Communications in Computer and Information Science, Vol. 674. Springer Verlag. Pp. III-VI.
 8. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (eds) Digital Transformation and Global Society. DTGS 2017. Communications in Computer and Information Science. Vol 745. Springer, Cham. P. V-VI.
 9. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (2018). Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (eds) Digital Transformation and Global Society. DTGS 2018. Communications in Computer and Information Science. Vol 858. Springer, Cham. P. V-VI.
 10. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (eds) Digital Transformation and Global Society. DTGS 2019. Communications in Computer and Information Science. Vol 1038. Springer, Cham. P. V-VI.
 11. Alexandrov, D.A., Boukhanovsky, A.V., Chugunov, A.V., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. Preface. In: Alexandrov, D.A., Boukhanovsky, A.V., Chugunov, A.V., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (eds) Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science. Vol 1242. Springer, Cham. P. V-VI.
 12. Alexandrov, D.A., et al. Preface. In: Alexandrov, D.A., et al. Digital Transformation and Global Society. DTGS 2021. Communications in Computer and Information Science. Vol 1503. Springer, Cham. P. V-VI.
 13. Chugunov, A., Filatova, O., Kabanov, Y., Misra, H., Smorgunov, L., Zhang, W. Preface. In: Chugunov, A., Filatova, O., Kabanov, Y., Misra, H., Smorgunov, L., Zhang, W. (eds) Digital Transformation in Governance and Society. DTGS 2024. Communications in Computer and Information Science. Vol 2445. Springer, Cham. P. V-VI.
 14. Филатова О.Г. Результативность цифровых экосистем зависит от качества технологических решений и анализа реальных потребностей жителей // Дайджест РНФ. 2025 № 2 (30). С. 76–90.

REFERENCES

1. Bakaev, M., Bolgov, R., Chugunov, A., Pereira, R., Elakkiya, R., Zhang, W. IMS-2023 Editorial. In: Bolgov, R., et al. (eds) *Digital Geography. IMS 2023*. Springer Geography. F3643. Springer, Cham, 2024. P. v-vi.
2. Bakaev, M., Bolgov, R., Chizhik, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Elakkiya, R., Pereira, R., Zhang, W. Digital Geography 2024 Editorial. In: Bolgov, R., et al. (eds) *Digital Geography. Proceedings of the International Conference on Internet and Modern Society (IMS 2024)*. Springer Geography. Springer, Cham, 2025. P. v-vi.
3. Mukhamediev, R., Pereira, R., Mityagin, S., Bolgov, R. IMS-2022 Editorial. In: Bolgov, R., Mukhamediev, R., Pereira, R., Mityagin, S. (eds) *Digital Geography. IMS 2022. Springer Geography*. F2317. Springer, Cham. P. V.
4. Bolgov, R.V., Borisov, N.V., Chugunov, A.V., Prokudin, D.E., Voiskounsky, A.E., Zakharov, V.P. 24rd International Conference “Internet and Modern Society” IMS 2021 Editorial. In: *2021 International Conference “Internet and Modern Society”, IMS 2021*. CEUR Workshop Proceedings. Volume 3090.
5. Bolgov, R.V., Chugunov, A.V., Voiskounsky, A.E. IMS 2020 editorial. In: *2020 International*

- Conference "Internet and Modern Society", IMS 2020. CEUR Workshop Proceedings. Volume 2813.
6. Bolgov, R.V., Borisov, N.V., Smorgunov, L.V., Tolstikova, I.I., Zakharov, V.P. IMS 2017 Editorial. In: *ACM International Conference Proceeding Series*, Volume Part F133135. 2017 International Conference on Internet and Modern Society, IMS 2017; St. Petersburg; Russian Federation; 21 June 2017 - 24 June 2017. Pp. iii-iv.
 7. Chugunov, A., Kabanov, Y., Bolgov, R., Kampis, G., Wimmer, M. et al. Digital Transformation and Global Society, Preface for DTGS'16. In: *Communications in Computer and Information Science*, Vol. 674. Springer Verlag. Pp. III-VI.
 8. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (eds) *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2017. Communications in Computer and Information Science*. Vol 745. Springer, Cham. P. V-VI.
 9. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (2018). Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O. (eds) *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2018. Communications in Computer and Information Science*. Vol 858. Springer, Cham. P. V-VI.
 10. Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. Preface. In: Alexandrov, D., Boukhanovsky, A., Chugunov, A., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (eds) *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2019. Communications in Computer and Information Science*. Vol 1038. Springer, Cham. P. V-VI.
 11. Alexandrov, D.A., Boukhanovsky, A.V., Chugunov, A.V., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. Preface. In: Alexandrov, D.A., Boukhanovsky, A.V., Chugunov, A.V., Kabanov, Y., Koltsova, O., Musabirov, I. (eds) *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2020. Communications in Computer and Information Science*. Vol 1242. Springer, Cham. P. V-VI.
 12. Alexandrov, D.A., et al. Preface. In: Alexandrov, D.A., et al. *Digital Transformation and Global Society. DTGS 2021. Communications in Computer and Information Science*. Vol 1503. Springer, Cham. P. V-VI.
 13. Chugunov, A., Filatova, O., Kabanov, Y., Misra, H., Smorgunov, L., Zhang, W. Preface. In: Chugunov, A., Filatova, O., Kabanov, Y., Misra, H., Smorgunov, L., Zhang, W. (eds) *Digital Transformation in Governance and Society. DTGS 2024. Communications in Computer and Information Science*. Vol 2445. Springer, Cham. P. V-VI.
 14. Filatova O.G. The performance of digital ecosystems depends on the quality of technological solutions and analysis of real needs residents. *Digiest RNF*. 2025. No. 2 (30). P. 76-90 (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Болгов Радомир Викторович – кандидат политических наук, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета; старший научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета ИТМО.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Чугунов Андрей Владимирович – кандидат политических наук, директор Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета ИТМО.

E-mail: usfmo@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5911-529X

Филатова Ольга Георгиевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий электронного правительства Санкт-Петербургского национального исследовательского университета ИТМО.

E-mail: filatovo@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9568-1002

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Bolgov Radomir V. – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of World Politics at Saint Petersburg State University; Senior Researcher of e-Governance Center at Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.

E-mail: rbolgov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4663-8072

Chugunov Andrei V. – Candidate of Political Sciences, Director of e-Governance Center at Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.

E-mail: usfmo@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5911-529X

Filatova Olga G. – Doctor of Political Science, Leading Researcher of e-Governance Center at Saint Petersburg National Research University of Information Technologies, Mechanics and Optics.

E-mail: filatovo@gmail.com

ORCID: 0000-0001-9568-1002

The authors confirm that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025.

Одобрена после рецензирования 22.07.2025.

Принята 25.07.2025.

Received 21.07.2025.

Approved after reviewing 22.07.2025.

Accepted 25.07.2025.

«Россия в глобальном мире»

Том 28. Выпуск 3

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Санкт-Петербургский государственный политехнический университет»

Лицензия зарегистрированного сетевого издания СМИ Эл № ФС77-84167 от 09.11.22

Редакция журнала:

Лбова Л.В. – главный редактор
Погодин С.Н. – ответственный редактор
Болгов Р.В. – ответственный редактор темы номера
Сидорчук И.В. – ученый секретарь журнала
Лютинская О.В. – компьютерная верстка

Подписано в печать	Печать цифровая	Формат 60x84/16
Усл. печ.	Тираж	Заказ

*Отпечатано с готового оригинал-макета
В Издательско-типографическом центре Политехнического университета
Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29*

«Russia in the Global World»

Volume 28. Issue 3

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education
“St. Petersburg State Polytechnic University”

Mass media registration certification EL № FS 77 – 84167, dated 09.01.2022

Editorial Board:

Lbova L.V. – Editor in Chief

Pogodin S.N. – Executive Editor

Bolgov R.V. – Responsible Editor of the Issue Topic

Sidorchuk I.V. – Scientific Secretary of the Journal

Liutinskaia O.V. – WEB Editor DTP

Signed for printing	Format 60x84/16	
Conventional Printed Sheet	Circulation	Order

*Printed with the final camera-ready, provided by the editorial board,
published in the Publishing House of the Polytechnic University.
29, Polytechnicheskaya, Saint-Petersburg, Russia, 195251*

УСЛОВИЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ в журнале «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World»

ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Журнал «Россия в глобальном мире» является периодическим печатным научным рецензируемым изданием.

С 2012 г. журнал выпускался два раза в год как самостоятельное периодическое печатное издание под двойным названием: «Россия в глобальном мире» = «Russia in the Global World» с правом опубликования статей на русском и английском языках. С 2021 г. издание выходит 4 раза в год.

В системе "Международной стандартной нумерации сериальных изданий" (International standard serial numbering) печатному изданию присвоен номер ISSN 2304-9472, сетевому изданию – ISSNе 2949-3501.

Информация обо всех публикациях журнала отображается в библиографической базе Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Выпуски журнала рассылаются в ведущие библиотеки России, стран ближнего и дальнего зарубежья.

При отборе статей редколлегия руководствуется научно-редакционной политикой издания и соблюдением принципов публикационной этики <https://russiaglobal.spbstu.ru/>. Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При цитировании статей и перепечатке материалов журнала ссылка обязательна.

Журнал освещает проблемы изучения взаимоотношений России с другими странами в контексте процессов глобализации. Публикует научные обзоры, статьи проблемного и научно-практического характера, в которых рассматриваются региональные: экономические, политические, социокультурные и правовые аспекты международных отношений. Издание имеет междисциплинарный характер и адресовано специалистам в области регионоведения, истории, философии, культурологии, политологии, социологии и экономики.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ

Статья должна содержать законченный и логически цельный материал, посвященный актуальной научной проблеме. Во введении необходимо обосновать проблему исследования и актуальность работы, сформулировать задачи исследования, представить краткий обзор по тематике. Отдельный раздел представляет собой описание исследовательских методов и фактических материалов (источников) изучения. Рекомендуется завершить обсуждением научных результатов и выводами или рекомендациями по практическому использованию результатов исследования в практике. Название статьи должно отражать основную идею ее содержания. В названии не рекомендуется использовать аббревиатуры и сокращения. Принимаются оригинальные, ранее не опубликованные статьи, содержащие самостоятельно полученные авторами научные результаты и публикуются в соответствии с тематическими разделами.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

1. Объем статей не менее 10 страниц формата А-4, с учетом графических вложений. Количество рисунков не должно превышать трех, таблиц – трех; литературных источников – **не менее двенадцати.**

2. Авторы должны придерживаться следующей обобщенной структуры статьи: вводная часть (1–2 стр., актуальность, существующие проблемы, постановка и описание исследовательских задач); основная часть (изложение материалов и суть

основных научных результатов, дискуссия); заключительная часть (0,5–1 стр., выводы, предложения).

3. Число авторов статьи не должно превышать трех человек.

4. Набор текста осуществляется в редакторе MS Word, формулы – в редакторе MS Equation. Таблицы набираются в том же формате, что и основной текст.

5. Шрифт – Times New Roman, размер шрифта основного текста – 12, интервал – множитель 1,1; таблицы большого размера могут быть набраны 11 кеглем. Параметры страницы: поля слева – 2,6 см, сверху, снизу – 2,5 см, справа – 2,6 см. Текст размещается без переносов. Абзацный отступ – 1 см.

ПОРЯДОК ОФОРМЛЕНИЯ

Статья оформляется в соответствии с приведенной структурой:

- **УДК** в соответствии с классификатором (в заголовке статьи);
- **сведения об авторах блоком / authors** (на русском / английском языке) на каждого автора заполняется отдельно: фамилия, имя, отчество полностью, место работы, должность, ученое звание, ученая степень, e-mail;
- **название статьи** (до 12 слов, включая предлоги) на русском и английском языках;
- **аннотация / abstract** (на русском / английском языке): не менее 200 слов: с указанием проблемы и новизны исследования, методов, использованных при его проведении, результатов исследования, заключения;
- **ключевые слова / keywords** (на русском / английском языке);
- **текст статьи** на русском языке или на английском языке, излагается в соответствии с техническими требованиями (структура IMRAD);
- **список литературы** (научные статьи и монографии) на русском языке должен быть оформлен в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. "Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления". Цитируемая литература приводится общим списком в конце статьи **в порядке упоминания**. Порядковый номер в тексте заключается в квадратные скобки. References оформляется на английском языке.
- В конце каждого пункта в списке литературы необходимо проставлять **DOI** и **EDN** (при наличии таковых).
- **подстрочные ссылки** оформляются на официальные документы или новостные сайты организаций.

ПРИМЕРЫ ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Монография

1. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения. 1945–1980. 3-е изд., доп. М.: Мысль, 1980. 638 с.

1. Borisov, O.B., Koloskov, B.T. Soviet-Chinese Relations. 1945–1980. 3rd ed., suppl. Moscow: Mysl, 1980. 638 p. (In Russian).

Научные статьи в журналах и сборниках

2. Алескерова Н.Э. Некоторые сведения об истории и мировоззрении средневекового суфийского братства Халватийа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 13. Востоковедение и африканистика. 2011. Вып. 4. С. 13–23. EDN: [OIVMVN](#).

2. Aleskerova, N.E. Some Information about the History and Worldview of the Medieval Sufi Brotherhood Khalwatiyya. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 13. Oriental and African Studies*. 2011. Iss. 4. Pp. 13–23. (In Russian). EDN: [OIVMVN](#).

Научные статьи в сетевых изданиях

3. Чусовлянова С.В. Инженерное образование в Китае – анализ образовательной инициативы // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 4–4 (91). С. 140–143. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: [STDJWV](#).

3. Chusovlyanova, S.V. Engineering Education in China – Analysis of Educational Initiative. *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*. 2024. No. 4–4 (91). Pp. 140–143. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2024-4-4-140-143>. EDN: STDJWV.

Пример оформления автореферата и диссертации

4. Иванова Н.А. Особенности правового регулирования труда медицинских работников в условиях реформирования здравоохранения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Издат. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2012. 30 с.

4. Ivanova, N.A. Features of Legal Regulation of Labor of Medical Workers in the Context of Health Care reform: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Ekaterinburg: publishing house "Ural State Law Academy", 2012. 30 p. (In Russian).

5. Крольман М.Л. Партиципативная демократия: генезис современных форм и тенденции развития: дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д: Ростовский гос. эконом. ун-т, 2014. 142 с.

5. Krolman M.L. Participatory Democracy: Genesis of Modern Forms and Development Trends: diss. ... cand. philosophical sciences. Rostov-on-Don: Rostov State Economic University, 2014. 142 p. (In Russian).

Электронные библиотеки.

6. Белослудцев А.Н., Дзюба Е.В. Релокация как социальноэкономический и правовой институт // Россия в глобальном мире. 2023. Т. 26. Вып. 2. [эл. доступ]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (дата обращения: 25.07.2024).

6. Belosludtsev, A.N., Dziuba, E.V. Relocation as a Socio-Economic and Legal Institution. *Russia in the Global World*. 2023. Vol. 26. Iss. 2. Available at <https://elibrary.ru/item.asp?id=54075220> (accessed: 25.07.2024). (In Russian).

Научные статьи на английском языке.

7. Li, J. Development of BRICS Cooperation Mechanism in New Geopolitical Conditions // Proceedings of Topical Issues in International Political Geography. Bolgov, R., Atnashev, V., Gladkiy, Y., Leete, A., Tsyb, A., Pogodin, S. (eds) Springer Geography. Springer, Cham, 2021. P. 303–312. https://doi.org/10.1007/978-3-030-58263-0_27.

Научные статьи на китайском языке

8. Ван Шучунь 王树春, Ван Чэньшэн 王陈生, Цзян Хунфэй 江洪飞. Цяньси чжун э «Чанцзян – Фуэрцзяхэ» цюйюй хэцзо 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Краткий анализ китайско-российского регионального сотрудничества «Янцзы-Волга»] // Оуяцзинци 欧亚经济 [Евразийская экономика]. 2021. № 1. С. 97–116.

8. Wang Shuchun 王树春, Wang Chensheng 王陈生, Jiang Hongfei 江洪飞. Tsyansi chzhun e «Chantszyan – Fuertszyakhe» tsyuyuy khetszo 浅析中俄“长江—伏尔加河”区域合作 [Brief Analysis of the Russian-Chinese Cooperation within Volga–Yangtze Program]. *Ouyatszintzi* 欧亚经济 [Journal of Eurasian Economy]. 2021. № 1. P. 97–116. (In Chinese).

Научные статьи на турецком языке

9. Abdullayev, C. Uluslararası hukuk çerçevesinde hazarın statüsü ve doğal kaynaklarının işletilmesi sorunu // Ankara Üniversitesi Hukuk Fakültesi Dergisi. 1999. Cilt 48. Sayı 1. S. 255–290. https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

9. Abdullayev, C. The problem of the status of the Caspian Sea and the exploitation of its natural resources within the framework of international law. *Ankara University Faculty of Law Journal*. 1999. Volume 48. Issue 1. P. 255–290. (In Turkish). https://doi.org/10.1501/Hukfak_0000000631.

Текст статьи должен содержать ссылки **на все источники** из списка.

Статьи без пристатейных библиографических списков к рассмотрению не принимаются.

РАССМОТРЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

Предоставление всех материалов осуществляется через электронный адрес редакции <https://russiaglobal.spbstu.ru/>, через систему электронной редакции. Все поступившие статьи публикуются по итогам слепого двойного рецензирования, в случае соответствия критериям актуальности, новизны, практической значимости и проблематике разделов журнала.

Авторы несут полную ответственность за представляемое качество материалов, оформленные ссылки на исходные публикации, в том числе с указанием на авторов и сайты, включенных Министерством юстиции РФ в актуальный (на момент выхода выпуска) список иностранных агентов.

Редакция осуществляет научное и литературное редактирование поступивших материалов, при необходимости корректирует их по согласованию с автором. Присланные материалы и корректуры авторам не возвращаются.

Редакционная коллегия сообщает автору решение об опубликовании статьи в течение 45 дней.

В случае отказа в публикации статьи редакция направляет автору мотивированный отказ.

Публикация всех научных статей осуществляется бесплатно.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.

Тел. редакции 8 (812) 606-62-42

E-mail редакции: russiaglobal@spbstu.ru

Сайт редакции: <https://russiaglobal.spbstu.ru>